Красный
Архив
1931 г
Т 45 (II)

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ СОРОК ПЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

ЦЕНТРАРХИВ

1931

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ (СОРОК ПЯТЫЙ)

1931

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1931 ★ ЛЕНИНГРАД

ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ».
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28.
★
Уполномоченный Главлита
№ Б-8729. С.-Э № 147. № Зак. 1224.
Тираж 2500 экз. 11 п. л.

Парижская коммуна 1871 г.

(Донесения Окунева Горчакову 1—25 мая 1871 г.)

Публикуемые ниже документы, — донесения царского посла Окунева из Парижа, — освещают последний этап истории коммуны — м а й 1871 года. Как показывает издаваемая Центрархивом отдельным сборником дипломатическая переписка Петербурга с Парижем, Берлином и Лондоном, уже к концу апреля необходимость решительного наступления Версаля на Париж была продиктована в первую очередь царским правительством. Предварительным условием успешного разгрома коммуны должно было послужить подписание мирного договора. Александр II и его слуга Горчаков толкали на это Тьера и Жюля Фавра. Маркиз Габриак, поверенный Франции в Петербурге, сообщал своему правительству в Версаль, что до окончательного разгрома коммуны царские дипломаты не желают даже разговаривать о «помощи несчастной Франции». Но реальную помощь в борьбе с коммуной Франции мог оказать только Бисмарк. А он требовал беспрекословного подчинения. Немецкий историк Онкен живописно изобразил беседу между Жюлем Фавром и Бисмарком еще во время обсуждения условий перемирия, — беседу, в которой канцлер третировал французское правительство, как «правительство бунтовщиков», заявляя, что, если бы генерал Трошю был на службе у немцев, он приказал бы его расстрелять. Но приходилось выбирать между «национальной гордостью» и классовыми интересами. Победили последние: 10 мая мир был подписан, и Тьер мог свободно располагать своими силами для разгрома коммуны. Более того, как мы знаем сейчас, в конце мая в деле подавления коммуны наметилось фактическое д е л о в о е с о т р у д н и ч е с т в о между Бисмарком и Тьером. На их стороне были симпатии всех европейских правительств и в первую очередь царского правительства. Так победители и побежденные избежали того, о чем писал К. Маркс, характеризуя наглую политику Бисмарка,— «неожиданного крещения палкой» в случае победы революции.

В своих донесениях Окунев сообщает царю и Горчакову подробности подготовляемого наступления на Париж. Разрабатывались различные проекты осады, штурма и блокады столицы. Предпочтение отдано было тому способу нападения на коммуну, который мог бы предохранить войска от разложения. Осада Парижа была облегчена тем, что прусская армия захватила, как мы читаем в донесениях Окунева, продовольствие, предназначенное для столицы. Но регулярная осада не могла быть длительной, — необходимо было добиться разгрома коммуны в кратчайший срок, тем более, что восстание в Лионе

не предвещало ничего хорошего. О восстании в Лионе Окунев сообщает особо, сопровождая свое донесение подробными сообщениями прессы.

Судьба коммуны привлекает внимание царского дипломата еще и потому, что среди повстанцев активное участие принимали поляки. Это—предмет особых забот и внимания царского правительства. Уже 8 мая Окунев пересылает царю список в 47 человек, где наряду с известными именами помещены случайные лица, для сведения III отделения. По сведениям Окунева, — как правило царские дипломаты выполняли одновременно и роль полицейских агентов, — число политических эмигрантов, участвовавших в коммуне, достигало внушительной цифры в 500—600 человек.

15 мая, сообщая о подписании мирного договора, Окунев доводит до сведения Горчакова, что Бисмарк воспользовался исключительно тяжелым положением версальского правительства и не только не облегчил, а сделал более тягостным территориальные и денежные требования. Но характерно, что «тяжелое впечатление» национального унижения быстро сменяют радостные вести о победе версальских войск. Срочные телеграммы поступают теперь в Петербург от Окунева каждые несколько часов. 25 мая в подробном донесении Окунев передает подробности «майских дней» и с удовлетворением добавляет: «Третьего дня в заседании Национального собрания г. Тьер заявил, что виновники парижского восстания будут преданы неумолимому суду и что население столицы будет разоружено».

Разгром коммуны был закончен, и царское правительство приступило к выполнению двух задач: добиться теснейшего сближения с Францией для борьбы с германским влиянием на континенте и приступить к организации международного полицейского соглашения против Интернационала. Русские архивы министерства иностранных дел хранят богатейший материал по последнему вопросу; материал этот показывает, как напугано было не только царское правительство, но и все европейские кабинеты успехами революционной пропаганды. В крови уничтоженная коммуна продолжала пугать их еще весьма долгое время.

Ц. Ф.

Окунев — Горчакову [1].

Версаль. 19 апреля (1 мая) 1871 г.

Г. канцлер.

В донесении от 11 (23) апреля за № 65, которое я имел честь представить вашей светлости, указывались различные способы наступления на Париж, обсуждавшиеся на заседаниях правительства.

Из доверительных сообщений, любезно сделанных мне главою исполнительной власти, следует, что из обсуждавшихся способов предпочтение было отдано способу регулярной осады. Вместе с тем решено лишить город продовольствия.

По словам г. Тьера, операции против форта Исси послужат лишь необходимой подготовкой для осуществления подступных работ, ко-

[1] Архив Революции и Внешней Политики.

торые будут вестись против окружной городской стены. Нахождение этого укрепления в руках инсургентов мешало производству указанных работ. Поэтому было важно преодолеть это препятствие. Операции, предпринятые с этой целью, прекрасно удались; г. Тьер сказал мне, что если в настоящее время форт этот еще не перешел в руки войск, то занятие его является лишь вопросом времени. Благодаря позициям, возведенным около него осаждающими войсками, находящимися в нескольких метрах от прорытого в различных местах гласиса, этот неосвещаемый форт может быть с минуты на минуту взят приступом, если сами инсургенты не сдадут его добровольно.

Во всяком случае, — прибавил г. Тьер, — форт этот в его нынешнем состоянии уже не может служить препятствием для намеченных против Парижа действий. К ним будет приступлено теперь же. Для входа армии в город избрана часть окружной стены, носящей название Le Point du Jour; она расположена между Отей и Гренелль, — с этой стороны и будет сделана брешь. С этой целью две большие батареи уже установлены на высотах Монтрету и Бельвю. Остановились на Point du Jour потому, что в соседнем квартале имеются лишь незначительные сооружения, которые неминуемо придется уничтожить, так что вознаграждение владельцев за понесенные ими убытки обойдется не слишком дорого.

Г. Тьер надеется, что, как только армия войдет в Париж, в городе начнется движение реакции, среди самих инсургентов произойдет разложение и таким образом удастся избежать уличных боев. Он даже склонен думать, что успех войск окажет столь сильное моральное воздействие на умы, что поворот в пользу войск произойдет еще до вступления их в столицу. Он уже больше не сомневается в их благонадежности и вполне верит в успешность военных операций.

Правительство, — сказал мне г. Тьер, — решило вместе с тем воспретить привоз продовольствия в Париж, пользуясь всеми средствами, находящимися в его распоряжении. Целью его отнюдь не является морить столицу голодом; оно ограничится тем, что будет препятствовать доставке съестных припасов и предметов военного снаряжения. Но выезду жителей из Парижа не будет ставиться никаких преград.

С некоторых пор немецкие военные власти начали способствовать ведению подобной осады, захватывая для собственных нужд все предназначающееся для Парижа продовольствие при провозе его через северную и восточную границы. Однако по этому поводу не было заключено никакого соглашения, и участие немецких властей в блокаде Парижа совершается без какого-либо побуждения их к тому французским правительством. Это участие — добровольно и, кажется,

порождается исключительно желанием как можно скорее покончить с мятежом. Впрочем высшие немецкие военные власти всегда считали, что блокада — самый верный способ завладеть столицей.

Таковы вкратце доверительные сообщения г. Тьера.

Заканчивая это донесение, считаю долгом сообщить вашей светлости дошедшие до меня сведения относительно одного слуха, получившего широкое распространение во французской и иностранной прессе. Утверждают, будто бы инсургентами в парижских сточных трубах местами заложены минные камеры для того, чтобы с вступлением войск взорвать целые кварталы. Г. Альфан, один из виднейших городских архитекторов, держится того мнения, что даже если мины и в самом деле заложены, они не могут представлять никакой серьезной опасности, так как сточные трубы находятся под землей на глубине 40 метров и заключены в сводчатые стены чрезвычайной прочности. Кроме того, пороховые запасы инсургентов, кажется, подходят к концу, возобновить же их в больших размерах нет возможности из-за недостатка серы.

Поэтому представляется мало вероятным, чтобы они решились затратить часть пороха на какое-либо предприятие, в успешности коего они не могут быть уверены. Однако из получаемых правительством донесений явствует, что бочки с порохом поставлены во рвах, вырытых перед выстроенными внутри города баррикадами, число коих увеличивается с каждым днем. Некоторые из этих баррикад достигают значительной высоты и по своей прочности и вооруженности являются настоящими бастионами.

О к у н е в.

Окунев — Горчакову.

В е р с а л ь. 20 а п р е л я (2 м а я) 1871 г.

Г. канцлер.

Хотя результат происходивших во Франции 30 апреля муниципальных выборов еще не вполне известен, все же, по сведениям, полученным до сих пор правительством, можно представить себе их общий характер.

В городах, даже небольших, как будто одержал победу республиканский список. Коммунистическая партия восторжествовала в нескольких южных городах. В Бордо, Лилле, Нанте, Пуатье и Гренобле выборы хотя, в общем, и прошли скверно, но все же не дали столь крайних результатов.

В деревнях радикальная партия почти повсеместно потерпела полное поражение. В большинстве были переизбраны прежние имперские муниципалитеты.

Правая и крайняя правая Национального собрания возлагают вину за подобный исход выборов на правительство. В республикованном циркуляре г. Пикар предписывал префектам полное невмешательство, но монархическая партия подозревает министра внутренних дел в том, что он, наряду с этими гласными распоряжениями, послал начальникам департаментов тайные инструкции с предложением оказывать содействие избранию республиканцев.

Независимо от того, в какой степени подобное обвинение части собрания является обоснованным, предпочтение г. Тьером республиканской формы правления становится все более и более очевидным. Его последняя речь в собрании не оставляет никакого в этом сомнения. Кроме того, рассказывая мне о только что происшедших выборах, глава исполнительной власти не скрыл от меня своих убеждений. Он сказал мне, что, стараясь уяснить себе истинный характер общественного мнения в настоящее время, он убедился в том, что Франция гораздо более склонна к республике, чем это вообще предполагалось и чем это предполагал он сам. В республиканизме Парижа не может быть никаких сомнений. Многочисленные делегаты, направляемые к нему из столицы, не исключая и делегатов партии порядка, совершенно убедили его в этом. Некоторые из них даже высказывали предположение, что если бы Национальное собрание теперь же решилось провозгласить республику, то Париж сдался бы. По словам г. Тьера, помимо столицы и все крупные провинциальные центры и даже большинство мелких городов настроены республикански.

Возможно, что, делая подобные заявления, г. Тьер совершенно искренен, но также возможно и то, что они продиктованы ему лишь желанием лишить парижских инсургентов единственного аргумента, которым они еще могут прикрываться [1], — их ссылок на мнимую монархическую реставрацию, якобы замышляемую правительством Национального собрания.

Не желая входить в обсуждение соотношения сил различных политических партий во Франции, считаю долгом указать, что республиканская форма правления приобретает сторонников не только в городах, но также и в Национальном собрании. Сейчас в самой палате из депутатов центра организуется новая группа. Эти депутаты, не являясь сплошь приверженцами республики, все же хотят не допустить возможной борьбы за другую форму правления провозглашением г. Тьера президентом республики на трехлетний срок. Эта группа, насчитывающая уже более сотни членов, хотела бы таким образом установить временный строй на определенный срок, втечение коего Фран-

---

[1] На полях царская помета: «Это более осторожно».

ция получила бы возможность приступить к реорганизации, но, в сущности, при этом косвенным образом была бы уже провозглашена республика. Влияние этой группы значительно возросло бы, если бы она объединилась с республиканской партией палаты в собственном смысле. Последняя сама по себе имеет 140 членов. Кроме того, еще предстоит доизбрать 120 депутатов взамен выбывших вследствие отставок, избраний и за смертью. Если предположить, что все новые депутаты окажутся республиканцами, то эта партия составит большинство в палате.

Должен, кроме того, заметить, что в настоящее время одни лишь республиканцы проявляют активность и энергию, что только они производят впечатление сплоченности, тогда как малодушие и отчаяние, кажется, начинают овладевать другими партиями. На последних муниципальных выборах отсутствовало более трети. Однако все республиканцы голосовали. Воздержание от голосования имело место лишь у других партий. Вследствие этих уклонений от голосования вчера пришлось приступить в перебаллотировке. Результат ее еще неизвестен; эта вторая попытка однако во многих отношениях, как по количеству подлежащих избранию кандидатов, так и по важности тех городов, где она должна проводиться, имеет большое значение. Так, пришлось приступить ко второй баллотировке в Лионе и в Марселе. В Лионе первые выборы ввиду сопряженных с ними беспорядков были аннулированы. Мятеж был подавлен войсками; он, к счастию, побудил правительство принять энергичные меры, — а именно, произвести разоружение наиболее беспокойных в городе кварталов. Считаю долгом представить при сем вырезку из издающейся в этом городе газеты с сообщением о мерах, принятых для подавления беспорядков [1]). Приводимые здесь подробности особенно любопытны в том отношении, что они вскрывают целую систему, проводимую радикальной партией в целях достижения разложения армии. Эта же система проводилась и в Париже 18 марта. Однако благодаря энергии лионского коменданта Круза и принятым им мерам маневры агентов Парижской коммуны ни к чему не привели.

Заканчивая это донесение, мне остается лишь указать на значение выборов по деревням.

Прежние муниципалитеты империи потому были переизбраны в большинстве деревенских общин, что лишь в их составе имелись кандидаты, способные выполнять свои обязанности в деревнях (где выбор весьма ограничен).

Их переизбрание поэтому должно быть приписано скорее отсутствию конкурентов, чем исключительным бонапартистским симпатиям;

---

[1]) См. ниже стр. 9.

тем не менее большинство деревень, в особенности на юге Франции, как будто еще сохранило большую преданность империи, которая втечение двадцати лет обуздывала революцию во Франции и умела поддерживать внутренний порядок в стране.

Окунев.

Мятеж [18] 30 апреля в Лионе.

Еще с субботы можно было предвидеть, что завтра произойдут беспорядки. На публичных собраниях в Круа Русс открыто пропагандировалась гражданская война. Кроме того, в пятницу газета парижских коммунаров, несомненно осведомленная обо всем подготовлявшемся в Лионе, сообщала о предстоящем мятеже и даже точно указывала, что целью его будет—воспрепятствовать силой оружия голосованию. И, действительно, в воскресенье утром, вооруженные люди расположились в различных пунктах голосования в Ла-Гиллотьер, захватили мэра и мешали производству выборов, задерживая мужественных граждан, хотевших положить свои бюллетени; всюду они водрузили красные знамена. По приказу вожаков, ударили сбор, и часть национальных гвардейцев, — впрочем, немногочисленная, — присоединилась к восставшим. В то же время была вывешена прокламация без подписи, без указания типографии, под названием «Лионская коммуна». В ней заявлялось, что Лион «не может допустить, чтобы был удушен его родной брат, героический город Париж», и при этом добавлялось следующее:

«Лионские революционеры, собравшись по взаимному между собой согласию, избрали Временную коммуну, облеченную всем полномочием власти.

Эта коммуна, не объявляя о своем существовании, подготовила совершающуюся сегодня революцию; она оставит за собой всю власть до тех пор, пока в ближайшее время не будут произведены правильные и последовательные выборы.

В настоящее время мы, граждане, находимся в трудном положении, и мы рассчитываем на ваше энергичное содействие нам. Однако члены, составляющие Временную коммуну, решили для достижения победы использовать все имеющиеся в их распоряжении средства. Они решили скорее не оставить камня на камне от города, который оказался бы настолько низким, чтобы скорее задушить Париж и республику, чем уступить победу врагу».

Между тем предупрежденные власти решились действовать. В четыре часа вечера с фортов раздались три пушечных залпа. Это был условный сигнал для наступления войск. Две колонны двинулись в различных направлениях. Когда первая колонна, составленная из солдат 38 линейного полка, начала подходить к площади, часть населения, симпатизирующая коммуне, устроила ей чрезвычайно ловко подстроенную встречу, оборониться от которой не было возможности. Сто с лишним национальных гвардейцев-коммунаров, несших караульную службу перед зданием мэрии, вместо сопротивления сложили оружие в козлы. В то же время многочисленная толпа безоружных людей, в особенности женщины и дети, бросилась вперед и во фланг колонны с криками: «Да здравствуют линейцы! Да здравствует армия! Разве вы не наши братья, разве вы станете в нас стрелять?» Женщины выказали себя наиболее смелыми и назойливыми; они вешались на седельные луки, хватали за руки солдат; они их даже целовали.

Сбитые с толку подобным приемом, явившимся следствием прекрасно изученной и дружно осуществленной тактики, солдаты, всегда испытывающие отвращение к гражданской войне, начинают колебаться и, не слушая приказаний своих

офицеров, останавливаются, затем мало-по-малу отступают под натиском все возрастающей, с виду столь безобидной, толпы.

Никто из них однако не поднимал ружей прикладами вверх, как об этом ошибочно сообщалось. Начальники, видя всю невозможность открыть военные действия, увели войска; покинув площадь, они направились по дороге к Перрошу через мост Гиллотьер и набережную Милосердия.

Другая колонна тем временем продвинулась через мост на левый берег. Тут она тоже остановилась. Между солдатами и толпой завязались разговоры, женщины даже начали фамильярно рассаживаться на пушках, подступ к коим не был строго воспрещен. Это своего рода полубратанье или, вернее, эта полная инертность войск продолжалась втечение приблизительно получаса, после чего вся колонна получила приказ отступить; коммуна осталась хозяином положения.

События эти происходили вечером, между четырьмя и половиной седьмого.

Площадь Гиллотьер принимала с минуты на минуту все более возбужденный вид. Начали сооружаться баррикады.

Самих мятежников было не очень много. Но тут же, при производимых ими работах, присутствовала толпа, которая не отдавала себе ясного отчета о преследуемой ими цели, но все же относилась к ним скорее сочувственно, чем враждебно.

Тем временем со стороны войск подготовлялась новая атака. К 7 часам вечера из главного квартала, с площади Наполеона, двинулась новая наступательная колонна, иначе построенная, охраняемая спереди, сзади и с обоих флангов несколькими эскадронами конных стрелков, с генералом Круза, г. Валентен, префектом Роны и еще несколькими другими чиновниками.

Вскоре она перешла через мост и спустилась на левый берег, к началу улицы, ведущей к Cours de Brosses. Там она была остановлена подобным же препятствием, как и те, вследствие коих потерпела неудачу первая попытка, а именно, наступлением безоружной толпы, с преобладанием в ней женщин; последние рассыпались в уверениях своей симпатии к солдатам и умоляли их не стрелять в народ, ссылаясь на то, что таким образом каждый из них рисковал бы убить своего друга, брата. Пройти через эту баррикаду из людей не было почти никакой возможности.

Тогда один из артиллерийских офицеров крикнул: «Канониры к орудиям!» В то же самое время отряду пехоты, находившемуся во главе колонны и прикрывавшему собой пушки и митральезы, было приказано расступиться по сторонам. Артиллерия открыла огонь. Раздалось несколько залпов — один за другим; хотя пушки были заряжены одним лишь порохом, этого оказалось достаточно, чтобы расчистить все пространство вплоть до здания мэрии. Несколько ружейных залпов, произведенных с той же целью, завершили это дело, заставив разбежаться по сторонам теснившую солдат толпу.

Тогда колонна вновь получила возможность двинуться дальше и подойти ближе к зданию мэрии, расположенной сбоку в глубине площади так, что ее нельзя было видеть с моста. Теперь увидели, как открылись окна в одной из комнат первого этажа, и оттуда последовало несколько выстрелов. В ответ на это нападение был дан картечный залп, которым было убито и ранено несколько защитников коммуны.

Необходимо было овладеть этим зданием, ворота коего были заперты. При втором картечном залпе они разлетелись вдребезги. Тогда войска ворвались внутрь, захватили в плен всех находившихся там при оружии и сорвали красное знамя, так долго развевавшееся над гиллотьерской мэрией.

При помощи штыков войска завладели также и двумя другими домами, в которых укрепились повстанцы.

Как раз во время этой атаки г. Валентен и был ранен ружейными выстрелами в бедро. Было также ранено несколько офицеров из командного состава.

Г. Андрие, прокурор республики, шедший во главе второй колонны, был узнан мятежниками; они яростно набросились на него, схватили, оттащили от солдат, и он чуть не был ими зарублен. В эту самую минуту кавалерийский отряд врезался в толпу и опрокинул ее. Г. Андрие почувствовал, как по нему промчались лошади, но, будучи, к счастью, защищен телами тех, кто намеревался его убить, он не получил никаких повреждений.

Ввиду того, что из 4-го этажа одного дома с левой стороны Cours de Brosses, как это заметили жандармы, последовал ружейный выстрел, саперы вырубили входную дверь ударами топора и обыскали все четыре этажа этого дома. В одной из передних комнат находилось трое людей, вооруженных еще горячими ружьями. Они были арестованы, выведены перед войском и тут же расстреляны.

Сражение в Гиллотьер продолжалось втечение всей ночи.

Лишь к трем часам утра огонь повстанцев окончательно затих. На следующий день, в понедельник, войска заняли мэрию и главные пункты квартала Гиллотьер. Пока на Гиллотьер длилась борьба, в Круа Русс (La Croix Rousse) было тоже неспокойно. Делегаты Парижской коммуны, обрадовавшись предлогу, который давал им возможность быть не там, где происходило сражение, разгуливали по бульвару Круа Русс и подбивали на восстание национальных гвардейцев. Было решено приступить к действиям лишь со следующего дня. Действительно, в понедельник было несколько попыток устроить беспорядки, били в набат. На призыв к мятежу отозвалось лишь небольшое количество национальных гвардейцев; на некоторое время была захвачена мэрия, но восстание в этой части города не достигло тех размеров, до каких оно разрослось на площади Гиллотьер.

В остальных кварталах было спокойно.

Цифры убитых и раненых, как и всегда при подобных обстоятельствах, были выяснены лишь приблизительно. Семнадцать трупов горожан, в том числе двух женщин, были перенесены в больницу. Некоторые газеты насчитывают 52 убитых и раненых со стороны инсургентов и 25 со стороны войск.

По сообщению «Общественного блага», инсургенты намеревались также прибегнуть к убийствам.

В два часа пополудни префект, генерал Круза, архиепископ, прокурор республики и начальник охраны должны были пасть от ножа наемных убийц коммуны, руководимых неким Пейе, бывшим городским сторожем. Все эти происки подготовлялись тайным комитетом, составленным из будущих членов Лионской коммуны; им предшествовали многочисленные призывы к оружию, расклеенные по всему Гиллотьерскому кварталу.

К счастью, власти, предупрежденные обо всех этих гнусных замыслах, приняли все меры предосторожности, продиктованные серьезностью положения.

После полудня удалось арестовать, при входе в кабинет прокурора республики г. Андрие, двух главных участников этого заговора: Пейе, который, в случае удачного покушения, был намечен к занятию поста директора охраны, и некоего Кодекса, одетого в форму национального гвардейца.

У Кодекса нашли подлинное сокровище убийцы: трехгранный клинок, старательно отточенный и вделанный в грубую рукоятку.

Кроме того, оба они были снабжены мандатами от временного комитета Лионской коммуны, уполномочивающими их на сношение со всеми революционными организациями, и личными удостоверительными карточками, аттестующими их в качестве друзей и братьев. Удалось также захватить и других лиц, принявших

на себя ту или иную роль в этой мрачной драме, и, в частности, Альбера Блана, скрывшегося после неудачной попытки 22 марта.

Альбер Блан возвращался из Женевы с множеством прокламаций коммуны.

Все эти мятежники и преступники ныне находятся в надежном месте, и все нити их заговора — в руках полиции. В понедельник утром префект и генерал распорядились расклеить по городу ряд энергичных воззваний. То же сделал мэр, г. Энон, чтобы заклеймить «преступление, совершенное иностранцами и злоумышленниками против свободы выборов».

«Все эти волнения, — заявлял он,— были вызваны лишь в целях монархической реставрации».

Окунев — Горчакову.

Версаль. 26 апреля (8 мая) 1871 г.

Г. канцлер.

Форт Исси, близкого падения коего ожидал г. Тьер, как я имел честь сообщать о том императорскому министерству в моем донесении от 19 апреля (1 мая) за № 70, находится еще в руках повстанцев.

В момент отправления этого донесения форт этот, на котором уже были потушены все огни, был почти оставлен своими защитниками. Занятие его войсками, казалось, не представляло ввиду этого никаких серьезных затруднений. Военные власти однако не решались войти в него, опасаясь, что он минирован. Были начаты переговоры о его сдаче. На это время осаждающие прекратили огонь. Инсургенты воспользовались этим перерывом, чтобы вновь вооружить форт и послать к нему подкрепления.

Таким образом инсургенты получили возможность продолжать его защиту и вынудили войска собрания приступить к подступным работам, чтобы окружить форт и отрезать его от сообщения с Парижем и с фортом Ванв. Если судить по опубликованным правительством донесениям, то операции эти как будто уже подходят к концу. Вместе с тем войска старались предотвратить взрыв мины, заложенной, по их мнению, под этим фортом; для этого был вырыт окружный ров, чтобы таким образом перервать соединительные провода в случае, если бы таковые действительно существовали.

Одна из батарей, предназначенных к бою на Point du Jour, а именно батарея на высотах Монтрету, как говорят, будет на-днях совершенно готова и уже с завтрашнего дня откроет огонь против парижского вала. Батарея эта состоит из 70 дальнобойных морских пушек. Та же батарея, которая должна быть сооружена на высотах Бельвю, может быть там установлена лишь после того, как будет захвачен доминирующий на этой местности форт Исси.

Считаю необходимым представить при сем воззвание, которое распространялось вчера в Париже правительством и в котором жителям столицы сообщается о неминуемой бомбардировке окружного вала. Воззвание это вместе с тем призывает парижан открыть армии одни из городских ворот во избежание связанных со штурмом бедствий [1]).

Пока производились указанные операции против форта Исси, г. Тьер рискнул еще на один маневр, оставшийся неизвестным обществу.

Председателю исполнительного совета как-будто удалось установить связь с некоторыми главарями восстания, которые будто бы согласились открыть ворота Майо, дабы впустить через них войска. Говорят, что посредством довольно значительной суммы удалось подкупить Клюзере [2]). Два армейских дивизиона были отправлены в одну из последних ночей с трехдневным запасом продовольствия в окрестности Булонского леса. Г. Тьер и маршал Мак-Магон провели всю ночь в самом лесу, ожидая условленного сигнала, чтобы двинуть войска, но сигнал этот дан не был. Таким образом, попытка эта не удалась, а Клюзере на другой день был арестован по приказу коммуны. Среди предъявленных ему обвинений, между прочим, фигурирует обвинение в сношениях его с версальским правительством. Однако, опасаясь, что ее самое могут заподозрить в измене, коммуна воздержалась от предания этого обвинения гласности.

Из вышеизложенного явствует, что г. Тьер не останавливается ни перед какими мерами, лишь бы завладеть Парижем. Тем не менее находятся нетерпеливые люди, не отдающие себе отчета в многочисленных трудностях положения, приписывающие г. Тьеру затягивание предстоящей атаки. Особенно же его обвиняют в желании лично руководить операциями и в том, что он, якобы, неоднократно вредил успеху дела распоряжениями, которые он навязывал Мак-Магону. Недовольство им все более и более распространяется в армии. Независимо от того, насколько основательны эти обвинения, все же верно, что отставка генерала Дюкро была вызвана исключительно несогласием между ним и главой исполнительной власти по вопросу о происходящих военных операциях.

Во внутреннем положении Парижа со времени отсылки моих последних донесений не произошло каких-либо значительных перемен;

---

[1]) См. ниже стр. 15.

[2]) Клюзере — военный делегат коммуны, действия которого не раз подвергались в ЦК нац. гвардии нападкам. Еще 17 апреля ЦК обратился к коммуне с просьбой арестовать Клюзере.

я должен ограничиться лишь сообщением об учреждении Комитета общественного спасения и о замене Клюзере неким Росселем, артиллерийским офицером, выдвинувшимся при Меце и затем служившим в Луарской армии, где он был произведен Гамбеттой в чин полковника.

Учреждение Комитета общественного спасения взамен прежнего Исполнительного комитета коммуны не приходится истолковывать,— по крайней мере, до настоящего времени для этого нет никаких данных, — как результат возрастающей ярости инсургентов. Кажется, воскрешая этот отголосок эпохи террора, коммуна преследовала лишь единственную цель — дать видимое удовлетворение крайней среди мятежников партии. Ввиду того, что Комитет общественного спасения, как и бывший Исполнительный комитет, подчинен верховной власти самой коммуны и члены ее не являются ответственными перед Комитетом общественного спасения, ничто, кажется, не изменилось в ее революционном механизме.

Но инсургенты сделали еще одну попытку распространить свое влияние на всю остальную Францию. Возникший в Бордо анонимный комитет созывает на 10 мая делегатов республиканских муниципалитетов для выработки мирной программы, которая, якобы, будет предложена от имени городов правительству и Парижской коммуне. Это предположенное собрание, кажется, является ничем иным, как точным осуществлением программы, появившейся накануне выборов в повстанческих столичных газетах. Ясно, что в данном случае, под прикрытием миролюбивых лозунгов, стремятся лишь к созыву собрания, избранного путем голосования в городах с радикальным направлением и— враждебного Национальному собранию.

Правительство, кажется, решило воспротивиться образованию второго собрания в Бордо. Если не ошибаюсь, им получены сведения о том, что главным инициатором этой новой попытки продления гражданской войны является Гамбетта, находящийся в настоящее время в Испании. Ввиду этого здесь, как-будто, отдан приказ об аресте его в случае его появления на французской территории.

В заключение считаю долгом представить при сем вырезку из «La Patrie», которая, за исключением «Le Siècle», является единственной из прежних парижских газет, не закрытой до настоящего времени коммуной. Выдержка эта содержит подробное и точное описание баррикад, сооруженных в столице [1].

Окунев.

---

[1]) См. ниже стр. 16.

ВОЗЗВАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА К ПАРИЖАНАМ.

Правительство французской республики—парижанам.

Франция, путем свободной всеобщей подачи голосов, избрала правительство, которое одно лишь является законным, одно лишь имеет право требовать повиновения, если только всеобщее голосование не является лишь пустым звуком. Правительство это дало вам те же самые права, какими пользуются Лион, Марсель, Тулуза, Бордо, и, поскольку вы не хотите изменить принципу равенства, вы не можете требовать себе больших прав, чем те, которые присвоены всем другим городам Франции.

Перед лицом этого правительства коммуна, т. е. угнетательское меньшинство, дерзающее покрывать себя гнусным красным знаменем, заявляет притязание навязать Франции свой насильственный режим. По делам ее вы можете судить о том, какой режим она нам сулит. Она посягает на собственность, захватывает граждан и держит в качестве заложников, превращает в пустыни ваши улицы и площади, на которых ранее процветала мировая торговля, она останавливает работы в Париже, парализует их во всей Франции, она препятствует вашему благосостоянию, которое готово было возродиться. Она задерживает освобождение нашей территории от немцев и подвергает вас опасности новой атаки с их стороны, причем они сами заявляют, что атака эта будет беспощадна, если только мы сами не сумеем подавить восстание.

Мы выслушали все делегации, которые были к нам направлены, и ни одна из них не предложила нам каких-либо условий, которые не сводились бы к унижению национального достоинства перед мятежниками, не требовали бы принесения в жертву всех наших свобод и интересов. Мы повторяли всем этим делегациям, что мы сохраним жизнь всем тем, кто сложит оружие, что мы попрежнему будем субсидировать нуждающихся рабочих. Мы это обещали, мы обещаем это и теперь, но необходимо, чтобы с восстанием было покончено, так как оно не может длиться далее, не обрекая на гибель Францию. Правительство хотело бы, чтобы вы сами своими силами освободились от этих нескольких тиранов, глумящихся над вашей свободой, над вашей жизнью. Так как вы не в состоянии этого сделать, оно должно взять это на себя, и для этого оно и собрало у ваших стен армию, которая ценою своей крови идет не покорять, но освобождать вас.

До настоящего времени правительство ограничивалось атакой внешних укреплений. Теперь же настал момент, когда, стремясь сократить ваши мучения, оно вынуждено штурмовать окружную городскую стену. Оно не намеревается бомбардировать Париж, как о том не преминут распускать слухи члены коммуны. Бомбардировка угрожала бы всему городу, она сделала бы его необитаемым, и целью ее могло бы быть лишь водворение паники среди жителей и принуждение их к стачке. Правительство прибегает к пушкам лишь для того, чтобы разрушить одни из городских ворот и чтобы опустошения, неизбежно связанные с войной, происходящей не по его воле, не распространялись за пределы атакуемого пункта. Правительство знает, — оно было бы в этом уверено и в том случае, если бы вы ему об этом не заявляли, — что стоит лишь солдатам вступить в город, как вы соберетесь под национальное знамя, чтобы помочь нашей доблестной армии в свержении кровавой и жестокой тирании.

От вас самих зависит предотвратить неизбежно связанные со штурмом бедствия. Вас во сто раз больше, чем фанатиков коммуны. Объединитесь, откройте нам ворота, которые они закрыли, чтобы не допустить водворения порядка, закона, благосостояния вашего и всей Франции! Как только откроются ворота,

пушки смолкнут, — спокойствие, порядок, изобилие, мир снова водворятся в ваших стенах, немцы освободят вашу территорию, и следы пережитых вами бедствий быстро исчезнут.

Но если вы останетесь бездейственны, правительство будет вынуждено принять для вашего освобождения самые срочные, самые верные меры. Оно должно поступить так ради вас самих, но также — и особенно — ради всей Франции, ибо бедствия, тяготеющие над вами, тяготеют и над ней; ибо разоряющая вас приостановка работ сказывается и на ней, разоряет и ее; потому, наконец, что она имеет право быть спасенной, поскольку вы не умеете спасти себя сами.

Парижане, подумайте об этом здраво; через немного дней мы будем в Париже. Франция жаждет покончить с гражданской войной. Она хочет, она должна, она может это сделать. Она идет освободить вас, вы можете ей помочь спасти вас, сделав ненужной атаку и с нынешнего же дня снова заняв свое место в рядах ваших сограждан и братьев.

Баррикады в Париже [1].

Сегодня мы посетили знаменитые баррикады, охрану коих ратуша возложила на гражданина Гайяра. Работа по их сооружению была не трудна, но длительна. Действительно, еще никогда не было собрано в Париже и в его окрестностях такое количество булыжника.

Эти внутренние оборонительные сооружения коммуна считает вторым и третьими валами. Нет ничего менее похожего на настоящие валы. Общая система этих сооружений гораздо больше приноровлена к расположению парижских центров, чем к более или менее укрепленным пунктам окружного вала.

Итак, начнем с центра.

Площадь Согласия забаррикадирована или, вернее, загромождена с четырех сторон (в четырех местах). Более значительное соооружение находится в начале улицы Риволи и улицы Сент-Флорентен. Справа оно опирается на здание морского министерства; слева, снижаясь к востоку, оно примыкает к Тюильрийской ограде. Перед ним широкий и глубокий ров, он обнажает водо- и газопроводные трубы и самый сток их, сводчатая стена коего совершенно открыта.

Со стороны самих защитников является, по меньшей мере, неосторожным обнажать таким образом трубы. Достаточно одного снаряда, чтобы взорвать газопроводную трубу и вызвать общий взрыв, более ужасный по своим последствиям для тех, чьи пушки находятся в амбразурах и чьи ружья смотрят в бойницы зубчатых стен, чем для осаждающих. В этой баррикаде сделано пять амбразур; сама она замаскирована прикрытым путем, позади которого находятся новые укрепления, сооруженные при помощи наполненных землею бочек. Сама баррикада выстроена из мешков с землей, нагроможденных один на другой.

Не менее значительное сооружение находится на южном конце Королевской улицы. Оно опирается на здание морского министерства и на мебельный склад. Если бы на этом сооружении были установлены пушки, то они угрожали бы обелиску и зданию Законодательного корпуса, а соседние с ними — началу улицы Елисейских полей и памятникам Нанта и Страсбурга.

У ограды Тюильрийского сада новое сооружение, но примитивной конструкции. Просто сама ограда засыпана землей. Снаряды, выпускаемые с этой баррикады, пролетали бы вдоль улицы Елисейских полей, само собой разумеется, сначала поразив обелиск.

---

[1]) Вырезка из парижской газеты 1871 г. «La Patrie».

Последняя баррикада из находящихся на площади Согласия, сооружена на набережной. Нам говорили, что для того, чтобы совершенно очистить площадь, на шпринге, близ моста, поставлены бойницы. Сомнительно, однако, чтобы какое-нибудь войско рискнуло без прикрытия появиться на столь широких улицах.

Двумя другими защищенными при помощи баррикад пунктами являются Вандомская площадь и площадь Отель де Вилль.

Баррикады Вандомской площади подверглись перемещению. Часть стены, сделанной из булыжника, осталась с обеих сторон улицы Мира нетронутой; главная часть оборонительного сооружения отодвинута назад.

Так же поступили и с сооружениями на улице Кастилион. И эти баррикады, как и баррикады на площади Согласия, не кажутся нам выстроенными в целях действительно стратегических. Булыжник, из которого они сделаны, при каждом залпе разлетался бы на тысячи кусков, губя при этом скрывающихся за ним людей.

Нам кажется, что баррикады на площади Отель де Вилль преследуют лишь единственную цель — затруднять передвижение.

Этим концентрическим сооружениям соответствуют сооружения эксцентрические; мы ограничимся лишь их перечислением. Триумфальная арка защищена баррикадой, которую можно было бы разрушить пятнадцатью ударами хорошего кнута.

На площади Перейр, близ Курсельских ворот, три баррикады: одна на бульваре Нейи — очень прочная, другая на углу улицы Курсель, третья на северном конце улицы Мак-Магон.

Довольно значительные сооружения воздвигнуты на больших трактах, позади вала, у ворот Аспьер, а также перед воротами Клиши.

В Монмартре — баррикады другого типа; вместо того, чтобы быть обращенными во вне, они обращены к внутренней стороне площади.

Таким же образом они расположены и в Бельвилле.

На юге, внутри черты города, имеются столь же значительные сооружения. Они состоят, главным образом, из огромных кавальеров, поставленных на бастионы, чтобы доминировать над фортами в случае, если бы последние были заняты осаждающими. На этой стороне имеется еще несколько баррикад и, в частности, баррикада около Монружа, на площади Италии; из всех имеющихся в Париже это, несомненно, лучшая.

Окунев — Горчакову.

Версаль. 26 апреля (8 мая) 1871 г.

Г. канцлер.

В моем донесении от 19 апреля (1 мая) за № 69, я имел честь передать вашей светлости любезно сделанные мне г. Тьером доверительные сообщения относительно затруднений, возникших между полномочными французским и немецким представителями, коим была поручена окончательная редакция мирного договора.

Ввиду того, что я не имел возможности повидать г. министра иностранных дел перед его отъездом во Франкфурт, а также поговорить на этих днях с г. Тьером, я не могу сегодня представить вашей светлости подробных сведений относительно переговоров г. Жюля Фавра с князем Бисмарком.

Но из одного разговора лорда Лайонса с французским министром иностранных дел, как раз в день отъезда последнего, явствует, что целью его поездки является заключение соглашения непосредственно с германским канцлером как по вопросу об уплате за причиненные войной убытки, так и по тем пунктам, о которых я сообщил в упоминаемом мною донесении, из-за необходимости урегулировать которые и задержано до настоящего времени подписание мирного договора.

Окунев.

Окунев — Горчакову [1]).

Версаль. 26 апреля (8 мая) 1871 г.

Г. канцлер.

Считаю долгом представить императорскому министерству прилагаемый при сем список наиболее видных польских эмигрантов, которые, как будто, состоят в настоящее время на службе у коммуны. В этом списке, только что мне переданном и за абсолютную точность коего я не мог бы все же поручиться, относительно каждого упоминаемого лица сообщаются некоторые указания об его прежней деятельности.

Насчитывают от 500 до 600 эмигрантов, которые в настоящее время борются в рядах парижских инсургентов.

Я уже имел случай указать в предшествующем донесении, насколько сильно участие поляков в коммунистическом движении подорвало те симпатии, которыми они еще пользовались во Франции [2]).

Я полагал, что достоинство императорского кабинета обязывало меня воздержаться от обсуждения линии поведения поляков в моих беседах как с главой исполнительной власти, так и с министром иностранных дел. Но я с чувством удовлетворения замечаю прогрессирующий с каждым днем поворот общественного мнения о них и надеюсь, что поворот этот установится серьезно и прочно сам собою, без того, чтобы общественное мнение приходилось наталкивать на этот путь.

Окунев.

СПИСОК ПОЛЬСКИХ ЭМИГРАНТОВ, СОСТОЯЩИХ НА СЛУЖБЕ У КОММУНЫ.

Ярослав Домбровский. Генерал коммуны, достаточно известный, был представлен Разоном, парижским депутатом Национального собрания, Делеклюзу, при выходе его из Мазаса [3]) в июле 1870 г.

---

[1]) На подлиннике помета Александра II: «Гр. Шувалову».

[2]) На полях помета Александра II: «Тем лучше».

[3]) Mazas — тюрьма в Париже.

Теофиль Домбровский. Полковник коммуны, брат первого; о нем имеется дело в верховном суде (Франции). Принадлежал к «Интернационалу» с самого его основания.

Костржевский. Поручик 155 батальона национальной гвардии; член польского демократического общества; агент-вербовщик коммуны.

Бронислав Воловский. Член «Интернационала»; этот индивид был выслан из Франции в 1869 году за его проделки в Лионе. Он организовал в 1866 году польскую лигу на юге Франции и собрал значительные суммы в виде пожертвований в пользу поляков, причем денег этих он так и не роздал.

Владислав Воловский. Брат предыдущего; подпоручик национальной гвардии.

Грущинский. Член польского демократического общества и секретарь Мирославского; был послан последним к Раулю Риго, бывшему начальнику полиции при коммуне, который и пользуется им для специальных поручений.

Лада. Сержант-фурьер 227 батальона, ораторствует в клубах коммуны с момента возникновения.

Валерий Врублевский. Генерал коммуны, бывший начальник литовской банды и сотрудник «Борьбы» и «Мстителя» — социалистических газет. Он связан с Бланки и был членом представительного комитета польских эмигрантов с 1863 года.

Жозеф Квятковский. Бывший член комитета вооружения в Польше в 1863 г., теперь поручик одного из соединенных батальонов. Это человек крайне опасный; он занял палату 4 сентября 1870 г. и ратушу (Отель де Вилль) 31 октября. Имеет сношения с прессой.

Попович. Капитан; бывший наборщик в «Пробуждении», социалистической газете.

Шарль Матушевич. Полковник коммуны, бывший член центрального польского комитета; его посылали в С.-Петербург, чтобы подбивать солдат к дезертирству; выставлял кандидатуру на выборах 1871 г. во Франции. Несмотря на поддержку радикального парижского комитета, избран не был. Военный корреспондент «Пробуждения» и «Борьбы».

Владислав Дюпен. Политический агент коммуны, послан в Бухарест.

Александр Франковский. Бывший член польского комитета, присвоивший себе его деньги в 1870 г. Был капитаном разведочного корпуса (de Polizac) во время осады Парижа. В настоящее время адъютант Яр. Домбровского.

Луи Брзозовский. Гарибальдийский офицер, работал в комитете по сооружению баррикад в Париже.

Рутковский. Капитан соединенного артиллерийского полка; бывший артиллерийский унтер-офицер русской армии.

Пашковский де-Задора. Капитан. Бывший оратор радикальных парижских клубов.

Г. В. Островский. Чиновник министерства юстиции в Париже в 1848 году, в настоящее время в коммунальной делегации того же департамента.

Бишинский. Бывший начальник города Вильны и командир жандармского корпуса; в настоящее время капитан разведочных отрядов, в частности корпуса Рэнди; передался в распоряжение коммуны.

Ландовский. Командир соединенного батальона; до того посыльный в книжной лавке.

Бирнакли. Полковник; организует корпус соединенных стрелков; был в 1870 году приговорен уголовным судом департамента Сены к 12 годам принудительных работ за изготовление фальшивых денег двадцатифранкового достоинства.

Околович. Генерал коммуны; бывший пятновыводчик в Варшаве; носит фальшивые русские ордена, к которым он сфабриковал грамоты.

Твиский. Капитан.

Синек. Адъютант Ярослава Домбровского.

Нинковский. Политический агент коммуны.

Розенталь. Играет ту же роль и подписывается «Розентальский».

Розицкий. Офицер главного штаба коммуны; был начальником волынского отряда в 1863 г.

Раевский. Гарибальдийский офицер.

Л. Бюлевский. Политический агент коммуны.

Ванделин Красовский. Капрал батальона Монжерон.

Ольшевский. Капитан, участвовал в отряде Штенклера.

Гаршинский. Был замешан в выпуске фальшивых векселей русского банка. В настоящее время курьер коммуны.

Гейденрейх. Военный чиновник, большой друг Феликса Пиа; начальник отряда в 1863 г.

Дигат. Поручик.

Амборский. Поручик. Служил у одного книгопродавца на набережной Малакэ.

Гаштовт. Офицер. Сотрудничал в нескольких радикальных газетах, в частности в «Крике народа». Член Республиканской лиги.

Рупрехт. Простой национальный гвардеец, бывший член польского комитета 1863 г.; бывший полномочный комиссар; организовал в 1871 году клуб Казино в Париже.

Эдуард Спвинский. Национальный гвардеец.

Токаржевич. Национальный гвардеец.

Бабинский. Сержант; член «Интернационала».

Кизильницкий. Национальный гвардеец.

Барон Гротус. Фурьер.

Жозеф Вилькошевский. Национальный гвардеец; освобожден из Мазаса, где он находился за выпуск фальшивых векселей.

Этьен Вилькошевский. Брат предыдущего.

В. Каминский. Капитан при главном штабе Домбровского.

Навроцкий. Поручик.

Владислав Мицкевич. Поручик, сын поэта.

Рамлов. Военный врач.

Окунев — Горчакову.

Версаль. 3 (15) мая 1871 г.

Г. канцлер.

Императорское министерство, вероятно, уже осведомлено через нашего берлинского посланника о подписании мирного договора между Францией и Германией. По возвращении из Франкфурта г. Жюль

Фавр не скрывал, что князя Бисмарка он нашел не в очень миролюбивом настроении, что было вызвано длительностью существующего в Париже положения. Г. имперский канцлер дал ему понять, что невмешательство Германии во внутренние дела Франции может быть достигнуто лишь немедленным подписанием мирного договора, условия коего были еще более усложнены ввиду полной неопределенности, реющей над грядущими судьбами страны. Чтобы гарантировать выполнение французским правительством принятых им на себя обязательств, берлинский кабинет счел необходимым продолжить оккупацию немецкими войсками парижских фортов, так что оккупация эта, по условиям мирного договора, но вопреки прелиминариям, окончится лишь после уплаты трех первых полу-миллиардов. Г. Бисмарк заявил французским полномочным представителям, что разные льготы, обещанные г. Тьеру и г. Жюлю Фавру при заключении версальских прелиминарных условий в вопросе об эвакуации фортов и возмещении военных убытков, вытекали единственно из доверия, внушенного Германии правительством Национального собрания. Доверие это не оправдалось. Правительство не проявило во внутренних делах страны той силы, которую были вправе ожидать от него. Ввиду этого Германия сочла себя обязанной заручиться определенными гарантиями, единственно путем коих она может охранить свои финансовые интересы.

Чтение в Национальном собрании этого тягостного договора г. министром иностранных дел было заслушано палатой в глубоком молчании. Один только параграф вызвал всеобщий ропот — параграф 12-й — относительно пребывания немецких подданных во Франции. Мне, естественно, казалось необходимым отметить эту подробность, так как в ней сказывается глубокая национальная уязвленность, вызванная в стране последствиями этой войны.

Окунев.

Телеграмма Окунева Горчакову [1].

Понедельник. С утра армия господствует над кварталами Отейля, проездом Триумфальной арки, предместьем Сент-Оноре и одной частью предместья Сен-Жермен. Слабость сопротивления позволяет надеяться на близкий конец.

Окунев.

Телеграмма Окунева Горчакову [2].

Вторник. Утром Монмартр взят штурмом. Потери чувствительные. Борьба сосредоточилась на площади Согласия, Тюильри и Ратуши. Большинство других кварталов во власти войск.

Окунев.

---

[1]) Получена в министерстве 11 (23) мая 1871 г.
[2]) Получена в министерстве 12 (24) мая 1871 г.

Телеграмма Окунева Горчакову от [13] 25 мая 1871 г.

Четверг. Восстание продолжается в Бельвилле и Сент-Антуанском предместье. Новые пожары. Горит королевский дворец. Пушечная граната пролетела во втором этаже нашего посольства. Разрушения незначительны. Форт Монруж в Бисетре и поросшие лесом высоты взяты.

Окунев.

Телеграмма Окунева Горчакову от [15] 27 мая 1871 г.

Суббота. Сент-Антуанское предместье занято после сильного сопротивления. Войска кончают окружение Бельвилля и Бютш-Шомон, последний оплот восстания.

Окунев.

Телеграмма Окунева Горчакову от [16] 28 мая 1871 г.

Воскресенье. Взяты Бютт-Шомон и Бельвилль, что кладет конец парижскому восстанию.

Окунев.

Окунев — Горчакову.

Версаль. 13 (25) мая 1871 г.

Г. канцлер.

Последовательными телеграммами я имел честь доводить до сведения императорского министерства сообщения о главных военных событиях, которые привели к сдаче Парижа и закончились потрясающими бедствиями.

Спешу сегодня представить вашей светлости краткий отчет об этих событиях, известных здесь еще далеко не во всей своей полноте.

Установленные в Булонском лесу батареи, под прикрытием атак с Монтрету, Белльвю и Мулэн-Сакэ, только что открыли огонь против окружного городского вала со стороны Point du Jour, когда произошел совершенно неожиданный случай, облегчивший вступление войск в Париж.

В послеполуденное время 9 (21) мая капитан фрегата Тревес, командовавший траншеей против ворот Сент-Клу в Point du Jour, приблизился к окружному валу, чтобы ознакомиться с состоянием этих ворот. Они обрушились под артиллерийским обстрелом. В это время один национальный гвардеец-инсургент сообщил ему, что эта позиция федератами оставлена. Капитан Тревес не побоялся войти туда с несколькими моряками и выкинул белый флаг, чтобы тем заставить осаждающих прекратить огонь. За ним немедленно последовали четыре саперные роты, и вскоре после этого армейский корпус генерала Доней, находившийся в Булонском лесу, также вступил туда и занял про-

странство между окружным валом и виадуком д'Отениль, а также и самый виадук, представлявший собой вторую оборонительную позицию, покинутую инсургентами.

В ночь с 9 (21) на 10 (22) мая корпус генерала Ладмиро также вступил через ворота Пасси и д'Отениль; поутру его войска, в количестве 30 000 человек, заняли почти без всякого сопротивления кварталы того же названия и получили господство над Трокадеро, где находились лишь слабо защищаемые баррикады. Генерал Винуа также вступил в город во главе резервного корпуса, перешел по Гренелльскому мосту через Сену и присоединился к генералу Сессей, командующему 2-м корпусом, который тем временем собирался брать приступом часть вала между фортами Ванв и Исси. Войска генерала Винуа открыли Севрские ворота и дали таким образом генералу Сессей возможность избежать штурма и без всяких затруднений занять значительную часть Сен-Жерменского предместья между вокзалами Монпарнас и площадью Инвалидов. В то время как генерал Ладмиро отправился в Пасси к Триумфальной арке, разрушил сооруженные перед ней баррикады и, зайдя с тылу, овладел воротами Майо, а также и Триумфальной аркой, генерал Кленшан занял предместье Сент-Оноре и дошел до здания Новой оперы.

Тогда маршал Мак-Магон, находившийся в Елисейских полях, приказал войскам остановиться. Остальная часть дня и наступившая затем ночь были посвящены отдыху. При этом ограничились лишь охраной завоеванных позиций.

Вот каким образом 90 000 человек были введены в Париж почти без боя, благодаря чему, к большому удовлетворению г. Тьера, более всего стремившегося предотвратить слишком сильное кровопролитие, удалось избежать штурма, к которому все уже было подготовлено и который должен был начаться к концу недели.

Инсургенты, видимо, захваченные врасплох этим стратегическим приемом, неожиданностью атаки и протяженностью той линии, на которой она происходила, оказали лишь слабое сопротивление. Ввиду этого можно было надеяться на то, что столица будет сдана в ближайшее время без нанесения армии каких-нибудь чувствительных потерь.

11 (23) мая генерал Кленшан, овладев Новой оперой и пристанью Сен-Лазар, отправился в Батиньоль, разрушил баррикады в Клиши и расположился у подножья укрепленной на Монмартре позиции. Генерал Ладмиро обошел с своей стороны эту важную в стратегическом отношении позицию; оба корпуса мужественным и решительным штурмом овладели Монмартром, штыковой атакой сразив защиту. Со своей стороны генерал Монтодон взял Нейи, Левалуа — Перре, Клиши и атаковал Сент-Уэн. Тем временем генерал Сессей оконча-

тельно захватил предместье Сен-Жермен и левый берег. Генералы Донэ и Винуа окружили Тюильри, Лувр и Вандомскую площадь, чтобы отсюда двинуться на Ратушу.

Сражение этого дня было более кровопролитным. По мере того, как инсургенты одну за другой теряли свои позиции, сопротивление их все более и более возрастало. Произошло несколько ожесточенных боев, между прочим у церкви св. Троицы — на правом берегу, и у церкви св. Клотильды — на левом. Однако ничто еще не предвещало тех бедствий, которыми должно было завершиться это страшное восстание.

Вечером укрепленные позиции площади Согласия подверглись обстрелу артиллерии, установленной в Елисейских полях и в садах отелей на улице Габриэль.

Немного позже начались пожары и втечение ночи с 11 (23) на 12 (24) мая Пале-Рояль, Городской дом, министерство финансов, Счетный двор, Государственный совет, сберегательная касса, а также огромное число частных домов были объяты пламенем и рушились один за другими. По последним сведениям, Французский банк удалось спасти; маршал Мак-Магон надеялся также спасти Лувр и содержавшиеся в нем произведения искусства, для чего приказал войскам вырыть ров между этими зданиями и Тюильри.

Инсургенты, видя себя окончательно разбитыми, зажгли все эти дома при помощи керосина. По мере их отступления, женщины, которым еще ранее было поручено произвести эти поджоги, приступали к выполнению этого чудовищного задания.

Кажется, еще задолго до этих событий члены коммуны подготовили все для осуществления своих хладнокровно задуманных планов.

До настоящего времени еще неизвестны размеры убытков как государственных, так и понесенных частными лицами.

Как я уже имел честь сообщить вашей светлости по телеграфу, здание императорского посольства, несмотря на то, что оно было окружено огромным количеством горящих зданий, к счастью, не пострадало. Пролетевший через комнату во втором этаже снаряд причинил лишь незначительное и легко исправимое повреждение.

Так как сообщение между отдельными парижскими кварталами прервано, я еще не имею сведений о судьбе нашей церкви. Однако, ввиду того, что в этой части города не замечалось пожаров и что квартал, где расположена церковь, был занят войсками с первого же дня их вступления, можно надеяться, что это здание уцелело.

Втечение вчерашнего дня войска с громадным воодушевлением, среди бушующего кругом огня, завладели Вандомской площадью,

площадью Согласия, Тюильри, Ратуши и всеми чудовищными укреплениями, окружавшими эти позиции.

Кажется, это последнее сражение было чрезвычайно горячо, инсургенты понесли очень большие потери убитыми и ранеными. Солдаты, возбужденные сражением, расстреляли на месте большую часть попавших к ним в руки федератов. Тем не менее в Версаль беспрерывно прибывают партии пленных, среди коих находятся женщины, взятые с оружием в руках, и даже дети.

Со своей стороны инсургенты обстреливали войска из подвалов, из окон, с крыш, а также разбрасывали во всех направлениях зажигательные бомбы. Втечение всего времени, пока армия двигалась к кварталам, расположенным по ту сторону Ратуши, чтобы достичь последних пределов еще занятой инсургентами территории, обстрел этот не прекращался ни на одну минуту, — даже в тех частях города, которые уже были заняты войсками. За исключением арестованных Асси и Жоанара и некоего Билльоре, убитого в сражении, до сих пор еще неизвестно, кто из главарей восстания захвачен или убит. До настоящего времени также ничего неизвестно о судьбах задержанных коммуной заложников.

Что касается потерь, понесенных армией, то они, кажется, относительно не столь велики.

Окунев.

Окунев — Горчакову.

Версаль. 13 (25) мая 1871 г.

Г. канцлер.

Третьего дня в заседании Национального собрания г. Тьер заявил, что виновники парижского восстания будут преданы неумолимому суду, но суд этот будет производиться с соблюдением всех норм закона; что население столицы будет разоружено; что прежняя муниципальная администрация, избранная во время войны, будет восстановлена лишь на время; наконец, он отрицал то обстоятельство, что правительство пользовалось услугами батальонов национальной гвардии порядка, предложивших, якобы, ему помощь и сражавшихся наряду с армией при вступлении ее в столицу.

Заявления эти до некоторой степени смягчили недовольство правой партии по адресу главы исполнительной власти. Благодаря этому в порядок дня не было внесено мотивированное обвинение г. Тьера, к которому, кажется, решили прибегнуть правые в случае, если бы они нашли неудовлетворительными разъяснения председателя совета.

Уверение, что инсургенты будут наказаны по всей строгости закона, было встречено с чувством подлинного удовлетворения не только

правыми, но и громадным большинством собрания. С неменьшим удовлетворением обещание это будет встречено всей французской консервативной партией и, в особенности, армией, которая настойчиво требует быстрой и примерной расправы над виновниками всех тех бедствий, которые постигли Париж.

Недоверие депутатов правой к г. Тьеру было вызвано переговорами, ведшимися г. Тьером за последнее время с различными парижскими делегатами, и его обещаниями сохранить жизнь тем из инсургентов, которые сложили бы оружие. При выходе из палаты г. Тьер объяснил депутатам, что его предшествующие обещания были вызваны лишь желанием не отягощать участи заложников; поскольку же восстание подавлено, он без колебаний готов во всеуслышание заявить о своем твердом намерении предоставить все решению суда.

Что же касается обещания главы исполнительной власти восстановить прежнюю муниципальную администрацию Парижа лишь на некоторое время, то оно совершенно не удовлетворило правых.

Г. Жюль Ферри, назначенный правительством Национальной обороны мэром Парижа, а также и окружные мэры, избранные во время осады, совершенно справедливо не пользуются никаким весом, несмотря на похвалы, расточаемые г. Ферри, председателем совета. Большинство окружных мэров принадлежит к крайней радикальной партии. Некоторые из них симпатизируют коммуне. Ввиду этого депутаты правой хотели бы, чтобы выбор правительства падал отныне на магистратов, более достойных доверия. Тем не менее, считаясь с местными трудностями, на которые указывал г. Тьер, они решили воздержаться от предъявления каких-либо немедленных и настойчивых требований, чтобы дать правительству время, необходимое для реорганизации административного аппарата столицы.

Разоружение всей национальной гвардии, включая и гвардию партии порядка, кажется, не входило в намерения председателя совета, хотевшего сохранить избранное ядро городской милиции, чтобы при его участии облегчить войскам поддержание порядка в Париже. Но ему пришлось отказаться от этого плана, ввиду решительности позиции, занятой в этом вопросе большинством собрания. Одновременно с этим он отдал распоряжение маршалу Мак-Магону отклонить помощь национальных гвардейцев, которые явились со своими знаменами в квартал Пасси, хотя всем было известно, что он предварительно вошел в соглашение с начальниками укрывшихся в Версале батальонов о вооружении большого количества рот.

Одним словом, заявления г. Тьера не внесли никаких изменений в его отношения с правой партией; ни с той, ни с другой стороны не произошло никакого сближения.

Окунев.

Турецкая революция 1908—1909 гг.

Окончание [1]).

Телеграмма посла в Константинополе от 13 апреля (31 марта) 1909 г. № 74.

Сегодня рано утром среди войск константинопольского гарнизона обнаружилось всеобщее революционное движение. Офицеры частью заарестованы, частью же скрылись. Солдаты, под руководством унтер-офицеров, требуют упразднения законодательных палат, смены министерства и восстановления шариата и власти султана. Овладевшая, было, населением паника несколько успокоилась вследствие заявлений солдат, что они не намерены тревожить населения. Весьма трудно усмотреть последствия движения.

Зиновьев.

Телеграмма посланника в Софии от 13 апреля (31 марта) 1909 г. № 24.

Полученные здесь сведения о происшедшем минувшею ночью в Константинополе военном бунте реакционного характера способны вызвать возбуждение ввиду оставшегося еще доныне открытым вопроса о признании независимости. Малинов, с которым я поспешил обменяться взглядами, показался мне весьма обеспокоенным. Он поспешно вызвал на совещание всех министров, находящихся в провинции для подготовки дополнительных выборов в народное собрание. Совещание должно будет постановить решение о предстоящем образе действий. Нельзя ручаться за то, что это решение будет носить умеренный характер и что правительство не склонно будет к радикальным мерам, а именно к общей мобилизации, дабы покончить с столь наболевшим вопросом о независимости, разрешение коего затянулось особенно в последний момент вследствие притязательности турок. При таких условиях немедленное признание по почину держав Трой-

---

[1]) См. «Красный архив», т. XLIV, стр. 3—39.

ственного согласия независимости, с тем конечно, чтобы подписанное в С.-Петербурге Паприковым соглашение сохранило свое действие, едва ли не налагается самою силою вещей, как средство, скорее всего способное обеспечить столь желанное спокойствие. К тому же такой шаг подымет значение общности действий трех держав, авторитет которых здесь на местах всемерно желательно поддержать на должной высоте в предвидении вероятных еще на Ближнем Востоке событий. Французский и английский представители разделяют это мнение.

Сементовский-Курило.

Депеша посла в Константинополе от 14 (1) апреля 1909 г. № 68.

Ввиду разнообразия и противоречия дошедших до меня слухов относительно проявившегося со вчерашнего дня в Константинополе реакционного движения я не беру на себя представить вашему высокопревосходительству обстоятельный обзор событий последних двух дней и вынужден ограничиться указанием лишь на главные черты движения.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что движение вызвано было пропагандою низшего мусульманского духовенства, влияние коего проявилось в манифестациях, описанных мною в донесении от 27 марта (9 апреля) за № 65, и что благодаря ему оно проникло в ряды войск, которые комитет «Единения и Прогресса» считал своею опорою. Пропаганда велась с такою таинственностью и ловкостью, что лица, которые должны были наиболее опасаться ее успеха, не сумели ничего предпринять в видах ее воспрепятствования и были застигнуты врасплох.

Вчера, по данному на площади, прилегающей к мечети св. Софии, сигналу, стали направляться туда батальоны, расположенные в городских казармах. Все они следовали под начальством своих унтерофицеров, так как офицеры, не внушавшие доверия солдатам, были заарестованы ими. В короткое время около св. Софии собралось до 12 батальонов пехоты, и число это продолжало увеличиваться благодаря прибытию частей, расположенных на азиатском берегу Босфора.

Около здания военного министерства сосредоточены были около 4-х батальонов пехоты, полк или два кавалерии и несколько артиллерийских батарей. Хотя войска эти и не примкнули к реакционному движению, но на верность их военные власти не особенно рассчитывали.

Ввиду такого положения дел турецкие министры собрались около двух часов в Порте на совещание, к которому приглашены были и главные начальники военных частей. Говорят, что командир I кор-

пуса Махмуд-Мухтар-паша и начальник главного штаба Иззет-паша предложили прибегнуть к оружию для усмирения бунтовавших батальонов, но более осторожный великий визирь не решился одобрить эту меру и объявил, что министерство обязано довести до сведения султана, что оно не в состоянии обуздать движение и ходатайствует об отставке. К предложению этому присоединилось большинство коллег Хильми-паши, который вслед затем и отправился в Ильдыз.

Между тем восставшие батальоны предъявили явившемуся для объяснений с ними шейх-уль-исламу следующие требования:

1) чтобы шариат был принимаем в соображение при издании новых законов;

2) чтобы уволены были великий визирь Хильми-паша и военный и морской министры;

3) чтобы составление нового кабинета было возложено на бывшего великого визиря Киамиль-пашу и чтобы в состав кабинета в качестве военного министра вошел Назим-паша;

4) чтобы президент палаты депутатов Ахмед-Риза-бей был уволен и заменен гератским депутатом Исмаил-Кемаль-беем — главою партии «Ахрар»;

5) чтобы удалены были из Константинополя редактор газеты «Танин» депутат Хуссейн-Джахид и салоникские депутаты Рахми-бей и Джавид-бей;

6) чтобы константинопольский депутат армянин Киркор Зохроб был назначен первым вице-президентом палаты

и 7) чтобы офицеры в стрелковых батальонах были заменены другими.

Требования эти представлены были шейх-уль-исламом султану, который вслед затем поручил своему первому секретарю Джевад-бею отправиться в палату депутатов и объявить ей, что отставка кабинета Хильми-паши принята, что участвовавшие в движении войска не будут привлечены к ответственности и что будущему кабинету будет предписано свято соблюдать вечные и великие предписания шариата.

К вечеру приглашены были в Ильдыз бывший министр иностранных дел Тевфик-паша [1]). Первый из них был назначен великим визирем, а второй военным министром. О назначениях этих не было однако до сих пор объявлено официально, вследствие чего еще нельзя считать их окончательными.

Говорят, будто вечером произошло небольшое столкновение между восставшими батальонами и войсками, сосредоточенными около военного министерства, но сведения эти до сих пор не подтвердились,

[1]) Так в подлиннике.

а около 10-ти часов вечера те и другие соединились, и началась стрельба из ружей и пулеметов, коею обе стороны захотели отпраздновать свое примирение и каковая длилась до часа ночи. Войска возвращались в свои казармы в полном беспорядке, причем солдаты на всем протяжении пути, пролегавшем мимо императорского посольства, не переставали стрелять на воздух. Как вчера, так и сегодня пули залетали даже в посольство. В том же положении очутились и другие посольства.

Сегодня с утра Стамбул опять наполнился войсками и возобновилась пальба.

Вчера, как говорят, убито было до 15 человек и ранено до пятидесяти. В числе убитых находится друзский депутат Эмир-Аслан, которого убийцы приняли за одного из наиболее влиятельных депутатов Хуссейн-Джахида. Последний явился ко мне с просьбою укрыть его, и, как само собою разумеется, я не мог отказать ему в убежище. Убиты также министр юстиции Назим-паша, шериф Яхья Садык-паша и офицер генерального штаба Спатари.

Никаких покушений со стороны солдат на городское население не последовало.

Непосредственные результаты описанного мною движения сводятся к следующему:

Партия «Единения и Прогресса» совершенно распалась, и все влиятельные члены ее попрятались, боясь мести.

Партия «Ахрар» сошлась с зачинщиками военного движения, что подтверждается, между прочим, предъявленными взбунтовавшимися батальонами шейх-уль-исламу требованиями.

Султан, который, по всей вероятности, чрез своих тайных эмиссаров поощрял военное движение, вновь приобрел значительное влияние.

Дисциплина в армии подорвана окончательно.

Финансовые средства казны истощены.

Совершившийся переворот повлечет, по всей вероятности, за собою новые осложнения и в провинциях, где, как вашему высокопревосходительству известно из моих донесений, и без того господствует почти повсеместно безначалие.

Одним словом, турецкая империя переживает тяжелый кризис, который крайне невыгодно отразится на ее жизненных силах и, как мне кажется, ускорит ее разрушение.

Я спросил, между прочим, укрывшегося у меня депутата Хуссейн-Джахида, как объяснить, что ни он и никто из его многочисленных единомышленников не предусмотрели готовившегося им удара. «Это доказывает только то, — ответил мне депутат, — что мы были

крайне глупы». Как вы изволили усмотреть из моих донесений, я не переставал смотреть на сообщество «Единения и Прогресса», как на явление ненормальное, которое обязано было своим существованием исключительным обстоятельствам, но неспособно было выдержать сколько нибудь серьезного испытания.

Зиновьев.

Телеграмма посла в Константинополе от 15 (2) апреля 1909 г. № 77.

После двух тревожных дней спокойствие в городе восстановляется. Возмутившиеся батальоны, удовлетворенные сменою военного министра и назначением на это место мушира Эдхем-паши, вернулись в свои казармы. Движение было вызвано пропагандою духовенства, выступившего на защиту мусульманских законов, попиравшихся будто бы партиею «Единения и Прогресса», а также властолюбием и легкомыслием руководителей этой партии. На оба эти факта я имел честь обратить внимание императорского министерства донесением от 27 марта № 65. Наиболее существенные последствия совершившегося переворота заключаются в следующем: партия «Единения и Прогресса» распалась. Руководители ее бежали или попрятались. Один из них — Хуссейн-Джахид укрылся во вверенном мне посольстве. Я его перевел на стационер и отправлю заграницу. Власть султана восстановлена; он уже потребовал возвращения войсковых частей, удаленных на-днях из Ильдыза. За исключением министра иностранных дел Рифаат-паши, новый кабинет составлен исключительно из старых элементов, покорных султану.

Зиновьев.

Телеграмма управляющего гражданским агентством в Македонии от 15 (2) апреля 1909 г.

Телеграфирую послу в Константинополе.

Младотурецкий комитет заседает беспрерывно со вчерашнего дня под председательством Махмуд-паши. Решено не признавать нового правительства в Константинополе. Полученному от султана телеграфному заверению о неприкосновенности конституции офицеры третьего корпуса не придают никакой веры. Идут переговоры с третьим корпусом о совместном движении в Константинополь. Первые отряды войска приготовлены к отправке отсюда сегодня ночью. Из Монастыря ожидается прибытие майора Ниази с 15 батальонами. В случае успеха младотурки предполагают свергнуть султана.

Петряев.

Телеграмма посла в Париже от 16 (3) апреля 1909 г. № 76 [1]).

Во время однодневного пребывания короля Эдуарда в Париже между ним и французским правительством было условлено, что Франция и Англия пошлют в Пирей каждая по два крейсера с тем, чтобы они находились поблизости от арены происходящих в Турции событий. Третий французский крейсер будет держаться наготове в Тулоне. Король говорил мне с беспокойством о событиях на Востоке. Здесь ими также очень озабочены.

Нелидов.

Депеша поверенного в делах в Берлине от 16 (3) апреля 1909 г. № 30.

Все шаги германской политики направлены в настоящее время к одной только цели: раздробить, по возможности, морские силы Англии и парализовать ее преобладающее влияние на решение международных вопросов. Это сказывается как в положительных решениях, принимаемых берлинским кабинетом, так и в подпольных стремлениях воздействия на общественное мнение путем печати.

За поддержку, оказанную Австрии, Германия получает вознаграждение в виде заказов четырех австрийских броненосцев типа . . . . [2]), которые, по слухам, будут строиться на немецких верфях в Гамбурге и коими должен быть усилен австро-германский флот. Современем эти суда предназначаются для плавания в Средиземном море и для отвлечения, в случае надобности, внимания части великобританского флота. Общественное мнение в Германии радостно приветствует подобное решение австро-венгерского правительства и громко отзывается о нем, как о доказательстве верного соратничества под девизом: . . . [2])

Одинаковая цель преследуется и пущенным берлинскою «Фоссовою газетою» слухом о предстоящем будто бы прекращении англо-японского союза.

Несмотря на отсутствие положительных данных, могущих подтвердить основательность этого известия, и на противные заверения, как со стороны японского, так и английского посольства, слух этот упорно поддерживается немецкою печатью и имеет не только характер явного запугивания Англии, но и цель заронить в Японию мысль возможного сближения с Германиею.

Ныне, после совершившегося в Константинополе переворота, независимая печать открыто высказывает предположение, что поражение младотурок не обошлось без английского влияния, поддерживающего

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) В хранящейся в деле литографской копии пропуск.

будто бы турецких крайних либералов, сыгравших на этот раз в руку реакции.

При этом не скрывается опасение насчет турецкого либерального союза, стоящего за дарование автономии отдельным провинциям, что могло бы угрожать целости Оттоманской империи.

Дореформенный строй Турции отвечал, несомненно, более всего интересам Германии, и преобладающее ее влияние на Порту являлось в ту пору бесспорным. Здесь сознают, что обратный поворот к старому теперь почти уже невозможен после введения конституционного образа правления.

Ввиду сего главные надежды должны возлагаться, по мнению руководящих органов немецкой печати, на восстановление младотурецкого режима, который один только может предупредить разложение Турции. Но вместе с тем указывается и на желательность, чтобы младотурецкое движение впредь считалось более с народно-религиозными идеалами мусульманского мира и не уклонялось в сторону чрезмерных новшеств.

Пока все это — ожидания, надежды и противоречивые догадки.

Однако и при оценке константинопольских событий слышится почти во всех изъявлениях германского общественного мнения та же нота недоверия к Англии, которое питается здесь в настоящее время всякими средствами, и приветствованные два месяца тому назад попытки дружественного сближения между обеими странами оказываются чуть ли не изглаженными из памяти.

Булацель.

Телеграмма посланника в Софии от 16 (3) апреля 1909 г. № 26.

Сербский посланник сделал сегодня министру-председателю сообщение в том смысле, что белградский кабинет находил бы весьма желательным обмениваться с болгарским правительством взглядами на турецкие события в предположении возможной общности действий в видах обеспечения взаимных интересов. Таковое же сообщение сделано было Миловановичем болгарскому представителю в Сербии. Малинов ответил, что в настоящую минуту ему трудно говорить об этом предмете, так как все внимание правительства сосредоточено на жгучем вопросе о признании независимости; тем не менее, он желал бы иметь более подробные разъяснения и просит о сообщении ему взгляда Миловановича на все происходящее в Турции в связи с предположениями о возможных целях предположенных общих действий. Гошев снабжен указаниями в этом смысле.

Сементовский-Курило.

Донесение военного агента в Константинополе от 16 (3) апреля 1909 г. № 60.

Младотурки в Янине, Монастыре, Салониках и Сересе, негодуя против переворота, требуют возвращения к власти старого кабинета. Для поддержания своего требования они решили двинуть третий корпус к столице. Тысяча триста человек уже перевозятся по железной дороге к Чаталдже. В Монастыре призываются редифы для комплектования. Младотурки хотят привлечь и второй корпус, но частные сведения указывают на сочувствие второго корпуса первому; от консула в Адрианополе сведений пока нет. В Мерсине и Адане идет резня армян.

Полковник Хольмсен.

Телеграмма посланника в Бухаресте от 17 (4) апреля 1909 г.

Председатель совета передал мне в доверительной беседе, что Чарыков, говоря о константинопольских событиях, заявил румынскому посланнику, что Россия относится к ним спокойно и не даст увлечь себя местными осложнениями. Братиану высказал при этом, что он очень озабочен событиями и опасается в случае нападения Болгарии на Турцию открытия всего восточного вопроса. Здесь не имеют однако из Софии сведений о неминуемости такового нападения. Румыния сочувствует независимости Болгарии, но не может допустить территориального ее увеличения. Братиану не видит еще причины изменить свою политику невмешательства и предоставления решения балканского вопроса Европе и не принимает еще никаких военных мер. Но если Европа окажется в невозможности удержать Болгарию и Румыния убедится, что Болгария намерена действительно изменить в свою пользу территориальное status quo, то Румыния немедленно мобилизирует свои войска, чтобы заставить Болгарию войти в соглашение с нею. Разговор наш носил частный характер.

Гирс.

Телеграмма посла в Константинополе от 17 (4) апреля 1909 г. № 93 [1]).

Выступившие из Салоник батальоны подошли к Чаталдже и без сопротивления овладели главным фортом Хадем-Кей. Высланная отсюда для увещания означенных батальонов депутация, состоявшая из военных чинов и духовных лиц, вернулась, не успев ничего добиться. Высылается другая, парламентская депутация. На стойкость войск

[1]) Передана 5 апреля 1909 г. за № 589 в Париж, Лондон, Рим, Софию и Белград.

константинопольского гарнизона нельзя рассчитывать, тем более, что на этих днях значительное число офицеров было убито солдатами, а другие офицеры бежали. Султану может грозить большая опасность.

Зиновьев.

Телеграмма управляющего гражданским агентством в Македонии от 17 (4) апреля 1909 г.

Телеграфирую послу в Константинополе.

В здешнем комитете образовалось два течения: одно умеренное за соглашение с новыми партиями и составление коалиционного министерства, другое, руководимое Махмуд-пашою и офицерами, — за подавление реакции строгими мерами, установление временной военной диктатуры и беспощадную расправу со всеми бунтовщиками; последнее пока преобладает. Несмотря на распространяемые младотурками оптимистические сведения, положение провинций ненадежно. Энвер-бей прибыл вчера и отправился сегодня к войскам в Чаталджу.

Петряев.

Телеграмма посла в Константинополе от 18 (5) апреля 1909 г. № 95.

Парламентская депутация вернулась из Чаталджи, не добившись ничего. Предводители наступающей армии говорили депутации о необходимости обеспечить конституцию и свободу действий палаты депутатов, а также наказать зачинщиков последнего военного движения, но от предъявления более точных условий уклонились. Начальник войск, сосредоточенных в Дедеагаче, телеграммою, отправленною по железнодорожному проводу, известил начальников посольств и миссий, что цель наступления — обеспечение конституции и наказание зачинщиков военного движения, но что жизни и имуществу иностранцев и вообще населению столицы не угрожает опасность. Войска константинопольского гарнизона пали духом. В Ильдызе господствует паника.

Зиновьев.

Телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе от 18 (5) апреля 1909 г. № 592.

Здешний греческий поверенный в делах сообщил мне, что иностранцы и греческое население Мерсины, Таркоса и Ветерны ходатайствуют о присылке державами военных судов для их защиты.

Не имея, кроме газетных, сведений о происшедшем в названных городах, прошу вас телеграфировать имеющиеся у вас известия, а также ваше заключение о возможности посылки военного судна одновременно с судами других держав, если таковые будут посланы.

Извольский.

Телеграмма министра иностранных дел посланнику в Белграде от 18 (5) апреля 1909 г. № 594.

Телеграмма № 150 получена.

Мы всегда с искренним сочувствием относились к сближению между Болгарией и Сербией и к установлению сообразованного между ними образа действий, во избежание недоразумений, опасных для общих им интересов славян.

По этому поводу я имел случай обменяться мыслями с находящимся в С.-Петербурге Паприковым, который заверил меня в существовании и у болгар желания действовать солидарно с Сербией. Об этом сообщаю Сементовскому ввиду намерения Паприкова заняться этим вопросом по возвращении в Софию.

При наступившем в Турции кризисе нельзя не желать, чтобы сербское правительство сохранило полное хладнокровие и в особенности своими действиями или недостаточно осторожными переговорами с Болгарией не подало Австро-Венгрии повода активно вмешаться в турецкий кризис.

Благоволите доверительно объясниться в изложенном смысле с Миловановичем.

Извольский.

Телеграмма военного агента в Константинополе от 18 (5) апреля 1909 г. № 62.

Гарнизон чаталджинских укреплений самовольно без боя прибыл сюда, первые три эшелона салоникских войск прошли линию укреплений и расположились в Спартакуле, выжидая подходящих прочих эшелонов. Они отказываются от всяких переговоров с правительством. Железная дорога и телеграф ими захвачены. Колебавшийся до сих пор второй корпус присоединяется к третьему и вечером отправил к Чаталдже четыре эшелона войск.

Все политические партии соединились для достижения умиротворения, главным препятствием которого выставляется султан. Со

стороны первого корпуса пока никаких контр-мер не принято, ибо войска ненадежны.

Можно полагать, что до боя дело не дойдет и что власти здесь уступят. На болгарские требования согласились.

Полковник Хольмсен.

Телеграмма вице-консула в Адрианополе от 19 (6) апреля 1909 г.

Телеграфирую послу в Константинополе.

Из Чаталджи сообщают, что собравшиеся там войска требуют смерти или низложения султана.

Протопопов.

Телеграмма управляющего гражданским агентством в Македонии от 20 (7) апреля 1909 г.

Телеграфирую послу в Константинополе.

Желая предотвратить кровопролитие в Константинополе, могущее вызвать иностранное вмешательство, здешний комитет вступил в переговоры с правительством. В ответ на сделанные предложения он отправил сегодня следующие условия: удаление войск из столицы, восстановление прежнего кабинета и палаты, выдача главных зачинщиков и обеспечение конституции. Махмуд-паша надеется на мирный исход.

Петряев.

Телеграмма поверенного в делах в Белграде от 20 (7) апреля 1909 г. № 155.

Получил телеграмму 5 апреля за № 594.

Содержание означенной телеграммы передано мною доверительно г. Миловановичу, выразившему полную готовность следовать преподанному вашим высокопревосходительством указанию на необходимость для сербского правительства соблюдать крайнюю осторожность при переговорах с Болгарией об установлении солидарного образа действий ввиду происходящих ныне в Турции событий. Вместе с тем министр просил довести до сведения императорского правительства ходатайство белградского кабинета о заблаговременном поставлении его в известность о том моменте, когда Россия сочтет своевременным признать независимость Болгарии, дабы Сербия могла сделать соответствующее заявление либо одновременно с Россией, либо, если бы на то последовало одобрение императорского правительства, заявить с своей стороны о признании независимости Болгарии несколько ранее, чем это будет сделано Россиею. Такой дружественный шаг сербского пра-

вительства по отношению к Болгарии мог бы иметь, по мнению г. Миловановича, чрезвычайно важное значение в деле сближения обоих славянских государств и установления между ними искренних добрососедских отношений. Обнорский.

Донесение военного агента в Болгарии от 20 (7) апреля 1909 г. № 82.

В случае, если восторжествует активное направление, вероятнее всего, что для большего сохранения секрета мобилизация будет произведена не вполне одновременно, и именно в Софии позднее всего. Прошу посланника предупредить на этот случай всех консулов. Иностранные военные агенты настроены нервно, особенно, австрийский. Сербский военный агент высказал мне сегодня свое полное убеждение, что если Болгария двинется, то ее примеру последует и Сербия, не считаясь с тем, как на это будет реагировать Австрия. Леонтьев.

Депеша посла в Константинополе от 21 (8) апреля 1909 г. № 71.

Описав в донесении моем от 1 (14) сего месяца за № 68 главные эпизоды совершившегося в Константинополе военного движения, считаю долгом дополнить изложенные в оном сведения добытыми мною до сих пор данными.

Хотя означенное движение и было подготовлено проповедью мусульманского духовенства, но оно выполнено было на основании зрело обдуманного плана, выработанного влиятельными лицами, заинтересованными в его успехе. Неоспоримым доказательством этому служит то, что движение возникло одновременно в нескольких пунктах Константинополя, где расположены были войска, и что оно разом прекратилось.

Не подлежит также сомнению, что были заранее намечены сторонники комитета «Единения и Прогресса», от которых признано было необходимым избавиться. Почуяв опасность, большинство их успело во время скрыться и благодаря лишь этому избегло готовившейся им участи.

Так как военное движение имело целью и последствием восстановление авторитета султана, чему не мог сочувствовать кабинет Хуссейн-Хильми-паши, пользовавшийся безусловно поддержкою комитета «Единения и Прогресса», — то остается заключить, что план движения выработан был в Ильдызе. Из весьма достоверного источника я узнал, будто главную роль в этом деле принял на себя четвертый сын султана и его любимец принц Бурхан-эд-дин. Султаном ассигнована была значительная сумма, из которой выданы были участвовавшим в движении солдатам награды с целью поощрить их ревность.

Как я сообщил уже в донесении от 1 (14) сего месяца за № 68, солдаты вели себя сравнительно умеренно. Не было ни одного случая грабежа и были разорены лишь помещение клуба «Единения и Прогресса» и типографии двух главных печатных органов комитета газет «Танин» и «Шура-и-уммет».

О числе убитых и раненых во время беспорядков не имеется точных сведений, но, во всяком случае, оно гораздо значительнее того, которое показано было в моем упомянутом выше донесении.

Этим однако кровопролитие не ограничилось. В минувший четверг, 2 (15) сего месяца, командир броненосца «Асари-Тевфик» Али-Каги-бей, был схвачен матросами и доставлен в Ильдыз, где и был казнен. Был распущен слух, что командир этот приказал навести орудие броненосца на Ильдыз, вследствие чего матросы и решили будто бы расправиться с ним, как с изменником султану, но слух этот не подтвердился. Согласно другой версии, командир пал жертвой личной мести матросов, возненавидевших его за то, что в день, назначенный для военного движения, он ушел в Мраморное море и таким образом помешал экипажу принять участие в движении.

Затем солдаты участвовавших в движении батальонов стали расправляться со своими офицерами, назначенными бывшим военным министром Али-Риза-пашою взамен офицеров, выслужившихся из нижних чинов, не внушавших доверия высшим военным властям, но популярных между солдатами. О числе убитых офицеров сколько-нибудь точных сведений не имеется, но, как полагают, оно не менее тридцати. Число раненых гораздо значительнее. Трудно допустить, чтобы преступления эти могли быть совершены без попустительства со стороны зачинщиков военного движения, центром коих служит Ильдыз, где все офицеры, окончившие курс в военном училище, считаются изменниками.

Вслед за отставкою кабинета Хуссейн-Хильми-паши султан пригласил к себе бывшего министра иностранных дел Тевфик-пашу и предложил ему звание великого визиря. Честный, но лишенный всякой энергии Тевфик-паша объявил Абдул-Гамиду, что лишь чувство патриотизма воспрещает ему отказаться от звания главы правительства в столь смутное время. Военным министром был назначен победитель греков Эдхем-паша, а министром иностранных дел Рифаат-паша, крайне тяготящийся выпавшим на его долю бременем.

Командир I корпуса Махмуд-Мухтар-паша настаивавший на принятии энергичных мер для подавления военного движения, но покинутый собранными им в этих видах военными частями, должен был бежать. Он замещен был весьма популярным в турецкой армии фери-

ком Казим-пашою, которого бывший великий визирь Киамиль-паша предназначал на место военного министра.

Зиновьев.

[P. S.]. Во вчерашнем номере турецкой газеты «Икдам» появилось за подписью принца Бурхан-эд-дина следующее заявление:

«Прошу вас спровергнуть распространенный некоторыми газетами слух о том, будто я находился в составе артиллерийского отряда, явившегося в Ильдыз, а также другие касающиеся меня слухи».

Депеша посла в Константинополе от 21 (8) апреля 1909 г. № 72.

Зачинщики вызванного в Константинополе военного движения жестоко ошиблись в своем расчете на возможность спокойно воспользоваться плодами затеянного ими опасного предприятия Едва весть о движении дошла до Салоник, как существующий там комитет «Единения и Прогресса» счел необходимым принять меры к охранению конституции от грозящей ей опасности. На первых порах в среде комитета обнаружилось раздвоение. Часть его членов высказалась за соглашение с новым турецким кабинетом и с партиею свободомыслящих (Ахрар), заступившею в Константинополе место партии «Единения и Прогресса», тогда как остальные члены настаивали на необходимости безотлагательного движения на Константинополь. Последние одержали верх, вследствие чего приступлено было к военным приготовлениям как в Салониках, так и в Монастырском вилайете.

От начальников станций общества Восточных железных дорог потребованы были поезда, и вместе с тем им внушено было, что, в случае ослушания, они будут расстреливаемы. Благодаря этой мере первые военные части могли двинуться из Салоник и Битоли уже 3-го текущего месяца. Поборники решительных мер далеко не были уверены на первых порах в сочувствии их планам войск II турецкого корпуса. Наш консул в Адрианополе, которого я запросил телеграммою относительно настроения этих войск, высказал некоторое сомнение относительно их готовности примкнуть к движению на Константинополь, но из следующей телеграммы колл. асс. Протопопова я узнал, что 3-го сего месяца из Адрианополя отправились по железной дороге в Чаталджу 4 батальона.

Наступающие войска без всякого сопротивления овладели главным фортом на линии Чаталджи Хадем-Кеем и находившейся там артиллериею. Затем они стали подвигаться к Константинополю. Небольшие передовые отряды расположены в настоящее время в Кючюк-Чекмедже, Сан-Стефано и Макрикее. Полагается, что до вчерашнего числа около Чаталджи сосредоточилось до 15 000 человек. Наступление на

Константинополь отложено впредь до того времени, когда численность армии достигнет 35 000. Но удастся ли осуществить это и когда именно, и не охладеет ли до тех пор воодушевление, побудившее тысячи простых мусульман двинуться на защиту непонятной для них конституции, — вот вопросы, от разрешения коих будет зависеть дальнейший ход событий.

В Константинополе сделано было несколько попыток вступить в переговоры с предводителями наступающей армии. Сначала была отправлена в Чаталджу депутация, состоявшая из военных и духовных лиц; — с нею никто не захотел разговаривать. Вслед затем туда же ездила парламентская делегация, которой было объявлено, что наступление предпринято с целью надежным образом обеспечить конституцию и независимость палаты депутатов, а также наказать зачинщиков военного движения. Наконец, третьего дня ездил в Чаталджу начальник генерального штаба Иззет-паша, который имел продолжительное совещание с предводителями армии. По возвращении его в Константинополь, управляющему Восточными железными дорогами было предложено военным министром беспрепятственно отправлять провиант для войск, подступающих к столице.

Наш военный агент полковник Хольмсен и прикомандированный к вверенному мне посольству полковник Щербо, посетившие Сан-Стефано и Кючюк-Чекмедже в минувший понедельник, сообщили мне, что виденные ими небольшие военные части находятся в полном порядке и ведут себя безукоризненно и что молодые офицеры, с коими им удалось побеседовать, с нескрываемым негодованием отзывались о султане и намекали на то, что упрочение в Турции законного порядка возможно будет лишь по свержении Абдул-Гамида. Вновь посетив Сан-Стефано вчера, полковник Щербо вынес оттуда несколько иное впечатление. Самоуверенность офицеров, по словам его, заметно понизилась, и они выражались более сдержанно.

Первые известия о приближении к Константинополю македонской армии вызвали среди войск столичного гарнизона упадок духа и смятение в Ильдызе. Но, судя по получаемым мною со вчерашнего дня известиям, султан несколько ободрился и вступил в непосредственные переговоры с предводителями ополчившейся на него армии. Мирное соглашение между обеими сторонами представляется мне тем более возможным, что предводители македонской армии далеко не располагают средствами, необходимыми для овладения Константинополем, где сосредоточено более двух дивизий, а, с своей стороны, султан не может не опасаться последствий, которые способно повлечь за собою вооруженное столкновение между турецкими войсками обоих лагерей.

Зиновьев.

Депеша посла в Константинополе от 21 (8) апреля 1909 г. № 74.

На этих днях султан пригласил к себе германского и австрийского послов и долго беседовал с каждым из них отдельно.

Великий визирь обратился к маркизу Паллавичини с просьбою сообщить ему о предмете беседы, но так как австрийский посол не счел возможным удовлетворить этому желанию, то турецкому послу в Вене поручено было обратиться за сведениями по этому предмету к австрийскому министру иностранных дел.

Барон Эренталь объявил Решид-паше, что он не получил еще ожидаемого от маркиза Паллавичини подробного донесения, а получил от него лишь краткую телеграмму. Как явствует из этой телеграммы,— сообщил австрийский министр иностранных дел, — султан просил австрийского посла о том, чтобы австрийским правительством приняты были меры с целью принуждения сосредоточивающейся около Константинополя армии отступить обратно в Македонию, на что маркиз Паллавичини ответил его величеству, что Австрия не может принять на себя эту роль. Тогда султан объявил австрийскому послу, что лично он готов примириться с перспективою восстановления власти комитета «Единения и Прогресса» над Турциею, но что, если его подданные обратятся к нему, как к халифу, с предложением объявить джихад (священную войну), то он не в состоянии будет отказать в своем согласии.

Зиновьев.

Депеша посла в Константинополе от 21 (8) апреля 1909 г. № 75.

Осведомившись о появлении английских военных судов поблизости Дарданелл, великий визирь обратился к английскому послу с просьбой объяснить ему их назначение. Но так как сэр Джерард Лаузер не счел возможным удовлетворить желанию Тевфик-паши, то турецкому поверенному в делах в Лондоне поручено было сделать запрос по этому предмету английскому статс-секретарю по иностранным делам.

Телеграммою от 5 (18) сего месяца означенный поверенный в делах донес, что, как сообщил ему сэр Эдуард Грей, английскому флоту предписано сосредоточиться в турецких водах с целью отражения всякого враждебного покушения на Турцию со стороны ее соседей, а также позаботиться об обеспечении безопасности иностранцев, в чем, как надеется английское правительство, не встретится потребности.

Зиновьев.

Телеграмма посла в Константинополе от 23 (10) апреля 1909 г. № 106.

Положение дел в Константинополе попрежнему крайне смутно и неопределенно. Третьего дня распространился слух, что предстоит мирное соглашение между турецким правительством и предводителями македонской армии. Слух этот был подтвержден депутатами. Вчера положение изменилось. Все находившиеся здесь депутаты и сенаторы переехали в Сан-Стефано и на состоявшемся там секретном заседании обсуждали, судя по слухам, вопрос о низложении султана. Сведения о настроении константинопольского гарнизона разноречивы, но на сегодняшнем селамлике войска попрежнему приветствовали султана. Полагаю, что македонская армия, численность коей достигает 25 000 человек, готовится предпринять движение с целью окружить Ильдыз и выжидает лишь благоприятной минуты.

Зиновьев.

Телеграмма министра иностранных дел посланникам в Белграде и Софии от 23 (10) апреля 1909 г. № 673.

По сведениям из весьма секретного достоверного источника, Энвер-бей проездом через Вену получил от барона Эренталя категорическое заверение, что Австрия немедленно выступит против Болгарии и Сербии, если бы последние задумали при нынешних обстоятельствах создать затруднения для Турции.

Вы не упустите из виду этого известия в случае необходимости убеждения правительства, при коем вы аккредитированы, соблюдать самую большую осторожность.

Извольский.

Телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе от 23 (10) апреля 1909 г. № 684.

Ввиду сосредоточения в турецких водах военных судов других великих держав, из Балтийского флота высылаются в восточную часть Средиземного моря два или три крейсера, могущие прибыть к месту назначения недели через три.

Подробности почтою.

Извольский.

Донесение военного агента в Константинополе от 23 (10) апреля 1909 г. № 69.

Сенат и палата вчера заседали совместно в Сан-Стефано под названием Национального собрания и выпустили прокламацию народу, в которой заявляют себя солидарными со взглядами и действиями карательного корпуса. Хотя переговоры продолжаются, но можно ожидать решения в ближайшие дни во дворце.

Полковник Хольмсен.

Телеграмма посла в Константинополе от 24 (11) апреля 1909 г. № 107.

Сегодня рано утром македонская армия заняла город. В 5 часов началась перестрелка, которая только-что прекратилась. Казармы, занимавшиеся константинопольскими войсками, взяты. Ильдыз окружен, и должно полагать, что между командующим македонской армией и султаном ведутся переговоры. Убитых и раненых очень много. Правительства не существует, и порядок охраняется войсками. Относительно ближайшего не решаюсь высказать никаких предположений.

Зиновьев.

Телеграмма посла в Константинополе от 26 (13) апреля 1909 г. № 110.

Находившийся в Ильдызе гарнизон удален и заменен отрядом македонских войск. Султан покинут всеми и находится в полной зависимости от установившейся здесь военной диктатуры. Город объявлен в осадном положении. Военные власти намерены прибегнуть к мерам строгости относительно зачинщиков и участников последнего военного движения.

Зиновьев.

Депеша посланника в Бухаресте от 27 (14) апреля 1909 г. № 32.

Судя по нервности, обнаруживаемой пребывающими здесь болгарскими агентами, софийское правительство очень заинтересовано выяснить теперь же вероятные отношения последней с Оттоманской империей [1]).

Болгарский представитель полковник Хесапчиев, посетив меня и сообщив мне, что ему известно из вполне достоверного источника содержание беседы моей с г. Братиану, причем он почти дословно передал мне тексты секретных моих телеграмм вашему высокопревосходительству от 4 и 5 апреля, стремился выяснить, брало ли на себя румынское правительство официальный почин в деле предложения своего активного содействия великим державам для производства давления на Болгарию или нет.

С желанием возможно подробнее выяснить отношения Румынии к Болгарии навестил меня и болгарский военный атташе Станчов, спешно вызванный в Софию для личного доклада.

Как я имел честь доносить вашему высокопревосходительству телеграммою от 5-го текущего месяца, предложение услуг Румынии было сделано председателем совета не мне, а великобританскому посланнику, что полковнику Хесапчиеву неизвестно, а потому в ответе

[1]) Так в подлиннике.

моем я должен был соблюсти некоторую сдержанность, тем более, что к осторожности моего болгарского коллеги я отношусь несколько скептически.

Однако как ему, так и Станчову я высказал личное свое убеждение, что в отношении Румынии к Болгарии никакого изменения за последнее время не последовало. Как прежде, так и теперь Румыния стремится в видах своих интересов слить свою политику на Балканах с действиями на этой почве великих держав и, конечно, была бы крайне польщена, если бы могла принять деятельное участие в этих действиях; что, сознавая пользу установления дружественных отношений с Болгарией, она будет всеми средствами поддерживать их, но исключительно пока равновесие между ними не будет нарушено. Как только она усмотрит намерение Болгарии воспользоваться балканскими событиями для расширения своей территории, Румыния неминуемо немедленно приступит к мобилизации своих войск для восстановления равновесия и для побуждения болгар притти к соглашению с нею, не взирая на то, будет ли таковой ее шаг одобрен или нет великими державами.

М. Гирс.

Депеша посла в Константинополе от 29 (16) апреля 1909 г. № 77.

Приняв по прибытии в Чаталджу главное начальство над македонской армией, командующий войсками III турецкого корпуса Махмуд-Шевкет-паша счел бесполезным продолжать ведшиеся между главною квартирою армии и Константинополем переговоры и в минувшую пятницу, 10 (23) сего месяца, начал наступление.

Левое крыло армии двинулось в обход Константинополя по направлению к господствующим над городом высотам Киятханэ и заняло их к вечеру того же дня. Вслед за тем расположены были небольшие посты до берега Босфора с целью помешать сообщениям между Ильдызом и окрестными местностями.

Правая колонна, направившаяся к Стамбулу, почти без сопротивления овладела расположенными на окраинах этой части города казармами Рамиз и Давуд-паша и Семибашенным замком и, разбившись на отряды, двинулась по улицам, ведущим в Галату и Перу. Следовавший мимо здания Порты отряд подвергся огню занимавшей это здание горсти солдат. Перестрелка длилась около двух часов, и лишь при содействии артиллерии наступающим удалось сломить сопротивление. Галата и Пера были заняты в субботу 11 (24) сего месяца, рано утром, а в $5^1/_2$ часов город огласился перестрелкою, завязавшеюся между македонскими войсками и теми, которые занимали караульные посты и большие казармы Паш-кышла и Таксим-кышла. Особенно упор-

ное сопротивление оказано было последнею казармой, гарнизон которой опозорил себя, между прочим, вероломным поступком. Из одного из окон казармы вывешен был белый флаг. Заключив, что гарнизон намерен вступить в переговоры, осаждающие приблизились, но были встречены залпом, стоившим жизни нескольким десяткам солдат.

Артиллерийский огонь принудил, наконец, осажденных прекратить бесполезное сопротивление. К 10-ти часам утра они стали покидать казарму, сдаваться осаждающим или разбегаться, вследствие чего перестрелка была прекращена.

Одновременно, после непродолжительного сопротивления, занята была македонскими войсками артиллерийская казарма Топханэ, лежащая на берегу Босфора, а рано утром в воскресенье, 12 (25) сего месяца, переправлены были на азиатский берег в Хайдар-пашу четыре батальона тех же войск, которым после нескольких выстрелов удалось овладеть и казармою Селимиэ.

По занятии города главные силы [были] направлены к Ильдызу, гарнизон которого захватил весь имевшийся там запас оружия и намеревался защищаться до последней крайности. Принять против этого гарнизона решительные меры военные власти признали неудобным, но находившимся во дворце великому визирю Тевфик-паше и военному министру Эдхем-паше удалось после продолжительных усилий охладить ревность защитников султана Абдул-Гамида и уговорить их покинуть Ильдыз, который вслед затем занят был батальоном македонских войск.

В понедельник, 13 (26) сего месяца, сделано было распоряжение об удалении из Ильдыза всех оставшихся еще при султане приближенных к нему лиц; некоторые из них подвергнуты аресту и, как полагают, преданы будут суду вследствие тяготеющего над ними подозрения в участии в происках султана.

К охранению спокойствия в городе военными властями приняты были весьма действительные меры. Было заранее вызвано до 500 чинов македонской жандармерии, организованной под руководством иностранных офицеров, — между прочим, наших, — и, следовательно, знакомых с полицейскими обязанностями. Введено было осадное положение. Благодаря этим мерам порядок в Пере и Галате не был ни разу нарушен. Для охраны посольств и миссий командированы были воспитанники военного училища с несколькими офицерами. Сорок пять человек назначено было в распоряжение императорского посольства.

Приняты были, равным образом, энергичные меры к преследованию и разысканию разбежавшихся и скрывшихся солдат константинопольского гарнизона, а также всех лиц, заподозренных в подготовлении недавнего военного движения, в особенности же ходжей и

софт. Несколько десятков последних, дабы спастись от преследования, укрылись, было, в находящейся в Стамбуле мечети Султан-Мохаммед-Фатих, но были умерщвлены ворвавшимися в мечеть солдатами.

Сдавшиеся и задержанные солдаты отправляются в Македонию, где они будут размещены по различным частям III корпуса. Как сообщил мне великий визирь, их предполагается назначить на работы по постройке дорог.

Судя по предварительно собранным сведениям, во время столкновения между войсками обоих лагерей убито было до 1 200 человек и ранено до 2 000.

В дополнение к вышеизложенному считаю долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства, что до наступления македонских войск на Константинополь по городу распространился тревожный слух о том, что командиры стоящих на якоре в Босфоре турецких военных судов находятся будто бы на стороне султана и намерены, в случае нападения на Ильдыз, открыть огонь по городу и по иностранным посольствам с целью вызвать вмешательство держав. Опасения эти разделялись отчасти и членами турецкого правительства, но накануне занятия Константинополя наступающею армиею английскому вице-адмиралу сэру Дуглас Гамль удалось убедить командиров судов отправиться в Сан-Стефано, где они заявили собравшимся в этой местности депутатам и сенаторам о своем твердом намерении защищать конституцию совместно с македонской армией.

Зиновьев.

Депеша посла в Константинополе от 29 (16) апреля 1909 г. № 78.

Переселившись в минувший четверг, 9 (22) сего месяца, в Сан-Стефано, депутаты и сенаторы образовали «Народное собрание», которое провозгласило себя верховным правительственным учреждением и вслед затем приступило к обсуждению в секретных заседаниях вопроса о судьбе султана Абдул-Гамида.

По занятии Константинополя македонскими войсками Народное собрание переехало в город и, окончательно решив на состоявшемся во вторник, 14 (27) сего месяца, секретном заседании вопрос о низложении Абдул-Гамида, возложило на старейшего из сенаторов Гази Ахмед-Мухтара-пашу и на депутата Талаат-бея поручение пригласить шейх-уль-ислама Зиа-эд-дина эфенди и фетва-эмини Мохаммед-Нури-эфенди для придания означенному решению законной силы.

Явившись в заседание, означенные два духовные лица, по совещании с членами Народного собрания, изготовили фетву, коею предлагалось или потребовать от султана отречения или же провозгласить его

низвержение. Народное собрание высказалось за последнюю меру. Принц Мохаммед-Решад-эфенди был провозглашен султаном под именем Мохаммеда V, и избраны были две депутации для сообщения новому султану об его избрании, а Абдул-Гамиду о его низложении.

Приняв присланную к нему депутацию, Абдул-Гамид объявил ей, что в продолжение своего царствования он посвящал все свои заботы благу вверенной ему богом страны, но ныне подчиняется постигшей его участи, что втечение 30 с лишком лет он охранял своего брата Решада-эфенди и потому надеется, что последний, заступив его место, в свою очередь, будет охранять его и, в заключение, пожелал узнать не грозит ли опасность его жизни. Ему было отвечено, что народ ручается за его личную безопасность. Засим Абдул-Гамид выразил желание поселиться во дворце Чирагане, где до своей кончины проживал султан Мурад. Депутаты ответили, что никаких указаний по этому вопросу они не получили.

В ночь со вторника на среду Абдул-Гамид был отправлен с экстренным поездом в Салоники, где поселен будет на частной даче, принадлежащей богатым салоникским негоциантам евреям Аллатини. С ним отправились 2 младшие его сына, 11 женщин из его гарема и небольшое число служителей, а также надежный военный конвой. Все распоряжения по этому предмету сделаны были командующим македонской армией Махмуд-Шевкет-пашою без совещания с министерством.

Депутация, отправленная для приветствования нового султана, состояла из двух вице-президентов палаты депутатов, Талаат-бея и Аристиди-паши, депутата от Родосто Бабикян-эфенди и сенаторов Гази-Ахмед-Мухтара и Исмаил-эфенди. Султан Мохаммед принял их весьма приветливо и, согласно обычая, отправился в сераскерат, где должна была состояться церемония «беиат», или торжественное провозглашение султана, и куда собрались министры, члены палаты депутатов и сената и значительное число гражданских и военных чинов, горячо приветствовавших своего нового падишаха.

Войдя в предназначенные для означенной церемонии покои, султан совершил предписанное мусульманскою религиею омовение и, произнеся клятву в верности шариату и конституции, занял приготовленный для него трон, после чего Накиб-уль-Эшраф (пребывающий в Константинополе представитель меккского шерифа) произнес обычную молитву.

По окончании означенной церемонии, отличавшейся большой простотой, султан отправился во дворец Топ-капу, где хранится плащ пророка Мохаммеда и к 6 часам пополудни вернулся во дворец Долма-Бахче, который и избрал своей резиденциею.

В продолжение всего царствования своего брата принц Решад-эфенди, окруженный членами своего семейства и немногочисленными служителями, жил на своей даче, соседней с Ильдызом, и находился под бдительным надзором. Доступ к нему посторонним лицам был строго воспрещен, и турки из всех слоев общества тщательно избегали даже проезжать мимо его дачи, дабы не подвергнуться подозрению в сочувствии ему. Вследствие этого о нем в народе сложилось понятие как о человеке расслабленном как физически, так и нравственно. Первое появление его в качестве султана рассеяло это предубеждение. Прибыв в сераскерат, он бодро поднялся в третий этаж здания, где должна была состояться церемония «беиат», сумел сказать несколько приветливых слов многим из представлявшихся ему лиц и вообще произвел на присутствовавших выгодное впечатление.

Совершившаяся перемена царствования вызвала среди населения столицы ликование, которое следует приписать не столько вере в нового султана, сколько отрадному чувству, овладевшему населением вследствие прекращения втечение 33 лет тяготевшего над Турцией невыносимого гамидовского режима.

Не без некоторого опасения ожидают здесь известий о впечатлении, которое события последних дней произведут в провинциях, в особенности малоазиатских, где сверженный султан имеет многочисленных приверженцев.

Еще до занятия Константинополя македонскими войсками великий визирь Тевфик-паша вместе с остальными министрами выразил желание выйти в отставку, но на это не последовало согласия законодательных палат. Султан Мохаммед, с своей стороны, выразил Тевфик-паше желание, чтобы как он, так и его товарищи по кабинету продолжали пока исполнять свои обязанности.

Высшая власть в Константинополе сосредоточивается впрочем ныне в руках командира III турецкого корпуса Махмуд-Шевкет-паши благоусмотрению коего предоставлено принятие всех мер необходимых для обеспечения порядка как в столице так и в соседних с нею местностях.

Зиновьев.

Депеша посла в Константинополе от 29 (16) апреля 1909 г. № 79.

В дополнение к моему предыдущему донесению считаю долгом обратить внимание вашего превосходительства на нижеследующий точный перевод фетвы шейх-уль-ислама, коею решена судьба Абдул-Гамида.

Фетва состоит обыкновенно из двух частей. В первой излагается обстоятельства дела и предлагается решение а во второй заключается окончательное постановление шейх-уль-ислама.

В документах этого рода имя лица, которого они касаются, не упоминается и заменяется именем Зейд.

«Если повелитель правоверных Зейд исключает из священных книг некоторые существенные постановления священного закона, если он изъемлет из обращения, уничтожает и сжигает эти книги; если вопреки священному закону он присваивает себе общественное достояние, расточает и расходует его; если он без законной причины умерщвляет, заточает и изгоняет своих подданных и вообще усвояет привычку совершать всякие насилия; если затем он, поклявшись вернуться на стезю добродетели, тем не менее с нарушением клятвы упорствует в создании смуты, способной совершенно низвергнуть положение и дела правоверных и вызывает междуусобное кровопролитие, если притом из многочисленных местностей ислама получаются заявления о том, что ради прекращения бедствий означенный Зейд должен быть признан лицом, заслуживающим лишения престола, и что сохранение его грозит неминуемою опасностью, — то должно ли быть приведено в исполнение то, что лица, имеющие право связывать и развязывать и заведывающие делами правительства, признают предпочтительным, а именно: предложить ли означенному Зейду отречься от сана имама и султана или же свергнуть его с престола?»

За этим текстом следует решение шейх-уль-ислама, выраженное в слове: «Должно».

Как ни строг изложенный в фетве взгляд на деятельность Абдул-Гамида, но нельзя не признать, что он вполне отвечает действительности. Все его царствование представляет длинный ряд правонарушений и даже преступлений по отношению к его подданным, побуждением к чему служил самый грубый эгоизм. Бесславное падение Абдул-Гамида вполне им заслужено.

По выслушании фетвы шейх-уль-ислама Народным собранием постановлено было следующее решение: «На состоявшемся во вторник, 7-го Реби-уль-Ахира 1327 года (14/27 апреля), заседании Народного собрания состоявшего из сенаторов и депутатов, была прочитана духовная фетва за подписью шейх-уль-ислама Мохаммеда-Зиа-эд-дин-эфенди. Из двух изложенных в означенной фетве предложений то, которое касается низложения как признанное предпочтительным, было принято единогласно, и султан Абдул-Гамид II был лишен сана халифа и османского султана, а законный его наследник Мохаммед-Решад-эфенди провозглашен был халифом и султаном под именем султана Мохаммеда V».

Зиновьев.

Телеграмма управляющего ген. консульством в Салониках от 29 (16) апреля 1909 г.

Телеграфирую послу в Константинополь.

Вчера вечером доставлен в Солунь под сильной охраной низложенный султан Гамид с частью своего гарема, помещенный за городом в частной уединенной вилле. Прибытие его держалось в тайне от населения, чем были избегнуты всякие демонстрации, и обошлось вполне спокойно.

Кохманский.

Телеграмма посла в Константинополе от 7 мая (24) апреля 1909 г. № 126.

Создавшееся в Константинополе вследствие последнего переворота положение представляется пока весьма смутным. Проведший более тридцати лет в заключении султан лишен всякой опытности и осужден на пассивную роль. Комитет «Единения и Прогресса» заботится преимущественно о восстановлении своего прежнего влияния. В угоду ему великий визирь Тевфик-паша сменен, и место его заступил Хусейн-Хильми-паша. По указаниям комитета организован личный состав двора, что, как говорят, вызвало неудовольствие султана. Охранение порядка в столице сосредоточено в руках командира III корпуса Махмуд-Шевкет-паши, который неутомимо преследует зачинщиков реакционного движения и главных пособников низложенного султана.

Зиновьев.

Выписка из частного письма второго драгомана посольства в Константинополе Мандельштама от 8 мая (25 апреля) 1909 г.

Положение младотурок после низложения султана значительно упрочилось. Хотя существует мнение, что Турция — накануне распадения, все-таки для такой уверенности нет, повидимому, достаточных оснований. Не верят этому и немцы с австрийцами, рассчитывающие занять утрачиваемые англичанами позиции. С этой целью австрийские и немецкие дипломаты стали заметно ухаживать за младотурками. Еще во время междоусобной борьбы, когда младотурецкие войска стояли в Сан-Стефано, граф Deym, первый секретарь австрийского посольства, и другие дипломаты неоднократно посещали главную квартиру младотурецких войск уверенные в окончательном их успехе. Пока еще заигрывания немецких и австрийских дипломатов пред младотурками не увенчались успехом.

По мнению колл. сов. Мандельштама, настоящий момент является весьма благоприятным для России в смысле дальнейшего укрепления и развития ее влияния в Константинополе. Поэтому, казалось бы, следует стараться избегать всего, что может пагубно отразиться на наших отношениях с молодой Турцией. Между тем статьи «Нового времени», враждебные младотуркам, обратили уже на себя внимание турецких правящих сфер.

Из истории французской интервенции в Одессе.

«Борьба с большевиками в Новороссийском крае» — докладная записка, представленная, повидимому, по начальству в Екатеринодар, после эвакуации Одессы французами. Автор докладной записки, генерального штаба полковник — заурядный агент добровольческой власти, с ограниченным политическим кругозором, но тем не менее его докладная записка с приложенными к ней документами представляет немалый интерес, как красочная страница из истории французской интервенции в районе Одессы, как своего рода историческая справка с точным обозначением дат, имен, фактов.

Политическая «установка» полковника проста. По его мнению, французы в Одессе мстили «за наш ранний выход из войны с Германией» и потому не только не поддерживали Добровольческой армии и тех «здоровых элементов русского общества», которые за ней шли, но даже «изменили в самую трудную минуту», покинув Одессу. Иначе он никак не может объяснить переговоров французского командования с петлюровцами, их попыток создания «бригад-микст» «русской армии», которая должна была конкурировать в деле «спасения России» с монополизировавшей эту честь Добровольческой армией ген. Деникина. Между тем у самого автора докладной записки приведены факты, объясняющие (хотя, конечно, только в известной степени) и «вероломство» французов, не оказавших должной поддержки местному добровольческому командованию, и «их измену», выразившуюся в поспешном оставлении Одессы. В начале Добровольческая армия казалась французам вполне надежной опорой для осуществления их интервенционистских планов по отношению к Советской России. Но в своем антисоветском походе французы, как и другие «союзники», меньше всего собирались опираться на свои собственные воинские силы. В обстановке только что закончившейся войны было слишком рискованно предпринимать новую военную экспедицию, да еще притом против страны, которая могла дать вполне наглядные уроки революционной практики. Вот почему для французов было чрезвычайно важно в районе проектируемых колониальных захватов на юге найти политическую величину, за которой имелась бы подлинная военная сила.

Вот почему местное командование французских войск вело свою двойную игру и с Деникиным и с Петлюрой, нащупывая, который из них в данный момент сильнее. Деникин и его армия по своей классовой природе и по политическому облику были, конечно, неизмеримо ближе командованию войсками французской империалистической буржуазии,

чем какой-то Петлюра, человек «без рода и без звания», и его полурегулярные и полубандитские войска. Поэтому в Одессе между представителями Деникина и французского командования первоначально наблюдалось самое трогательное содружество и устанавливалось общение, как между «людьми одного круга», в то время, как с дипломатическими посланцами Петлюры переговоры велись тайком и с черного крыльца. Но что оставалось делать, если добровольческие власти в Одессе каждый день себя дискредитировали в глазах французов и если испарялась вера в воинскую силу деникинских войск? По словам автора публикуемой записки, в Одессе собралось «все хорошее», что успело уйти от большевиков — своего рода «сливки русского общества». Но чем занимались эти избранные «спасители России»? Поголовной спекуляцией и жалким политиканством в погоне за министерскими портфелями и за «хлебными» местечками в «аппарате государственной власти». В этом грязном клубке спекулянтов и темных дельцов из «высшего общества» колониальные бравые вояки французской армии, вроде полк. Фрейденберга, и французские дипломаты, à la пресловутый консул с «особыми полномочиями» Энно, чувствовали себя, вероятно, превосходно. Но прекрасные спекулятивные дела омрачались безотрадным положением на фронте и слишком тревожной обстановкой в тылу, где в условиях полнейшей хозяйственной разрухи, грандиозной безработицы и жестокого голода поднималась революционная волна, которая захлестывала и собственные союзные войска, не желавшие снова итти в бой после того, как кошмарная империалистическая война уже была закончена.

Вот почему французское командование искало твердой власти и, декларируя о своих демократических стремлениях и о готовности поддерживать Учредительное собрание (об этом автор докладной записки, махровый монархист, стыдливо умалчивает), решилось все же на «государственный переворот», на едва завуалированное изгнание из Одессы добровольческих начальств и на организацию власти открытой военной оккупации.

А. Гуковский.

Борьба с большевиками в Новороссийском крае *),

Закончилась, наконец, ужасная мировая война. Закончилась полной победой держав Согласия, однако до полного мира еще далеко. В России кипит страшная междуусобная война, результатом которой, в случае победы большевиков, должно явиться не достижение какихлибо политических целей, а полное социальное переустройство государства. Большевизм, победивший в России, не может на этом остановиться. Его стремление зажечь пожар мировой социальной революции не является пустым звуком, ибо по существу своему большевизм есть сила наступательная.

Следует иметь в виду, что при своем наступательном движении большевизм действует не только силою оружия; он прежде всего стремится достигнуть внутреннего разложения своих противников.

*) Публикуется по копии, хранящейся в Моск. Центр. Архиве Октябрьской Революции (фонд № 446, д. № 32, л. 1—16).

Вот эти-то свойства большевизма — его неизбежно наступательный характер с большой вероятностью на успех и грядущий за ним полный переворот нормального уклада жизни — и заставляют носителей культуры беспощадно бороться с ним, дабы сохранить цивилизацию от полной гибели.

Но для Франции и Англии страшен не один только большевизм. Германия менее других континентальных государств пострадала от войны и имеет много шансов за то, чтобы быстрее оправиться от последствий ее, нежели Франция и даже Англия, и тогда она вновь станет опасной для существования этих государств. Только сильная Россия на востоке, союзная с Англией и Францией, обеспечит их в будущем от германской опасности.

Вот две основных причины, которые настоятельно требуют, чтобы державы Согласия помогли противостоящим большевизму русским силам, помогли России выйти из состояния анархии и гражданской войны, дабы она вновь могла стать сильной и служить противовесом для аппетитов Германии. Только сильная Россия на востоке может обеспечить спокойное существование истощенной от войны Франции.

Эти обстоятельства совершенно ясно сознавались в России; никто не допускал мысли о том, что союзники могут отказать России в помощи. Эта уверенность была настолько велика, что после окончательной победы над Германией ее нетерпеливо ждали со дня на день, и каждый день промедления вызывал тревогу и разочарование.

С надеждой на быструю помощь союзников отправились русские общественные деятели на совещание в Яссы*). Там они рассчитывали встретиться с полномочными представителями союзных держав и через них вновь подтвердить необходимость немедленной помощи изнывающей от большевизма России.

Ясская действительность несколько поколебала эту уверенность. Представители союзников в Румынии оказались способными лишь в передаче вручаемых им своим правительством*. Об организации помощи русским противобольшевистским силам они ничего не думали предпринимать. Только после многократных обращений Ясского совещания к правительствам союзников с целым рядом письменных просьб и непосредственного обращения к высшим представителям союзного командования в Салониках и Константинополе небольшая часть союзного флота была двинута из Мраморного в Черное море, а спустя некоторое время в Одессе началась выгрузка сухопутного десанта.

---

*) Так в подлиннике.

Но увы, эта помощь пришла с большим опозданием. Дело в том, что ко времени окончательного поражения Германии на юге России вели борьбу с большевиками Украина, Дон и Добровольческая армия.

Первая только пассивно сдерживала их при помощи германских штыков, а Дон и Добровольческая армия вели с ними активную борьбу.

Естественно, что, с поражением Германии, Украина уже не могла рассчитывать на германские штыки. Можно было думать, что союзники быстро учтут создавшуюся обстановку и взамен германских штыков дадут свои войска, под прикрытием коих можно было бы создать серьезные русские силы для борьбы с большевиками.

Но этого не случилось: гетман Скоропадский не мог удержаться против петлюровского восстания. С падением его рухнул и неналаженный государственный механизм Украинской державы.

Когда в начале декабря 1918 года в Черном море появились первые суда военного флота союзников, гетман был уже свергнут, Киев занят петлюровцами, и значительные силы их подступили к Одессе, 9—10 декабря Одесса была занята ими. Наскоро сформированные отряды, дружины добровольцев не оказали им никакого сопротивления, и часть рассеялась по городу, а часть была погружена на транспорт «Саратов» и готовилась к отплытию. Только небольшой уголок в районе Николаевского бульвара удалось удержать при помощи небольшого отряда матросов, высаженного с прибывших французских военных судов.

Так продолжалось до 17 декабря. В этот день на одесском рейде появились первые транспорты с французскими войсками. Прибыл штаб 156 дивизии с генералом Бориусом и головные части этой дивизии, всего около 1 200 человек солдат.

В тот день же на совещании в «Лондонской гостинице» было решено овладеть всей Одессой и выгнать из нее петлюровские войска.

18 декабря 800 человек добровольцев, под общим начальством ген. Гришина-Алмазова, при пассивной поддержке французов, выбили петлюровские отряды из всех занятых ими пунктов, и к утру 19 декабря весь город был фактически в их руках.

С этого момента в Новороссийском крае начала утверждаться власть Добровольческой армии.

Задержка в присылке союзной армии помощи привела к тому, что область, свободная от анархии, на юге России уменьшилась с восьми губерний до пределов территории, занимаемой Одессой. При таких условиях нечего было и мечтать о создании на юге России сколько-нибудь значительных русских сил для борьбы с большевиками. Вместе с тем существенно изменялась и роль союзников. Они уже не могли ограничиться только созданием заслона, им необходимо было расши-

рить занятую зону, чтобы иметь возможность удержаться в Одессе, т. е. действовать активно; нужно было оттеснить петлюровцев от города хотя бы на расстояние орудийного выстрела.

При выполнении этой задачи французскому командованию представлялось два пути: один — применение военной силы, и другой — путь переговоров и уступок, путь дипломатический. Первоначально, когда руководителем французской политики был консул Энно, а войсками командовал генерал Бориус, к петлюровцам применялся первый способ, — видно было, что представители Франции ясно отдают себе отчет в происходящем и выбрали правильный путь. Но это продолжалось недолго. Вскоре командующим французскими войсками в Одесском районе был назначен генерал д'Ансельм*), фактически же руководил политикой и распоряжался начальник его штаба полковник Фрейденберг. С этого времени определенность французской политики исчезла. Консул Энно вынужден был уйти. Тогда был бесповоротно избран второй путь, путь бесконечных дипломатических переговоров с петлюровцами, а затем и иными враждебными русскому делу группами и организациями.

Прежде всего французы потребовали от петлюровцев очищения городских предместий и железнодорожных станций, прилегающих к городу. После долгих отнекиваний, петлюровцы отошли до станции Дачная и Сортировочная — в сторону Киева и Хаджибейского лимана — в сторону Николаева. На этой линии они установили правильную блокаду, не пропуская прибывающих в город пассажиров и продукты, и совершенно прекратили сухопутное сообщение Одессы с внешним миром. С этого времени Одесса фактически превратилась в осажденный город. Началась дороговизна, нехватало хлеба, топлива, усилилась безработица, и стал свирепствовать тиф.

Оставаться в таком положении город долгое время не мог, ибо ему грозил форменный голод. Снова начались переговоры с петлюровцами, и, спустя много дней, французам удалось настоять на том, чтобы они отошли до станции Раздельная и очистили лиман; таким образом город получил некоторую зону, откуда и мог добывать продукты в самом ограниченном размере. Кроме того, петлюровцы стали пропускать в Одессу некоторые пассажирские поезда из Киева.

Однако удерживать занятую полосу силами одной 156 дивизии, части которой были сильно ослаблены демобилизацией, при сколько-нибудь агрессивных намерениях петлюровцев французы, конечно, не могли. О дальнейшем расширении зоны также нечего было и думать.

---

*) В подлиннике везде фамилия ген. д'Ансельм (d'Anselme) искажена в «д'Аксельман».

Силы Добровольческой армии в это время были ничтожны и медленно увеличивались в своем составе.

Положение было довольно неопределенное. Большевики начали наступление на Украину, овладели Харьковом, вели наступление на Киев, в Екатеринославской и Херсонской губерниях хозяйничали банды Махно, а петлюровцы постепенно превращались в большевиков. Французские войска прибывали очень медленно. Но, начиная с первых чисел января 1919 года, в Одессе начали высаживаться греческие части. Неутомленные войной, хорошо снаряженные и вооруженные, греческие войска немедленно отправлялись на фронт и постепенно заняли все подступы к Одессе в зоне радиусом 70—80 верст. Положение значительно упрочилось.

В конце января греки заняли Херсон и Николаев. Появилась надежда, что не только удастся удержать занятые районы, но постепенно расширять их, ибо накапливание греческих сил происходило довольно интенсивно, а противник был пока пассивен. Оставалось только выбрать удобный момент для перехода в наступление. Но однако в то же время появились некоторые тревожные признаки. Во время небольших местных выступлений большевиков в Тирасполе [2]), а затем в местечке Беляевке [3]), откуда начинается одесский водопровод, французские солдаты не проявили никакой устойчивости и мужества. В обоих случаях пришлось вызывать на помощь добровольцев, которые быстро подавили восстание. Возникло сомнение в надежности французских частей в случае наступления значительных сил большевиков на Одессу.

После выступления в Тирасполе французское командование приказало румынским войскам занять железную дорогу Тирасполь — Раздельная и Раздельная — Бирзула.

В то время как положение на фронте, казалось, упрочивается, положение внутри зоны с каждым днем становилось все напряженнее и напряженнее.

После занятия Одессы добровольческими частями на месте рухнувшей гетманской власти в ней возникла власть Добровольческой армии. Генерал Гришин-Алмазов был назначен военным губернатором Одессы и командующим русскими войсками. Все правительственные учреждения беспрекословно признали власть Добровольческой армии, население также не высказывало по этому поводу никакого неудовольствия. Союзное командование, с своей стороны, санкционировало установившийся порядок, оставив за собой руководство военными операциями. Начала налаживаться правильная государственная жизнь. Но правильное течение ее продолжалось только до момента ухода г. Энно. С этого момента обстановка резко меняется.

После падения гетмана и распространения петлюровщины на всю Украину Одесса сделалась главнейшим политическим центром на юге России. Сюда перекочевало все то хорошее и дурное в русской общественности, что, по тем и иным причинам, не могло или не хотело сотрудничать с большевиками и петлюровцами. Сюда съехались видные представители всех русских политических партий и организаций, различные общественные деятели, промышленники, финансисты, торговцы, землевладельцы, целые тучи всевозможных спекулянтов, множество видных чиновников старого режима и гетманских; наряду с ними здесь имели постоянное пребывание представители петлюровской директории для постоянных переговоров с союзниками. Большевики и германские агенты вели свою темную работу в широких размерах, вербуя себе сторонников среди миллионного населения города. Этот громадный наплыв большей частью богатых и совершенно свободных людей создавал крайне нездоровую атмосферу всевозможных толков, слухов и панических настроений и, безусловно, ухудшал и без того нелегкое положение.

Различные по своим домогательствам группы и лица словно забыли о той опасности, которая согнала их со всей России на крошечную территорию Одессы. Чувствуя временную безопасность, отдохнув от пережитых ужасов и волнений, они вновь принялись за привычные для них занятия. Тон задавали политики и спекулянты. В конце концов все разбились на эти две основные группы и или занимались политикой или спекулировали.

Модный с самого начала революции вопрос об организации власти не сходил с обсуждения в различных партиях, организациях, союзах и совещаниях. Вместо уже существующей и действующей власти Добровольческой армии стремились создать новую, которая явилась бы панацеей от всех зол русской жизни. Многим казалось, что, стоило лишь создать власть по новому рецепту, и Одесса мигом будет иметь армию, хлеб, уголь, воду, свет, исчезнет безработица и наступит чуть ли не земной рай.

Впервые совершенно серьезно вопросом об организации власти занялось так называемое четырехглавое совещание из представителей Национального центра, Совета государственного объединения, Союза возрождения России и Земско-городского объединения. Более двух месяцев тянулось обсуждение этого вопроса, пока не кончилось полным разрывом, когда дело дошло до обсуждения формы власти: диктатура или директория? Будучи столь же бесплодным по своим результатам, как и все прочие разговоры, это совещание все же сыграло большую роль, так как оно удержало от активных выступлений прочие группы, стремившиеся заполучить власть в свои руки и создать себе

послушное правительство. После распада четырехглавого совещания все эти группы почувствовали себя совершенно свободными, и тогда-то началась открытая борьба за власть в Одесском районе одновременно между многими группами.

За власть, а также против Добровольческой армии боролись: петлюровская директория, считавшая, что власть в Одессе принадлежит ей по праву преемственности после гетмана, тем более, что она ставила своей задачей также борьбу с большевиками и располагала вооруженной силой; сторонники павшего гетмана, лишившиеся своих «посад» военные, чиновники и разных сортов хлеборобы; социалистические партии, мечтавшие о создании директории, которая могла бы служить «эмбрионом» для будущей общерусской власти; правые партии рассчитывавшие воспользоваться удобным случаем для восстановления монархии; различные «протофисные» круги [4]), обещавшие поддержку только правительству, которое легче будет поддаваться их влиянию. Все эти группы, весьма различные по своим конечным целям, сходились на одном желании: уничтожить в Одессе власть Добровольческой армии и добиться ее вывода из Одесского района.

Если бы в Одесском районе единственной реальной силой была одна Добровольческая армия, тогда все эти споры о власти носили бы или чисто академический характер или же выливались бы в форму тех или иных пожеланий и в этом случае несомненно приносили бы свою долю пользы; но так как здесь же было и союзное командование, распоряжавшееся всеми вооруженными силами, то естественно, что все домогавшиеся власти стремились всеми дозволенными и даже недозволенными способами воздействовать на него, склонить его к вмешательству в наши внутренние дела и произвести желанный для них переворот.

Высшие представители французского командования в Одессе не оставались безучастными к этим домогательствам. Полковник Фрейденберг, служивший раньше в различных французских колониях и по словам своих подчиненных приобретший там дурные привычки, вскоре примкнул к длинному ряду недоброжелателей Добровольческой армии. Привыкший с своим полком быть владыкой где-нибудь в глуши Индо-Китая, полковник Фрейденберг не мог отрешиться от этого взгляда на себя и в Одессе.

Первые обратили на него внимание представители петлюровской директории. Они обещали в случае замены власти Добровольческой армии властью директории передать свои войска и средства в распоряжение французов, т. е. фактически предоставляли границы Украины для полной французской оккупации. Есть много оснований предполагать, что быстрое разложение военных сил директории и явное

превращение петлюровщины в большевизм удержали французское командование от столь гибельного для русского дела шага. Однако полковник Фрейденберг не порывал этих переговоров до самого оставления Одессы [5]). Приверженцы гетмана и хлеборобы также пользовались большим вниманием полковника Фрейденберга и впоследствии их представители вошли в состав совета обороны и продовольствия. Наконец, и все остальные группы и партии, домогавшиеся власти, также находили у него радушный прием, если только они действовали в ущерб интересам Добровольческой армии. Впоследствии их представители также получили места в новом совете. Стремление низвергнуть власть Добровольческой армии выражалось в различного рода невыполнимых требованиях, в постоянных придирках и полном игнорировании распоряжений Добровольческой армии. Все это создало крайне тяжелую обстановку для деятельности неокрепшей еще власти, приводило к постоянным недоразумениям и до крайности обостряло отношения между представителями Добровольческой армии и французского командования.

Справедливость требует отметить, что, независимо от нездоровой политической атмосферы, создавшейся в Одессе, были и чисто объективные причины, вызывавшие недовольство властью Добровольческой армии не только со стороны политических и общественных групп, но и со стороны широких слоев населения, которое со своими жалобами также шло к французскому командованию и толкало его на путь вмешательства.

На первом месте стояла продовольственная разруха. Рабочее население города буквально голодало, а в то же время на всех улицах продавались массы хлеба по цене недоступной для рабочих (7—8 рублей фунт). Недостаток топлива зимой, света, дороговизна обуви и одежды, безработица, тиф и безудержная спекуляция всем, что могло покупаться и продаваться, еще больше увеличивали разруху.

В борьбе с этим злом власть Добровольческой армии не проявила достаточной активности. Излишняя централизация власти давала себя знать на каждом шагу. Полная зависимость одесских представителей от Екатеринодара, при крайне ненадежной связи с ним, приводила к пассивности власти и, конечно, не могла служить к укреплению ее престижа. Назначение генерала Санникова главноначальствующим сравнительно с большими полномочиями мало помогло делу усиления власти Добровольческой армии, ибо и он оказался бессильным справиться с разрухой и спекуляцией.

Получалась весьма печальная картина. Одесса — с небольшим прилегающим к ней радиусом в 60—70 верст районом — фактически представляла осажденную крепость, обороняемую гарнизоном из гре-

ческих, румынских и французских войск и горсти добровольцев; миллионное население испытывало страшный недостаток в предметах первой необходимости, а рабочее население уже голодало; в городе свирепствовал тиф, росла безработица, а безудержная спекуляция еще более усиливала разруху. Казалось бы, что в столь тяжелое время можно было ожидать подъема энергии как со стороны власти, так и со стороны всех здоровых элементов, которые могли бы сплотиться вокруг нее, чтобы общими дружными усилиями справиться с тяжелым положением, но увы, этого не было.

Власть проявляла полную пассивность, и ее почти никто не поддерживал. Напротив, многие вместе с германскими и большевистскими агентами и украинцами, направляли свои усилия к свержению этой власти и к устройству революции.

Одно время была надежда, что личное свидание генерала Деникина с высшими представителями союзного командования сможет несколько разрядить одесскую нездоровую атмосферу, что на этом свидании будут урегулированы спорные вопросы, домогательства и стремления различных групп получат тот или иной исход, будут приняты решительные меры по борьбе с разрухой, и жизнь так или иначе наладится. Но эти надежды скоро рухнули. Ген. Деникин на свидание не поехал, не приехал также и его уполномоченный.

Вполне возможно, что если бы не было войны, если бы большевизм оставался пассивным, а петлюровцы проявляли большую стойкость в борьбе с ним, все перечисленные явления рано или поздно были устранены, и жизнь понемногу наладилась бы. Добровольческая армия так или иначе сумела бы организовать власть и урегулировать отношения с союзниками.

Но события шли настолько быстро, что обычный темп работы совершенно не годился.

Большевистская опасность с каждым днем все сильнее и сильнее чувствовалась в Одессе. Большевистские агитаторы, снабженные большими денежными средствами, вели агитацию среди рабочих, французских солдат и вербовали к себе на службу даже офицеров. То тут, то там французские солдаты заявляли, что они не будут воевать против революционного народа. Контр-разведка сообщала об организации большевистских дружин в самом городе. Издавалась даже большевистская газета «Коммунист» [6]) на русском и французском языках, в которой в качестве сотрудников участвовали французские солдаты и матросы. Вследствие разрухи настроение низших слоев городского населения было явно большевистское, и они ждали большевиков как своих спасителей.

В это время большевизм на Украине почти беспрепятственно совершил свое победное шествие. Петлюровцы почти не оказывали ему никакого сопротивления; их войска в громадном своем большинстве просто переходили на сторону большевиков и усиливали собою их ряды, так как хотя, «сичевые-стрельцы» — галичане по происхождению, оказались более стойкими, но их было мало, и они не проявляли большой наклонности драться вне своей территории. В самом скором времени приходилось ожидать столкновения с большевиками и готовиться к этому, накапливая необходимые для борьбы силы и средства.

Однако накапливание сил совершалось весьма медленно. Французы вместо обещанных представителям Ясского совещания 3-х дивизий, прислали всего одну, да и та имела не более 30—40 штыков в роте; солдаты ее жаловались на утомление войной, и все помыслы их сводились к скорейшему возвращению на родину, ни о какой активной борьбе они и слышать не хотели. Надежды на получение новых, свежих французских сил почти не было, так как в армии производилась демобилизация, а новые формирования из волонтеров могли подоспеть не так скоро (за день до эвакуации Одессы прибыли, правда, 2 полка, но они уже ничего не могли изменить в ходе событий).

Недостаток своих войск французы возмещали посылкой греческих. Всего до сдачи Одессы было высажено 2 дивизии греков. Греки немедленно после высадки отправились на фронт и занимали большую часть подступов к Одессе между линией железной дороги Одесса—Киев и р. Буг; они же занимали Николаев и Херсон. Греки представляли прекрасный боевой материал, горели воодушевлением сразиться с большевиками, как с гонителями православия и осквернителями храмов. Многие из них видели в этом походе уплату старого долга России за освобождение Греции от турецкого ига. Однако, при всех своих положительных нравственных качествах, греки не отличались стойкостью в бою и не имели опытного командного состава. Во всяком случае, они являлись достаточно надежными войсками, способными к активной борьбе с большевиками и, при умелом руководстве, были бы вполне пригодны для предстоящих операций.

Румыны занимали наиболее пассивный участок по линии железной дороги Тирасполь — Бендеры, выполняя, главным образом, функции по его охране от местных большевиков.

Силы Добровольческой армии со времени занятия Одессы до половины марта, когда почти целиком выступили на фронт, возросли с 800 человек до 5 000 человек. Это были преимущественно офицерские кадры 15 и 4 стр. дивизий пехоты, сводно-кавалерийский полк, артиллерийская бригада, тяжелый артиллерийский дивизион, броневой дивизион, авиационные части и штабы. Солдатского элемента во

всех этих частях было весьма мало, он состоял преимущественно из вольноопределяющихся и охотников.

Столь малый состав добровольческих частей, при наличии достаточного количества контингентов призывного возраста для сформирования отряда силою не менее 50 000 человек, объясняется следующими причинами. Прежде всего отсутствие среди имущих классов патриотизма и сознания, что с большевизмом мы можем и должны справиться только своими собственными силами, не особенно полагаясь на помощь со стороны союзников; недостаточность оплаты добровольцев, до последнего времени не превышавшей в среднем 450 руб. для офицера, плохим расквартированием, недостатком обмундирования и другими недочетами материального характера.

Неопределенность положения офицера в составе части, отсутствие надежды занять когда-либо соответствующее своему чину и опыту положение приводили к тому, что многие, преимущественно старшие офицеры и офицеры, служившие на гетманской службе, уклонились от поступления в Добровольческую армию и составляли постоянную оппозицию ей. Но и при всех этих недочетах Добровольческая армия, несомненно, значительно быстрее увеличивалась бы в своем составе, если бы французское командование не чинило препятствий ее росту.

Прежде всего французское командование, наряду с остальными недоброжелателями Добровольческой армии, твердило постоянно, что она непопулярна в деревне, что она реакционна и т. п. небылицы. Оно не разрешало Добровольческой армии произвести мобилизацию даже в тех районах, где само население просило об этом (немецкие колонисты, зажиточные хуторяне). Добровольческой армии не разрешалось пребывание в Херсоне и Николаеве, так как здесь французы признавали власть только директории, они не разрешали пользоваться имеющимся на складах в этих пунктах вооружением и продовольствием, а также открывать здесь вербовочные бюро Добровольческой армии. Доходило до того, что французы запрещали свободное передвижение частей Добровольческой армии по железной дороге и перевозку запасов Добровольческой армии. В силу каких-то невыясненных достаточно точно причин, французское командование только терпело Добровольческую армию, но отнюдь не содействовало ее усилению.

Вместо совершенно нормального увеличения русских сил путем пополнения частей Добровольческой армии французское командование выдвинуло проект, внушенный ему украинцами разной окраски, о формировании в Одессе особых бригад-микст.

Эти бригады должны были укомплектовываться преимущественно мелкими и средними хлеборобами, уроженцами Украины; на офицерские должности предполагалось привлекать офицеров-украинцев гет-

манской службы. Эти бригады получили в качестве инструкторов значительное число французских офицеров и унтер-офицеров (откуда и название «микст»). Они должны были состоять под начальством особого генерала, подчиненного непосредственно французскому штабу. Таким образом предполагалось создать конкурирующую с Добровольческой армией силу, дабы, опираясь на нее, совершенно вытеснить впоследствии Добровольческую армию из Одесского района. Однако французское командование еще не решалось бросить открытый вызов Добровольческой армии и собственною властью разрешить формирование этих бригад. Решено было испросить ее согласия. Для защиты этого проекта в Екатеринодаре к верховному командованию был послан некий господин Андро, сторонник гетмана, бывший волынский губернальный староста, человек очень ловкий, честолюбивый, стремящийся к власти. Однако в Екатеринодаре Андро ожидало полное разочарование. Проект его был отвергнут. Офицерам категорически запрещено поступать в бригады-микст.

После этого французы временно оставили мысль о создании армии, но своего отношения к Добровольческой армии не изменили, — наоборот, их нетерпимость к ней усилилась. Теперь каждое лыко ставилось в строку Добровольческой армии. К сожалению, представители Добровольческой армии в Одессе не могли справиться с тяжелым положением. Лишенные какого бы то ни было руководства из Екатеринодара, не получая никакого ответа на свои запросы, они не проявили достаточного мужества и дипломатической изворотливости, чтобы выйти из создавшегося положения. Ко всему происходящему в Одессе они относились слишком формально, держались далеко от французского командования, очень легко раздражались его распоряжениями и не всегда умели скрывать свои чувства. Одним словом, необходимо с полной откровенностью признать, что они не нашлись в столь трудных обстоятельствах и вызывали неудовольствие даже со стороны кругов, считавших своей задачей всемерную поддержку Добровольческой армии, ибо своими действиями зачастую выбивали у них из-под ног почву для ее защиты.

Между тем большевики наступали. Уже в конце января французам пришлось столкнуться с ними лицом к лицу в районе г. Вознесенска. И — о, ужас! победители Германии побежали перед нестройными рядами махновских банд, кое-как наскоро реорганизованных советскими инструкторами. Эта первая неудача значительно поколебала и без того неустойчивое равновесие французского командования. Чувствовалось, что оно растерялось. Для него, с одной стороны, с полной очевидностью выяснилось, что рассчитывать на свои войска в предстоящей борьбе оно не может, а с другой, сил Добровольческой армии и греческих было

недостаточно. Вероятно, уже после этой неудачи у французов зародилась мысль превратить Одессу в своего рода Салоники, сократить насколько возможно линию обороны, загородиться проволокой и отсиживаться за нею до полного сосредоточения своих сил. (А таковых генерал Бертело обещал до 14 дивизий к концу апреля н. с.). А пока что на все более опасные места посылались или греки или добровольцы.

Вторым ударом для союзников была потеря Херсона.

Занимавший этот пункт греческий батальон, почти без артиллерии и патронов, очень храбро, но неумело дрался, отстаивая город от наседавших большевиков атамана Григорьева, в продолжение нескольких дней. Наконец, он был выбит со своей позиции на вокзале и отступил. Присланный на поддержку его в последний день боя французский батальон отказался драться; несмотря на все усилия своих офицеров, французские роты не шли в бой и только с грехом пополам прикрывали постепенный отход греков. Французское командование сочло за лучшее сдать город большевикам. Под прикрытием огня с военных судов расстроенные греческие и французские части были посажены на транспорты и увезены в Одессу. В городе остались большие запасы зерна, муки, фуража, и много продовольствия, предназначенного для Одессы, и большие запасы интендантского имущества.

Военное счастье изменчиво: сегодняшний победитель нисколько не застрахован от поражения на завтра; но в этой истории поражает и кажется странным не самый факт очищения Херсона, а непонятное поведение французского командования.

Штабом Добровольческой армии еще задолго до начала боев указывалось французам на серьезное значение Херсона, как на продовольственную базу Одессы. Штаб неоднократно ходатайствовал о разрешении поставить в Херсоне одну из частей Добровольческой армии и открыть там вербовочное бюро. Однако все эти указания и просьбы совершенно игнорировались. Кроме того, было ясно, что одному батальону, да еще без достаточной артиллерии, не по силам удержать большой город, и все-таки он не был своевременно подкреплен.

Падение Херсона имело громадное значение. Оно ясно показало всем низам населения силу большевиков и слабость союзников; после этого большевистские симпатии среди них начали проявляться открыто, остальное население убедилось, что союзники не спасут его от нашествия большевиков, и потеряло веру в них.

Французское командование получило наглядный урок большевизма на собственных войсках и, казалось бы, должно было убедиться в его опасности и принять необходимые меры, но оно попрежнему оставалось слепо к своим собственным ошибкам и даже в сдаче Херсона пыталось обвинять Добровольческую армию (газета от 18 марта).

В сдаче Херсона пессимисты видели начало очищения французами всего Новороссийского края, но после сделанных ими неоднократных заявлений о своей готовности бороться с большевиками в возможность этого как-то не верилось. Однако последующие события показали, что пессимисты были правы. Вслед за сдачей Херсона последовало оставление без боя Николаева. Николаев, так же как и Херсон, занимался греческим гарнизоном и небольшой командой французов, но комендантом был французский офицер. Еще накануне оставления города он через особое объявление доводил до сведения жителей, что город будет обороняться, а на другой день, с поспешностью, напоминавшей бегство, город оставлен, и гарнизон его переведен в Одессу, несмотря на то, что большевистские войска были еще не ближе 15—20 верст.

В городе были оставлены большие запасы военного снаряжения и материальной части — около 6 батарей легкой артиллерии, тяжелый артиллерийский дивизион, броневой дивизион, около 100 000 снарядов, свыше 10 000 винтовок, масса патронов, одежды, белья и обуви, мощная радиотелеграфная станция и несколько почти законченных постройкой военных судов.

В свое время Добровольческая армия ходатайствовала о разрешении воспользоваться этим имуществом для вооружения своих частей, но получила полный отказ; добровольцам было даже запрещено показываться в Николаев, ибо здесь французы признавали только директорию и, как это ни странно, — большевиков в лице их постоянно существовавшего совдепа, который фактически управлял городом совместно с французским комендантом. Здесь, действительно, французы совершенно не вмешивались во внутренние дела города. В период эвакуации они проявили даже необычную уступчивость большевикам и по их требованию оставили в полной неприкосновенности радиотелеграфную станцию.

Оставление Николаева, полный развал петлюровцев и неудержимое превращение их в большевиков окончательно выбили из колеи французское командование. Оно совершенно утратило понимание происходящих событий и сделалось игрушкой в руках разного рода честолюбцев, домогавшихся власти и уничтожения Добровольческой армии. Уроки Херсона и Николаева, показавшие, что в борьбе с большевиками рассчитывать на серьезную поддержку союзников не приходится, не только не объединили вокруг власти Добровольческой армии, как уже существующей и обладающей воинской силой, одесское общество, но, казалось, явились поводом к еще бо́льшим нападкам на нее. Представители правых и социалистических партий образовали своеобразный чернокрасный блок и дружно атаковали потерявшее голову французское командование. Рецепт исцеления от всех зол одесской жизни оста-

вался прежним. Стоило только вырвать власть из рук Добровольческой армии и передать ее в руки блока, и все изменится, как в сказке, появятся войска, исчезнет разруха и союзникам останется только пожинать славу спасителей России.

Французское командование не выдержало заманчивости столь блестящих перспектив и стало открыто поговаривать о том, что оно намерено всю власть взять в свои руки.

Между тем Екатеринодар упорно молчал. На все запросы генерала Санникова не получалось никакого ответа. Чтобы получить хоть какие-нибудь директивы, генерал Санников в 20 числах февраля отправился в Севастополь, откуда можно было переговорить с Екатеринодаром по прямому проводу. Этим кратковременным отсутствием его из Одессы французское командование и воспользовалось для того, чтобы окончательно подготовить переворот.

27 февраля вечером генерал д'Ансельм пригласил к себе только что вернувшегося из Севастополя и еще не вступившего в исправление своей должности генерала Санникова и заявил ему о своем намерении взять всю полноту власти в крае в свои руки, а в помощь себе образовать совещание из политических и общественных деятелей. Протесты генерала Санникова не привели ни к чему, и на утро 28 февраля в газетах одновременно были опубликованы приказы о переходе всей власти в руки генерала д'Ансельма и о введении осадного положения *(приложения №№ 1 и 2)*.

Чтобы Добровольческая армия как-нибудь не помешала проведению в жизнь этих приказов, войска ее были на фронте, часть для занятия Очакова, а частью для занятия подступов к Одессе со стороны Николаева *).

Таким образом, совершилось, наконец, то, чего так упорно добивались всевозможные враги Добровольческой армии. Власть фактически перешла в их руки. Они и не скрывали своей радости по этому поводу. Их совесть спала спокойно. Им и в голову не приходило, что этим они наносят страшный удар русскому делу. Ведь их главная цель достигнута, и мешавшая им Добровольческая армия устранена от власти и сведена к роли чисто технической военной силы, а вся власть отныне переходила в руки русской общественности.

В тот же день, 28 февраля, стало известно, какие лица намечаются в состав совещания при генерале д'Ансельме. Предложения получили: Андро, прибавивший к своей фамилии еще другую де-Ланжерон, известный черносотенец-хлебороб Григоренко, член бюро Совета государственного объединения, председатель радикально-демократичес-

*) Так в подлиннике.

кой партии Маргулиес, генерал Шварц и нар.- соц. Пешехонов. Однако у большинства этих лиц хватило мужества только для того, чтобы свалить власть Добровольческой армии. Но встать на ее место они не решились. Григоренко, Маргулиес и Пешехонов под разными предлогами отказались от предложений, Маргулиес даже поспешил покинуть Одессу и скоро уехал в Париж.

Между тем с 1 марта появился новый приказ генерала д'Ансельма, коим Андро назначается его помощником по гражданским делам *(приложение № 3)*.

Роль генерала Шварца оставалась пока невыясненной. В своем разговоре с генералом Санниковым он даже заявил ему, что, если все происшедшее случилось без ведома и согласия Добровольческой армии, он не войдет в состав совещания. После отказа целого ряда приглашенных в состав совещания лиц, а также протестов некоторых политических и общественных организаций французское командование находилось в некотором смущении и пыталось изобразить происшедшее как не имеющее серьезного значения. В местные газеты было сообщено, что г. Андро занимается исключительно вопросами продовольствия, выбор на него пал потому, что он обещал доставить 1½ миллиона пудов хлеба. В «Одесском листке» было опубликовано обширное письмо генерала д'Ансельма (*приложение № 4)*, в котором он стремился оправдать произведенный переворот военной необходимостью и что предположенная организация «совета обороны и продовольствия» не будет стремиться к замене власти Добровольческой армии новой властью.

Но уже 4 марта картина меняется. Генерал Шварц окончательно согласился войти в состав новой власти в качестве помощника ген. д'Ансельма по военной части. 5 марта Андро дает в «Южной Руси» авторитетное разъяснение о новой власти и ее отношении к Добровольческой армии *(приложение № 5)*, не оставлявшее сомнения [относительно] истинного смысла всего происшедшего.

После этого различные круги осмелели и начали выдвигать своих представителей для участия в новой власти. Появилось имя Пилькевича — специалиста по администрации, петлюровцы стремились провести г. Климовича и рассчитывали еще на 2—3 места.

Однако вскоре выяснилось, что для окончательного установления новой власти в Одессу пожалует ген. Франше д'Эспере. В ожидании его приезда и решения страсти несколько улеглись. Приезда его ожидали с нетерпением официальные представители Добровольческой армии и поддерживающие ее группы, так как казалось вполне естественным, что приезд высшего представителя союзников внесет ясность в отношения между французским командованием и Добровольческой армией и положит конец интригам и проискам честолюбцев. Верилось

как-то, что к этому времени в Одессу приедет и полномочный представитель ген. Деникина, и тогда все спорные вопросы будут мирно разрешены. В этой уверенности поддерживала полученная 6 марта во французском командовании телеграмма.

В этом убеждало также известие, что главный вдохновитель генерала д'Ансельма, недоброжелатель Добровольческой армии, полковник Фрейденберг уезжает в отпуск и будет замещен более доброжелательно настроенным к России лицом.

7(20) марта прибыл ген. Франше и быстро разрешил все сомнения и убил все надежды сторонников Добровольческой армии.

8 (21) марта был издан приказ *(приложение № 6)*, коим ген. Шварц назначался генерал-губернатором г. Одессы и командующим русскими войсками в союзной зоне, а генералы Санников и Гришин-Алмазов высылались в Екатеринодар. Таким образом французское командование и русские честолюбцы надеялись покончить, наконец, с ненавистной им властью Добровольческой армии.

Памятуя о внешней опасности, которая 5 марта снова дала себя знать весьма чувствительно (в этот день французы и греки потерпели новое поражение под м. Березовка, в 80 верстах северо-восточнее Одессы, причем потеряли 5 танков и 6 орудий), штаб Добровольческой армии и поддерживающие ее круги приняли все меры к тому, чтобы эта мера французского командования не отразилась на боеспособности войск Добровольческой армии и не вызвала какого-нибудь резкого решения со стороны верховного командования ее, так как то и другое могло повести к полному разрыву с французами. Решено было во имя спасения родины временно покориться акту французской несправедливости с тем, чтобы в дальнейшем напрячь все усилия к новому возрождению власти Добровольческой армии — на первое время хотя бы в виде признания лицами, занявшими место устраненных генералов Добровольческой армии, своего подчинения генералу Деникину.

9(22) марта генералы Санников и Гришин-Алмазов уехали в Екатеринодар, а их место занял генерал Шварц.

В тот же день были опубликованы приказы об учреждении при ген. д'Ансельме «чрезвычайного совещательного органа», в состав которого вошли ген. Шварц, городской голова Брайкевич и председатель земской управы Бутенко, и «комитета обороны и продовольствия» в составе: адмирала, командующего союзными силами, военного помощника ген. Шварца, гражданского помощника Андро де-Ланжерона, финансового советника Молоткова, советника по делам продовольствия и труда Рутенберга, советника по делам морского транспорта адм. Хоменко, городского головы — по делам города и губернатора — по делам зоны

(приложение № 7). Таким образом, этими приказами была завершена организация новой власти в Одесском районе.

Первые дни новая власть чувствовала себя крайне неловко. Генерал Шварц послал генералу Деникину донесение о своем вступлении в должность и затем неоднократно заявлял представителям общественных организаций, что в случае непризнания его генералом Деникиным он немедленно уйдет, писал об этом же адмиралу Колчаку, но от открытого признания власти ген. Деникина уклонился. Имея в своем распоряжении налаженный уже штаб Добровольческой армии, он немедленно сформировал свой особый штаб, который в Одессе в шутку называли «Шварц-штаб».

Не трогая никого из представителей Добровольческой армии, ген. Шварц однако не доверял им и окружил себя новыми лицами, служившими большею частью на гетманской службе. Правою рукою его стал ген. Прохорович, бывший товарищ гетманского военного министра. Он имел на ген. Шварца огромное влияние; после докладов ген. Шварц не раз отменял свои только что сделанные распоряжения, отданные на основании доклада начальника штаба Добровольческой армии, без его совета он не решался предпринимать буквально ничего.

Вслед за генералом Прохоровичем потянулись в новый штаб многие другие гетманские офицеры, так что постепенно «Шварц-штаб» превратился в «украинский штаб».

Неуверенность и некоторое смущение новой власти быстро прошли. На второй или третий день своего существования она приступила уже к созданию собственной армии, действительно, вербуя в ее ряды всех, кто по тем или иным причинам не нашел себе места в рядах Добровольческой армии.

15(28) марта в одесских газетах были опубликованы основные положения о формировании южно-русской армии *(приложение № 8)*.

Не хотелось верить своим глазам, читая это положение. Какая-то злая ирония чувствовалась в этой декларации... Город фактически осажден, большинство защитников его ненадежны, как ясно показал опыт Херсона и Березовки, надежных защитников всего несколько тысяч добровольцев; при этих условиях казалось бы, что всякая русская власть, независимо от своей политической окраски, должна принять все меры, чтобы усилить эту небольшую надежную ячейку, пополнить ее ряды, увеличить силу ее сопротивления. Только власти, враждебной русскому делу, могло прийти в голову начинать в это время формирование новой армии, явно конкурирующей с Добровольческой армией.

И нашлись русские люди, которые сразу же кинулись на новую приманку. В первые два-три дня в южную армию записалось до 500

слишком офицеров, и через неделю эта цифра возросла до 800. Все сознательные дезертиры нашли себе место в ее рядах, ибо ведь начать действовать она могла еще не скоро.

В области гражданского управления новая власть ничем не успела себя проявить. Продовольственная разруха, безработица и тиф попрежнему сильно давали себя знать беднейшему населению.

Французское командование весьма предупредительно относилось к новой власти и, в частности, к ген. Шварцу, исполняло все его пожелания и только не позволяло трогать петлюровцев, когда те появлялись в городе и вели здесь свою агитацию.

16 (29) марта добровольцы, по приказанию французского командования, оставили Очаков. Громадные запасы пороха и мин были французами взорваны, отчего город значительно пострадал. Большая часть снарядов была вывезена на остров Березань, в 10 верстах от города, или доставлена в Одессу.

После оставления Очакова большевики просто обнаглели. Они ежедневно вели атаку со стороны Березовки и понемного теснили союзные войска; вместе с ними вынуждены были отходить и добровольцы. Атаман Григорьев присылал радио, что 16 марта вступит в Одессу. Ходили слухи, что он даже прислал ультиматум ген. д'Ансельму с требованием немедленно сдать Одессу. И, право, в этом не было ничего невероятного. Местные большевики оживились. По городу расклеивались большевистские прокламации, начали выходить «Известия совета рабочих депутатов», организовались рабочие дружины [7]).

Однако, несмотря на все эти грозные признаки, ничто еще не предвещало скорой сдачи Одессы. В город ежедневно прибывали новые греческие войска, а в последние дни начали высадку два свежих французских полка. Всех этих сил, в особенности при некоторой активности их, было бы вполне достаточно, чтобы сдерживать большевиков, ибо с их стороны сколько-нибудь приличных войск было не более двух-трех полков против двух дивизий греков, полутора дивизий французов, бригады добровольцев и польского легиона. При сокращении линии обороны положение на фронте должно было с каждым днем упрочиваться и при господстве на море и свободном пути отступления не могло внушать никаких опасений.

Так продолжалось до 20 марта (2 апреля).

Вечером в этот день французским командованием была получена телеграмма с извещением о падении кабинета Клемансо [8]); одновременно же получился приказ очистить занимаемую союзными войсками зону и отвести их в Румынию. Одессу ожидала участь Херсона, Николаева и Очакова.

На эвакуацию города с миллионным населением, громадными запасами военного имущества и материалами, с массою различных учреждений было дано всего 48 часов.

Войска получили распоряжение отходить сухим путем на Румынию, бригаде добровольцев приказано было отступить на Аккерман.

В городе началась паника. Для эвакуации могло служить несколько десятков стоявших в порту судов и железная дорога на Тирасполь. Однако, как только об эвакуации стало официально известно, так команды всех русских судов получили приказ от своего профессионального союза испортить машины и сойти на берег. В суматохе не было принято достаточно тщательных мер по охране судов, и команды в точности выполнили приказ. Русские пароходы остались без команд и с испорченными машинами и без угля. И только иностранные пароходы были в исправности.

Прежде чем попасть на пароход или в поезд, каждый беженец получал пропуск, для чего большинство потратило целый день 21 марта (3 апреля). Пропуски выдавались канцелярией Андро и «Шварцштабом», в трех направлениях: на Констанцу, Константинополь и Новороссийск.

С утра 22 марта (4 апреля) город был запружен беженцами, все стремились попасть на какой-нибудь пароход, безразлично — куда бы он ни шел, лишь бы только у него была исправна машина и имелся уголь, чтобы хоть выбраться из порта. Однако таких пароходов было мало, приходилось занимать и совершенно безнадежные суда. Французы в продолжение всего дня 22 марта (4 апреля) выводили такие суда на внешний рейд, где они усилиями пассажиров и при весьма слабой помощи союзников кое-как чинились, грузились углем и уходили каждый в своем направлении.

Вывести все суда из порта все-таки не удалось. В 12 часов дня 23 марта (5 апреля) власть в городе перешла в руки Советов рабочих депутатов; французское командование и городская дума официально признали его; с этого момента большевики стали полными хозяевами положения. Первым шагом новой власти было — недопустимость вывода судов из порта, и это ей отчасти удалось. Суда, не успевшие в этот день выбраться, были или затоплены или окончательно испорчены.

Итак, в конце концов, большевики могли торжествовать победу.

Франция отказала в помощи тем, кто борется против большевиков, и тем самым как бы признавала правоту их идей и образа действий. Кстати не безынтересно отметить, что полковник Фрейденберг в самый день эвакуации оказался у власти и, вероятно, с большим удовольствием наблюдал те результаты, достижения которых он лично все время добивался. В одной компании с ним очутились почему-то и не-

сколько министров петлюровской директории во главе с председателем Б. Остапенко.

Во всех последних событиях после отъезда генерала Санникова штаб Добровольческой армии в Одессе не принимал никакого активного участия. Все распоряжения по войскам отдавались «Шварц-штабом». Было ясно, что центр тяжести переместился в этот новый штаб. Генерал Мельгунов, бывший начальником штаба Добровольческой армии, получил назначение на должность помощника генерала Шварца, а вместо него был назначен ген. Лавдовский. Эта перемена еще больше отразилась на деятельности штаба. Обычная работа в нем, по инерции, продолжалась, но жизни уже не чувствовалось. Штаб постепенно умирал. У всех опускались руки. С нетерпением ждали указаний из Екатеринодара... и не дождались.

Были попытки разъяснить французам всю опасность той игры, которую они вели, принимались меры к тому, чтобы свести на-нет «Шварц-штаб» и вновь взять в свои руки руководство военными делами. Но это были усилия отдельных работников, и едва ли можно было ожидать большого результата.

Эвакуация застала штаб совершенно врасполох. Эвакуацией его никто не руководил. Вместо приказа, куда и в каком порядке отходить или на какой пароход садиться, чинам штаба было предложено записаться и ехать, по желанию, — в Констанцу, Константинополь или в Новороссийск.

Высшие чины штаба куда-то исчезли весьма быстро, никто ничем не распоряжался. Штаб постепенно распадался и, наконец, рассеялся на многих пароходах, идущих по трем различным направлениям.

Грустно закончилась эпопея помощи со стороны Франции Добровольческой армии и в ее лице всем здоровым элементам русского общества, до конца оставшимся верными союзникам и самоотверженно ведущим борьбу с большевиками.

Франция своим поведением в Одесском районе словно мстила за наш ранний выход из борьбы с Германией. Подбор ярых руссофобов на все высшие командные должности, стремление вести колониальную политику и, наконец измена, в самую трудную минуту — все это факты, которые не скоро забываются.

Глубоко и надолго разочаровались во Франции лучшие русские люди; едва ли теперь найдутся у нее друзья из среды тех, кому пришлось пережить всю одесскую эпопею.

Пожалуй, это и к лучшему. После одесских событий мы должны совершенно ясно убедиться, что в постигшей нас беде нам нужно рассчитывать преимущественно на свои собственные силы, ибо помощь со

стороны крайне ненадежна и изменяет в самую трудную минуту неожиданным образом...

Генерального штаба полковник Новиков.

Приложение № 1.

Командование союзными армиями на юге России. Главный штаб.
Главная квартира. 13 марта 1919 года.

Приказ.

Принимая на себя командование всею зоною, занятою союзными войсками, генерал призывает всех к поддержанию порядка и к добросовестному исполнению гражданской и военной службы.

Меры, необходимые для обеспечения города продовольствием, приняты.

Генерал д'Ансельм, командующий союзными силами на юге России.

С подлинным верно:

начальник штаба Фрейденберг.

Приложение № 2.

Принимая во внимание затруднения в сношениях с установленными властями, принимая во внимание необходимость немедленно объединить все силы для защиты области, генерал, командующий союзными силами, объявляет осадное положение в зоне, занятой союзниками, начиная с 1 часа 14 марта.

Предлагается всем гражданским и военным частям неукоснительно исполнять, на основании законов военного времени, приказы генерала, командующего союзными силами.

Генерал д'Ансельм, ком. союзн. силами.

С подлинным верно: начальник штаба Фрейденберг.

Приложение № 3.

Общий приказ № 41.

Согласно приказа об осадном положении:

1) генерал, командующий союзными войсками, назначает своим помощником по гражданской части г. Андрольда [транскрипция перевода] Андро де-Ланжерона, который вступит в исполнение своих служебных обязанностей с 14 марта с. г. в 12 часов дня.

2) Согласно предложения г. помощника по гражданской части, в случае необходимости, будут назначены различные технические представители для исполнения различных обязанностей.

3) Генерал Бориус продолжает находиться во главе местного гарнизона.

Генерал Гришин-Алмазов продолжает командовать Добровольческой армией.

Генерал д'Ансельм, командующий союзными силами на юге России.

С подлинным верно: начальник штаба, полковник Фрейденберг.

Приложение № 4.

Объявляя осадное положение, французское командование действовало исключительно в целях координации общих усилий для защиты области и обеспечения населения продовольствием. При этом отнюдь не имелось ввиду изменять наладившийся административный аппарат, установленный властью Добровольческой армии. Если назначение г. Андро своим помощником было сделано, не дождавшись одобрения генерала Деникина, то это объясняется исключительно создавшимися обстоятельствами, мешающими быстроте сношений с Екатеринодаром. Сейчас же, принимая во внимание военную обстановку, нужна раньше всего быстрота действий, с подчинением задач политического характера — целям военно-стратегическим.

В соответствии с французской практикой осадного положения при мне будет образован особый совет под названием «комитета обороны и продовольствия». В состав этого комитета войдут нынешние представители ведомств или же лица, специально на то уполномоченные русской властью — добровольческим командованием, а также специалисты по отдельным отраслям, по моему особому приглашению (напр., специалисты по той или иной отрасли продовольствия). Повторяю, что комитет обороны и продовольствия отнюдь не будет призван заменить нынешние власти, установленные генералом Деникиным, а будет являться исключительно вспомогательно-техническим аппаратом во время осадного положения, преследуя при этом основную цель — защиту Одессы и улучшение продовольствия ее населения. Первоначальная мысль о коллегии технических советников при моем помощнике по гражданской части ныне оставлена ввиду нежелания нагромождать новые формации административных властей и создавать иллюзию существования власти, функционирующей параллельно с той, которая установлена Добровольческой армией. Отмежевываться от Добровольческой армии отнюдь не входит в намерения французского командования. Напротив того, мы все время стремимся к тесному с нею сотрудничеству, для наилучшего обеспечения нашей общей цели — защиты порядка и безопасности граждан.

Приложение № 5.

Новая власть выльется в форму совета при командующем союзными войсками. В состав совета сегодня согласился войти генерал А. В. Шварц. Окончательно состав совета сформируется в самые ближайшие дни. Что касается нашей ближайшей задачи, то она очень проста и в то же время очень сложна: вывести Одессу с ее районом из того тяжелого положения, в котором она находится...

Я не могу говорить о контакте с Добровольческой армией, ибо это понятие предполагает взаимоотношение двух обособленных единиц. Я в настоящее время ближайшим образом озабочен установлением единства в работе новой власти и тех ответственных представителей Добровольческой армии, которые находятся сейчас в Одессе.

Приложение № 6.

Приказ.

По приказанию генерала Франше д'Эспере и в силу осадного положения:

1) Генерал Шварц назначен генерал-губернатором гор. Одессы и командующим русскими войсками в союзной зоне.

2) Генерал Тимановский принимает командование русской добровольческой армией в Одесском районе.

3) Милиция в прямом подчинении ген.-губернатору Одессы.

4) Вступление в должность должно быть произведено сегодня, 21 марта нов. стиля, до 20 часов (8 час. вечера).

Генерал д'Ансельм, командующий союзными силами на юге России.

Начальник штаба Фрейденберг.

Приложение № 7.

Служебное извещение

Генерала д'Ансельма, командующего союзными силами на юге России.

1) При командующем союзными силами на юге России образован особый совещательный орган, в состав которого входят: ген.-лейт. Шварц, городской голова Брайкевич, представитель земства Бутенко.

2) Совет сгруппируется под председательством командующего союзными силами на юге России.

Генерал д'Ансельм, командующий союзными силами на юге России.

Начальник штаба Фрейденберг.

Приказ военного командования.

На основании осадного положения образован комитет обороны и продовольствия в следующем составе: председатель — генерал, командующий союзными войсками, его заместитель.

Члены совета: 1) адмирал, командующий союзными силами, 2) военный помощник, ген.-лейт. Шварц, 3) гражданский помощник Андро де-Ланжерон, 4) финансовый советник Молотков, 5) советник по делам продовольствия и труда Рутенберг, 6) советник по делам морского транспорта адм. Хоменко, 7) городской голова — по вопросам, касающимся города, 8) губернатор — по делам, касающимся зоны.

Совет обороны может приглашать, с правом совещательного голоса, технических помощников, с которыми он находит нужным совещаться.

Совет созывается председателем.

Приложение № 8.

Объявление командующего всеми русскими войсками в союзной зоне и генерал-губернатора г. Одессы.

Ввиду распространившихся разноречивых слухов о предстоящем формировании частей войск южно-русской армии в зоне, занятой союзными войсками, настоящим объявляется для всеобщего сведения:

1) Движение большевиков на юг России требует немедленной организации вооруженных сил для противодействия, совместно с доблестными союзными войсками, дальнейшему их вторжению и очищению края от большевистских банд, разоряющих население.

2) Целью формирующейся для сего армии является:

а) борьба с большевиками и сопутствующими им явлениями анархии, произвола и насилий;

б) установление порядка и законности в стране;

в) воссоздание великой России, государственное устройство которой будет установлено верховной волей бога и народа.

3) Формирующаяся армия будет работать в полном согласии с преследующими те же цели русскими армиями генералов Деникина, Юденича, адмирала Колчака и др.

4) Южно-русская армия никаких особых национальных частей не формирует.

Примечание. Ввиду предполагаемого осуществления территориальной системы при формировании частей, принцип землячества по возможности соблюден.

5) Укомплектование формирующихся частей будет производиться:

а) призывом запасных младших сроков службы,

б) набором новобранцев очередных годов призыва,

в) охотниками.

6) Офицерский состав будет привлечен на службу только на командные должности, соответственно чинам и боевому опыту.

Образуется необходимый резерв чинов.

7) Призванный из запаса и взятый по набору солдат получает жалование в 100 рублей в месяц. Жалование сверхсрочных унтер-офицеров, коих положено иметь в числе 50% штатного состава унтер-офицеров данной части и охотников устанавливается: первым — от 600 рублей в месяц и вторым — от 300 руб. в месяц.

Содержание офицеров, врачей и чиновников приравнивается к содержанию чинов Добрармии, с выдачей особых суточных денег на дороговизну, в зависимости от вздорожания жизни в Одесском районе.

За фактическое пребывание на фронте все чины получают особую надбавку в размере 25% со всего получаемого на службе содержания.

8) Семьи сверхсрочных работников, призванных из запаса и взятых по набору солдат, обеспечиваются содержанием в размере стоимости пайка, исчисленного по особой расценке в зависимости от цен каждой местности и количества душ семьи.

9) При потере полной трудоспособности или смерти военнослужащего выдается семье или родителям единовременное пособие:

а) призывавшегося из запаса или взятого по набору солдата, а также сверхсрочного и охотника в размере 10 000 рублей.

б) офицера, врача и чиновника — в размере годового оклада содержания.

10) При потере частичной трудоспособности выдается пособие в половинном размере против указанного в ст. 9.

11) За все приносимые с собой вещи, как то: белье, предметы обмундирования, снаряжения и вооружения уплачивается вознаграждение по особой расценке.

12) Лица, прибывающие на службу с собственной лошадью, автомобилем, мотоциклом или велосипедом, зачисляются в соответствующие части войск (конницу, технические части) с выдачей вознаграждения по особо установленной повышенной расценке за приводимую лошадь или приводимую машину.

13) Офицеры, сверхсрочные унтер-офицеры и охотники, поступающие на службу в формирующиеся части и учреждения, получают одновременное пособие в размере двухмесячного полного оклада содержания.

Примечание. Поступившие из запаса и принятые по набору солдаты правом на двухмесячное пособие не пользуются.

14) Взаимоотношения частей южно-русской армии и находящихся в зоне уже сформированных частей Добрармии будут установлены особым распоряжением, при полном соблюдении интересов всех чинов, состоящих в рядах Добрармии (будут приняты во внимание боевой опыт, бывшее служебное положение и чины).

15) Перевод и перемещение чинов из частей Добрармии во вновь формирующиеся части южно-русской армии будут производиться, при соблюдении установленных правил, каждый раз с моего особого разрешения.

16) Форма одежды во всех случаях походная: всем иметь погоны защитного цвета с установленными отличиями по чинам и роду оружия, кокарда, общая для всех офицеров, чиновников и солдат — офицерская скандированная.

17) Офицеры, врачи и чиновники за справками и для предварительной записи должны обращаться в бюро по Ришельевской улице, дом № 12, кв. 24.

18) Охотники и сверхсрочные унтер-офицеры для поступления на службу должны обращаться к командирам формирующихся частей.

Командующий русскими войсками в союзной зоне и генерал-губернатор города Одессы, генерал-лейтенант Алексей Шварц.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Речь идет о состоявшемся в ноябре 1918 г. в Яссах совещании союзных послов в Румынии с представителями русских контрреволюционных организаций (Совет государственного объединения России, Национальный центр и Союз возрождения) по вопросу о формах помощи союзников в борьбе с большевиками. Было решено просить союзников, для предотвращения восстановления советской власти на Украине и в Крыму, немедленно вслед за эвакуацией австро-немецких войск начать вооруженную интервенцию и в первую очередь прислать союзный флот в главнейшие черноморские города. Это постановление претендовало на оправдание интервенции «просьбою представителей русского народа о помощи». Совещание послало в Зап. Европу для обработки общественного мнения делегацию, которая однако не играла там сколько-нибудь заметной роли. (Подробнее см. «К истории Ясского совещания», «Красный архив», т. XVIII.)

[2]) Тирасполь был захвачен повстанческим отрядом 30 января по заданию штаба военно-революционного комитета при областном комитете КП(б)У. Цель захвата — отрезать сообщение союзников с Румынией (Тирасполь расположен на единственном железнодорожном пути из Одессы в Румынию). В городе был учрежден военно-революционный комитет, был организован Совет народных комиссаров, из тюрьмы освободили политических заключенных, на буржуазию наложили 3-миллионную контрибуцию, арестовали ряд чиновников и офицеров, был даже назначен созыв уездного съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов. Но 8 февраля город вновь был занят франко-польским и (как явствует из докладной записки), добровольческим отрядами, которые в тот же день произвели массовый расстрел коммунистов.

[3]) В Беляевке, где стоял французский гарнизон, охранявший водопровод, выступление произошло при следующих обстоятельствах:

В село приехали добровольческие офицеры для реквизиции фуража. Крестьяне напали на офицеров и всех их перебили. Растерявшийся французский отряд не принял сразу решительных мер и был легко вытеснен крестьянами сначала из села, а потом и из водопроводной станции. Вслед за этим немедленно был организован объединенный военно-революционный комитет, в который вошли представители рабочих городского водопровода и крестьян. В селе Беляевке был выбран комитет бедноты. Сконструировался также и военно-революционный трибунал. Это все были типичные большевистские организации, но они не успели развернуть свою деятельность, так как скоро из Одессы против них были двинуты крупные силы с артиллерией. Повстанцы, предвидя неминуемое поражение, не приняли боя и рассеялись по окрестным деревням еще до входа карательных отрядов в село. Тем не менее село подверглось артиллерийскому обстрелу. «Победители» организовали военно-полевой суд, который распространил свою деятельность на весь район.

[4]) «Протофис» — сокращенное название «Украинского союза промышленности, торговли и финансов».

[5]) Эти переговоры не привели к практическим результатам, и договор между французским командованием и Украинской директорией, вероятно, окончательно не был оформлен. Но он по всем видимостям, был вполне подготовлен (подробнее см. нашу работу «Французская интервенция на юге России», гл. V).

[6]) Подпольные издания одесских коммунистов представляют сейчас огромную библиографическую редкость. Точное количество выпущенных изданий неизвестно. Повидимому, всего было издано 7—8 номеров газеты на французском языке («Le Communist») и около двух десятков «Коммуниста» на русском языке. Кроме того, выпускались отдельные прокламации.

[7]) Первый № «Известий» вышел 4 апреля.

[8]) Сообщение о падении кабинета Клемансо оказалось ложным.

Запрещенная цензурой статья М. Горького.

В одном из дел Петроградского комитета по делам печати, хранящемся в Ленинградском отделении Центрального Исторического Архива [1]), недавно обнаружены гранки статьи М. Горького «Несвоевременное», предназначавшейся для № 331 петроградской газеты «День».

Статья поступила в цензуру из типографии вечером 4 декабря 1914 г. и была получена обратно в 1 час ночи 5 декабря. Возвращенные цензурой гранки «Несвоевременного» были перечеркнуты крест-накрест красными чернилами, и на них значилась подпись цензора А. Износкова. Судя по пометкам синим карандашом и красными чернилами, цензор сначала вычеркнул несколько отдельных фраз («Даже в безумные дни мировой бойни», «в мерзостной обстановке взаимного истребления десятков тысяч людей», «какая-то власть» и др.), затем стал вымарывать отдельные абзацы и, наконец, закрестил всю статью, воспретив таким образом ее опубликование.

Редакция пыталась обжаловать действия цензуры перед начальником Главного управления по делам печати гр. Татищевым. Однако хлопоты ее не дали никакого результата [2]). Это совершенно понятно: в атмосфере шовинистического угара, охватившего господствующие классы воюющих государств, тогда не мог свободно звучать голос протеста против империалистической бойни и «патриотических» выступлений в ее защиту некоторых литературных «вождей», перекрасившихся в новые идеологические цвета под лозунгом: «Война до победного конца».

«Несвоевременное» воспроизводится здесь с согласия автора и в том именно виде, в каком текст сохранился на трех дошедших до нас гранках.

Ред.

Несвоевременное.

Человек — умирает, мысль его остается жить. Эта живучесть мысли должна бы обязывать человека к известной сдержанности, когда он воплощает темные свои эмоции в слова, в мысли.

---

[1]) ЛОЦИА, фонд Петроградского комитета по делам печати 1915 г., дело № 19, «По представлению г. начальнику Главного управления по делам печати и г. председателю Военно-цензурной комиссии гранок статей и рукописей».

[2]) Там же, фонд Главного управления по делам печати, дело I отд. канцелярии, 1915 г., № 338, часть III, л. 140.

Писатель — человек, так сказать, публично мыслящий. Никто не станет отрицать, что у нас, на Руси, мысль писателя имеет особенную воспитательную ценность, пользуется исключительным вниманием. Русская литература — основа русской культуры, в русской литературе отражено все наше дурное и хорошее, — наше особенное.

Именно литература подсказала нам, что наш народ — хороший народ, что Русь — самое кроткое, сердечное и совестливое племя. Мы верим этому, хотя действительность часто и упрямо стремится поколебать нашу веру в исключительно добрые свойства народа нашего. Мы верим, что русские — самые лучшие люди, — таково влияние литературы, убеждавшей нас в этом на протяжении целого века.

Даже в безумные дни мировой бойни наша пресса изо дня в день отмечает великодушие русского солдата, рассказывая, как трогательно и любовно он относится ко врагу. В мирное время, в будничной обстановке, великодушие и сердечность народа наблюдается редко, а вот на войне люди становятся жалостливы и человечны, хотя на войне задача каждого солдата становится до ужаса простой: чем больше он искалечит и убьет людей, тем меньше останется людей, способных убить его.

Но, допустим, что это верно — наш народ исключительно великодушен в домашнем быту и еще более на полях битв, в мерзостной обстановке взаимного истребления десятков тысяч людей. Русский солдат великодушен ко врагу, он, может быть, глубоко понимает, что солдат-немец — такой же несчастный, подневольный человек, как и он, русский.

Теперь посмотрим, как относится к немцу русский писатель, культурный человек.

Федор Сологуб пишет: «Германские шпионы долетали до Перми и уехали не повешены».

Мне помнится, что я видел имя Федора Сологуба под протестом против смертной казни. Затем — я думаю, что если какая-то власть нашла возможным не вешать немецких аэронавтов, а мирно отпустить их, русскому писателю не надлежит беспокоиться тем, что немцев не повесили. И хвастаться тут нечем: будет посвободнее, мы и своих вешать начнем.

Тот же Федор Сологуб пишет: «Нас движут, конечно, побуждения совсем иного порядка, чем те, которыми брошена в бой Германия. Земель чужих нам не надобно, своих достаточно. Германию же движет корысть, тупая и жестокая».

Какие побуждения «движут» нас в этой войне и нужны ли нам чужие земли, Сологуб этого не знает. Это будет известно ему во дни переговоров о мире. Хотя по вопросу о земле некоторые народности

могли бы и теперь уже оспорить утверждение писателя. Но не в этом дело. А что, если история, всегда более справедливая, чем вообще может быть справедлив человек — Сологуб, докажет ему, что Германия была вызвана на войну инстинктом самосохранения и что война была для нее так же неизбежна, как для Франции, для Англии? Что внеразумная сила капитализма создала против воли и разума людей такие условия, которые могли быть разрешены только войной, общеевропейской катастрофой?

Как хорошо было бы, если бы Сологубы подождали выражать свои мысли в формах, столь свирепых и решительных! Мысль писателя — публичная мысль, она отдается всем и, если она больная, то заражает всякого, кто соприкасается с нею.

Другой Сологуб — Арцыбашев утверждает, что «дух вражды и зверства, воплотившийся в личности кайзера, присущ огромному большинству немцев», и, следовательно, снимая с Вильгельма исключительное обвинение, переносит его на всю тевтонскую народность.

Такие утверждения, несомненно, послужат развитию национальной и расовой ненависти.

Славная своей гуманностью, своим великодушием русская литература никогда не говорила таким языком.

Куприн пишет в сборнике «Война»: «В русском народе развито чувство огромной терпимости к другим нациям и беспристрастной оценки их достоинств», но в той же своей статейке он говорит: «Против нас идут полчища диких, некультурных гуннов, которые будут все жечь и уничтожать на своем пути и которых надо уничтожить до конца».

Желание уничтожить людей «до конца» едва ли может быть наименовано желанием беспристрастным. Беспристрастие обязывает грамотного человека знать, что на войне все солдаты — немцы, французы и другие — с одинаковым усердием жгут и уничтожают все, что можно уничтожить и сжечь. Война — безумие, это кара людям за их жадность. Жадничает, как известно, не народ, войну затевают не нации. Немецкие мужики точно так же, как и русские, колониальной политикой не занимаются и не думают о том, как выгоднее разделить Африку.

Леонид Андреев, не отставая от своих товарищей в деле выражения свирепых эмоций, тоже усердно обливает немецкий народ уксусом и желчью.

«Мы протестуем и выражаем наше презрение немецкому народу»,— пишет он, очевидно, веря всему, что говорит о немецком народе уличная пресса, так успешно торгующая ненавистью.

В другой своей статье он взывает к людям:

«Множьте любовь. Множьте любовь».

Странный способ множить любовь в мире, выражая презрение целой нации и тем как бы вычеркивая ее из мира.

Не особенно давно Л. Андреева интересовали идеи высшей справедливости, и он посильно служил этим идеям своим талантом, своей фантазией. Справедливость требует, чтобы раньше, чем судить виноватого, были расследованы мотивы его вины. Этого требует не высшая, а примитивная справедливость, знакомая даже русскому мужику. Тем более она должна быть знакома писателю. Но Л. Андреев, потеряв себя в путанице событий, повторяет с улицей те слова, которые умножают ненависть.

Кстати: в одной из своих статеек он писал: «Еще недавно кричал на нас К. Либкнехт: «Варвары, вас надо выкинуть за Урал».

Могу его уверить, что он введен в заблуждение каким-то клеветником. Карл Либкнехт не говорил и не мог сказать приписанных ему слов. Он искренно любит Русь и русских, он человек очень стойкий в своих мнениях. Эта стойкость доказана им, точно так же, как он доказал свое прекрасное отношение к русским тою умной и деятельной помощью нашим соотечественникам, которую он организовал в Берлине, в первый месяц войны.

Об этой его работе писалось в русских газетах. Эта гуманная работа не оставлена им и по сию пору.

Я, конечно, не стану отрицать, что многие из немцев желали бы отодвинуть Русь за Волгу и Урал, я не однажды слышал это из уст очень интеллигентных немецких людей — писателей, журналистов. Но ведь и многие из русских интеллигентов тоже выражали и выражают желание «отодвинуть», «уничтожить до конца» соседние племена и нации. Не надо забывать, что Московское княжество выросло в русскую империю не иначе, как путем «отодвигания» соседей.

Четверо наиболее крупных писателей, люди влиятельные на Руси, высказались о своем враге-немце беспощадно и жестоко. Все они единодушно говорят, что немец — урод, зверь, чудовище. Они осуждают не солдат, не один какой-либо класс, а целую нацию.

Менее значительные писатели идут за ними, изо дня в день повторяя слова ненависти и злобы. Многие из них делают это, наверное, только потому, что этого требует улица, лично же они глубоко равнодушны к немцам, к русским и ко всему миру. Пресса разносит эти потоки темных чувств, пыль холодной злобы по всей стране.

Мне кажется, что во дни крушения культуры задача писателя не эта. Защитник справедливости, правды, свободы, проповедник уважения к человеку, русский писатель должен бы взять на себя роль

силы, сдерживающей бунт унизительных и позорных чувств. Горько и стыдно читать слова поручика Куприна:

«Мне до сих пор неловко за то, что я — писатель и наиболее штатский среди старших товарищей, но я всеми силами постараюсь их наверстать».

И невольно думается: а ведь русские серенькие солдаты, наши мужики относятся к своему врагу человечнее, честнее, благороднее, чем культурные люди, русские писатели.

Господа! Сделайте отсюда надлежащие выводы...

М. Горький.

Записки А. Ф. Редигера о 1905 г.

Автор публикуемых ниже записок — ген. А. Ф. Редигер, военный министр в 1905—1909 гг., т. е. в период первой революции и наступившей после нее эпохи столыпинщины с ее военно-полевой юстицией, административными ссылками, беспощадным разгромом пролетарских организаций и т. д. А. Ф. Редигер возглавлял в этот период огромный — правда, потрепанный войной с Японией — военный аппарат романовской монархии, сыгравший в удушении первой революции огромную роль, и это придает особый интерес его мемуарным записям (составленным уже после второй пролетарской революции, т. е. после Октября 1917 г.).

Эти записи, являясь как бы дополнением к ранее опубликованным в «Красном архиве» дневникам ген. Рауха, Куропаткина и др., вскрывают тактику и стратегию военных сил самодержавия в борьбе с революцией. Неоднократные подчеркивания автором публикуемых записок принципа, что «военные должны чуждаться всякой политики», что в заседаниях виттевского Совета министров он и его коллега морской министр Бирилев «в политические вопросы» не вмешивались, целиком опровергаются его же собственным повествованием о методически им проработанных и твердо проведенных в жизнь мерах удушения политической активности рабочих и армейско-матросских масс. Проведя через Совет министров положение о запрещении военным принимать участие в политических союзах, партиях и т. п., он на просьбу некоторых военных (в частности, махрового писателя-черносотенца ген. Киреева и будущего вождя контрреволюции полк. Врангеля) разрешить им участие в монархических союзах ответил обещанием «не знать об их участии в этих союзах». Зато, разумеется, участию военнослужащих в оппозиционных партиях и союзах Редигер противодействовал открыто, со всей беспощадностью классового чувства.

Хронологически печатаемая ниже часть записок Редигера восходит к критическому для самодержавия Николая II моменту, когда еще «было колебание между военною диктатурою и дарованием конституции». Но кандидат в диктаторы вел. кн. Николай Николаевич спасовал, и царю ничего не оставалось, как перекрестившись подписать манифест о «свободах». Для характеристики первых недель нового режима записи Редигера дают несколько ценных штрихов: любопытны сообщения о страхах «конституционного» Совета министров Витте перед покушениями, заставлявших его постоянно менять место своих собраний, пестрота и разномыслие членов нового — «объединенного» — правительства,

где рядом с либеральным гр. Толстым заседал реакционнейший Дурново, и т. д. Для автора записок центральным вопросом в эти дни было собирание и укрепление военных сил, способных справиться с революционным движением в городах и с все выше поднимавшейся волной крестьянских беспорядков в деревнях. Положение было трудное. Главная масса кадровых войск находилась еще на Д. Востоке, оттуда возвращались только рвавшиеся домой запасные, представлявшие собой настолько мятежный элемент, что Линевич вынужден был при каждом эшелоне посылать по целой роте для поддержания порядка в пути. Флот, особенно Черноморский, был ненадежен, так что Николай II «вполне спокойно» сказал, что «Севастопольская крепость должна быть готова пустить его, буде нужно, ко дну». Поэтому пришлось прибегнуть к испытанному средству — мобилизации для несения, по существу, полицейской службы значительного количества льготных казачьих частей (Оренбургского, Астраханского и др. казачьих войск), которые, по лицемерному уверению автора, действовали «гуманным образом, без кровопролития». Одновременно были предприняты меры по улучшению бытового обслуживания солдат, о положении которых можно судить по тому, что, как пишет сам Редигер, «без помощи из дому солдат не только бедствовал, но почти не мог существовать». Несмотря на сопротивление финансового ведомства, Редигер провел через Госуд. совет законопроект, довольно серьезным образом улучшивший материальное положение солдат. Другой мерой его был роспуск запасных по домам и сосредоточение войск в городах, что немедленно заставило Дурново добиться усиления ассигнований на полицию, которая должна была заменить войска в деревнях и помещичьих усадьбах.

Меры гораздо более радикального характера намечались Редигером по отношению к флоту: по мнению его, личный состав флота надо было раскассировать, оставив лишь совершенно благонадежный минимум, часть судов поставить в портах «на хранение» и начать заново формирование личного состава флота. Против этого проекта восстало морское ведомство, почувствовавшее себя ущемленным вмешательством в его дела военно-сухопутного начальства, и затея Редигера, Палицына и др. не получила реализации. Тем не менее страницы, посвященные Редигером изложению его взглядов на методы борьбы с «опасностью флота для страны», очень ценны для истории мобилизации самодержавием контрреволюционных средств и сил в 1905 г.

Немало места в записках уделено характеристике личности и деятельности знаменитого Меллера-Закомельского, которого Редигер откровенно называет «палачом», а также Линевича, Соллогуба и др.

Текст записок воспроизводится по подлиннику, хранящемуся в Особом отделе Моск. Центр. Исторического Архива.

1905 г.

Волнения в стране все распространялись и усиливались, и государь решился итти на уступки. К нему был призван гр. Витте, который потом рассказывал, что он указал государю, что возможны лишь два выхода: военная диктатура и установление порядка вооруженною силою или дарование конституции; в успешность первой меры он

сам не верил и рекомендовал вторую. В диктаторы намечался в. кн. Николай Николаевич, который однако вовсе не желал принять на себя эту роль.

В субботу, 15 октября, я к своему очередному докладу в Петергофе должен был ехать на пароходе «Онега», так как железные дороги бастовали. Когда я прибыл в Петергоф, у государя уже происходило совещание, в котором участвовали Витте, в. кн. Николай Николаевич, барон Фредерикс [1]) и Рихтер [2]); оно, повидимому, было бурным, так как в приемной комнате из-за двери кабинета подчас были слышны громкие голоса. Было почти 1 час, когда оно закончилось, и меня тотчас позвали в кабинет. Государь стоял у письменного стола и, поздоровавшись, предложил мне пройти на обычное место к окну; сам он остался у письменного стола, где, кажется, укладывал папиросы. Он был взволнован: лицо раскраснелось, и голос был неровен. Я сократил свой доклад (который сделал стоя у своего места) до минимума, и он длился, вероятно, не более пяти минут. С доклада я вернулся без завтрака на «Онегу», где мне импровизировали еду, за которую я был крайне благодарен.

В понедельник, 17 октября, ген. Мосолов [3]) по телефону сообщил мне из Петергофа, что подписан манифест, гр. Витте назначен первым министром и что надо немедленно отчислить от должности министра народного просвещения ген. Глазова [4]); указ об этом я должен привезти завтра.

На следующий день я, при личном докладе, спросил, куда отчислить Глазова. У меня были с собой указы о назначении его в Государственный совет и в Сенат, — но государь не одобрил ни того, ни другого и приказал его устроить по военному ведомству; свободных должностей не было, и пришлось его зачислить по министерству. Указ об этом написали мне в Петергофе; оттуда же я по телефону попросил Глазова заехать ко мне на квартиру к 4 часам. Это путешествие в Петергоф и обратно тоже пришлось совершить на «Онеге». Когда я вернулся домой, ко мне приехал Глазов. О своем увольнении он узнал только от меня, так что только вследствие разговора со мною не поехал в заседание Совета министров, назначенное в тот же день в 5 часов. Почему именно потребовалось столь быстрое увольнение Глазова, я не знаю [5]). У меня было столько своего дела, что я решительно

---

[1]) Фредерикс, В. Б., барон, позже граф, министр имп. двора и уделов.

[2]) Рихтер, О. Б., ген-адъют., команд. имп. главной квартирой.

[3]) Мосолов, А. А., начальник канцелярии мин. имп. двора.

[4]) Глазов, В. Г., ген-лейт., министр нар. просвещения (1904—1905).

[5]) Его должность была предложена Николаю Степановичу Таганцеву, но он отказался, ссылаясь на болезнь. Его заменил гр. Ив. Ив. Толстой.—Примечание в подлиннике.

не мог следить за тем, что делалось в других министерствах, и даже газеты читал лишь изредка. Глазов был прекрасный человек, скорее апатичный, и едва ли годился в министры. Через неделю он был назначен командиром 17 армейского корпуса в Москве.

Кроме Глазова из бывших министров вскоре ушли: министр внутренних дел Булыгин [1]), которого заменил Дурново (Петр Никол.[2]), министр земледелия Шванебах [3]), замененный Кутлером [4]), министр финансов Коковцов [5]), замененный Шиповым [6]), и обер-прокурор синода Победоносцев [7]), замененный кн. Алексеем Оболенским [8]).

О том, как был подписан манифест я слышал два рассказа: 18 октября — от бар. Фредерикса и 19 октября — от Палицына [9]). Первый мне сообщил, что еще 16 октября было колебание между военною диктатурою и дарованием конституции; к завтраку 17 октября был приглашен в. кн. Николай Николаевич, который предварительно зашел к Фредериксу и сказал ему: «Надо спасти государя! Если он сегодня не подпишет манифеста, то я застрелюсь у него в кабинете! Если я *сам* этого не сделаю, то ты обещай застрелить меня!»

При таком настроении великого князя мысль о назначении его диктатором отпадала, и по приезде гр. Витте манифест был подписан.

Палицын, по словам великого князя, рассказал, что когда вел. князь приехал к государю, то решение его уже было принято. В присутствии вел. князя, гр. Витте, Фредерикса и Бенкендорфа [10]), государь, перекрестившись, подписал манифест.

Все изложенное в манифесте 17 октября гр. Витте предлагал изложить в рескрипте на его имя в виде указания тех «свобод», которые решено было даровать, по выработке надлежащих законов, нормирующих новые права граждан, — но государь признал нужным облечь этот акт в форму манифеста, более торжественную и подчеркивающую, что он исходит лично от него. Результаты от такой перемены формы

---

[1]) Булыгин, А. Г., министр внутр. дел с 20 янв. по 22 окт. 1905 г.

[2]) Дурново, П. Н., министр внутр. дел с 23 окт. 1905 г. по 22 апр. 1906 г.

[3]) Шванебах, П. Х., главноуправляющий землеустройством и земледелием; в 1906—1907 гг. госуд. контролер.

[4]) Кутлер, Н. Н., главноуправляющий землеустройством и земледелием с октября 1905 г. до марта 1906 г.

[5]) Коковцов, В. Н., министр финансов с февраля 1904 г. по 24 окт. 1905 г., вновь министр финансов с 26 апр. 1906 г. по 30 янв. 1914г.

[6]) Шипов, И. П., министр финансов с 25 окт. 1905 г. до 25 апреля 1906 г.

[7]) Победоносцев, К. П., обер-прокурор синода с 1872 г. до осени 1905 г.

[8]) Оболенский, А. Д., обер-прокурор синода в кабинете С. Ю. Витте; сотрудник последнего при разработке октябрьских актов 1905 г.

[9]) Палицын, Ф. Ф., ген-лейт., начальник ген. штаба.

[10]) Бенкендорф, П. К., гр., обер-гофмаршал.

получились отрицательные: столь торжественное объявление о новых «свободах» было понято, как окончательное дарование их, притом без каких-либо норм или ограничений! Старые законы стали считать отмененными, а новых еще не начали разрабатывать, вследствие чего получилось полное беззаконие и невероятный сумбур во всей стране! В столице беспорядки продолжались, и 18 октября семеновцы на Загородном должны были прибегнуть к оружию.

Гр. Витте вступил в должность первого в России премьера при крайне трудных условиях. Достаточно указать на то, что даже в столице беспорядки были так сильны, что Совет министров не решался собираться открыто, опасаясь покушений на него. Первое заседание его, по издании манифеста и объединении правительства, было созвано 18 октября (5—8 час. вечера) на квартире генерал-губернатора Д. Ф. Трепова (Морская, 61) с тем, чтобы впредь каждый раз особо определять место собрания! Совет собирался 19-го и 20-го у Трепова и 21-го в Мариинском дворце. Затем Витте переехал в запасный дом Зимнего дворца (Дворцовая набережная, 30), и с 24 октября заседания Совета стали происходить у него.

Город, даже в центральных его частях, представлял тогда довольно жуткую картину; движение на улицах замерло; вечером все погружалось во мрак; по улицам ходили патрули и разъезды.

Заседания Совета отнимали у меня много времени и при обсуждении вопросов, которыми он тогда занимался [1]), мое присутствие было совершенно бесполезным, но тем не менее я вначале считал долгом в них бывать как для удостоверения, что я чувствую себя членом объединенного правительства (а не прежним автономным министром), так и потому, что, при известной опасности поездок в Совет, от них неловко было уклоняться.

Самый состав кабинета гр. Витте был крайне пестрый; наряду с членами либерального и даже левого направления, как Кутлер, гр. Толстой [2]), кн. Оболенский (Алексей), в нем заседал совсем консервативный Дурново; консерваторами были также Бирилев [3]) и я, но мы в политические вопросы не вмешивались. В самом трудном положении был Дурново. Его министерство имело тогда наибольшее значение, и все обсуждавшиеся в Совете вопросы относились именно к нему, — и все заседания были заполнены резкими спорами Дурново с председателем и сочленами по Совету. Объединение правительства было чисто внешним, а о единстве взглядов не могло быть и речи! Так, напр., Кутлер

---

[1]) Издание указа об амнистии, о цензуре, о реорганизации правительственной печати и т. п. — Примечание в подлиннике.

[2]) Толстой, И. И., гр., министр нар. просв.

[3]) Бирилев, А. А., вице-адм., морской министр.

выработал законопроект об ограничении помещичьего замлевладения для предоставления крестьянам помещичьих земель; помещичьи земли предполагалось обложить налогом, прогрессивно возрастающим с увеличением площади поместья. Мой сосед, Шипов, возражал против проекта и сказал мне, что он владеет сам небольшим имением (200 или 300 дес.), но оно родовое, и если у него вздумали бы отбирать часть земли, то он из консерваторов готов обратиться в революционера! В общем, я о заседаниях этого кабинета сохранил воспоминания, как о кошмаре: бесконечные, до поздней ночи, препирательства и повышенный тон дебатов делали эти заседания сущим для меня наказанием, тем более, что я лишь заседал, а в прениях по чуждым мне вопросам не участвовал.

Беспорядки в стране, особенно аграрные, потребовали наряда массы войск для их подавления. Между тем из Манчжурии войсковые части не возвращались, а прибывали только эшелоны запасных, которые безобразничали в пути и этим еще более нарушали слабое движение по Сибирской железной дороге[1]). Недостаток войск заставил постепенно вызвать на службу значительную часть льготных казачьих частей; особенно исправно выходили все льготные части Оренбургского, Астраханского и Уральского войск; в Донском войске произошли беспорядки при вызове льготных частей, то же и в некоторых частях Кубанского войска, в двух пластунских батальонах и в льготном Урюпском полку. Разброска войск мелкими командами расстраивала их вконец, не говоря уже о том, что всякое обучение их становилось невозможным. Всю эту тяготу войска несли вследствие недостаточности на местах полиции, и я поэтому настоятельно просил Витте, Дурново и Трепова об усилении полиции, но напрасно; мне отвечали, что на это нужно столько времени и средств, что об этом и думать теперь не стоит! Ко мне поступало множество очень обоснованных ходатайств о присылке хотя бы небольших частей, чтобы обезопасить фабрики и заводы; я лишь мог передавать их командующим войсками, зная заранее, что они едва ли в силах будут помочь!

Брожение в войсках тоже усиливалось, и ежедневно получались десятки донесений о беспорядках в разных частях! Очевидно, приближалось время, когда и на войска нельзя будет полагаться и начнется окончательная разруха!

Причин для этих беспорядков было много; приведу главнейшие:

1) Общее брожение в стране, которое не могло не влиять и на армию.

---

[1]) Только в январе 1906 г. Палицын сообщил мне, что Линевич обещал при каждом эшелоне запасных посылать по одной роте для поддержания порядка в пути. Примечание в подлиннике.

2) Нищенская обстановка солдата, который бывал сыт лишь при особой распорядительности и честности его начальников. Жалованье его было ничтожно до смешного: рядовой в армии получал 2 р. 10 к. в год! Белье и сапожный товар отпускались такого дрянного качества, что нижние чины продавали их за бесценок и покупали взамен собственные вещи; отпуск на шитье сапог был ничтожен, и на это приходилось им доплачивать рубля два из своего же кармана. Короче, без помощи из дому солдат не только бедствовал, но почти не мог существовать! Подмогою ему являлись вольные работы, но даже из заработанных им грошей он сам получал лишь треть; другая треть вычиталась в артельную сумму на его продовольствие (!), а еще треть шла в пользу не бывших на работах. Что нижние чины бедствуют, знали все и даже жалели их, — но при громадном составе армии прибавка лишь одной копейки в день на человека вызывала расходы в 4 млн. руб. в год., а потому сожаление оставалось совершенно платоническим, и все привыкли смотреть на нищенское положение солдата, как на нечто нормальное или, по крайней мере, неизбежное; к серой безропотной массе относились свысока и считали, что если издавна она находилась в таком положении да беды от этого не было, то нечего разорять финансы на улучшение ее быта. Одеяла и постельное белье были заведены лишь в немногих частях особо заботливыми и распорядительными начальниками. Чайное довольствие в мирное время давалось лишь в местностях, особенно неблагоприятных в климатическом отношении. Наряду с этим, матросы в бунтовавшем флоте были обставлены отлично, на что агитаторы указывали нижним чинам, объясняя это малою заботливостью о них начальства. Вместе с тем они указывали, что за счет полковых сумм заводятся экипажи и рысаки, тогда как полковая экономия должна была бы итти на нужды нижних чинов.

3) Присутствие в рядах войск массы запасных, — элемента, плохо дисциплинированного, — недовольных тем, что их, по заключении мира, удерживают на службе, особенно вследствие того, что при общих беспорядках и забастовках они не знали, что делается у них дома, в семье.

4) Тяжелую службу по подавлению беспорядков в стране, причем войска не только утомлялись, но и дробились на столь мелкие части, что выходили из рук своих начальников и сами поддавались агитации.

5) Полная дезорганизация войсковых частей в Европейской России, из которых была вырвана масса лучших офицеров и нижних чинов для отсылки в армию на формирование там громадных управлений и импровизацию новых частей, затеянную по безумной фантазии Куропаткина. В порядке остались только гвардия и кавалерия; сохранение

гвардии в порядке — всецело заслуга в. кн. Владимира Александровича, который допускал перевод офицеров из гвардии на Восток лишь при условии, чтобы они уже в гвардию не возвращались; гвардия в 1905—1906 годах спасла положение; без нее переворот 1917 года мог произойти уже тогда. Кавалерия не была расстроена высылкою кадров в армию и была богата офицерами, которые притом по роду службы стояли ближе к нижним чинам.

6) Дурной пример флота и особая тягость службы в приморских крепостях для обеспечения их от моряков [1]) и для окарауливания арестованных матросов, которые кстати имели полную возможность издеваться над солдатами, которые как пищу, так и одежду получали гораздо худшие, чем бунтовавшие моряки.

В отдельных войсковых частях под влиянием агитаторов нижние чины стали предъявлять требования, в которых политические и экономические пожелания были перемешаны самым пестрым образом: наряду с отменою смертной казни и введением всеобщих, равных и тайных голосований, требовалось улучшение сапог и продовольствия и увольнение запасных со службы.

Очевидное для всех расстройство армии и происходившая от этого опасность помогли мне провести громадное дело по улучшению быта нижних чинов. К началу октября составление соображений и исчислений заканчивалось, и я тогда доложил государю свои предположения. Он их одобрил и прибавил, что сам хотел сказать мне об этом в конце этого месяца; почему в такой срок, я себе не уяснил. В Военном совете дело об улучшении быта нижних чинов и особенно сверхсрочнослужащих было рассмотрено 28 октября и затем, до внесения в Государственный совет, должно было итти на заключение министерства финансов и контроля. Я еще заранее говорил с Витте об этом деле, и он обещал помочь в получении денег, которых требовалось около 40 млн. руб. в год, но ничего не сделал. Просил я и нового министра финансов Шипова, но он мне сказал, что у него совсем нет средств и что при всем своем сочувствии он более 5 млн. в год обещать не может. Я его попросил об одном: по дружбе дать свое заключение поскорее, чтобы можно было, не теряя времени, внести дело в Государственный совет. Он мою просьбу исполнил, и дело уже 17 ноября слушалось в соединенных департаментах Государственного совета. На это заседание, по моей просьбе, приехал в. кн. Николай Николаевич, имевший на это право, как председатель Совета государственной обороны; хотя он почти не говорил в заседании, но одно его присутствие уже служило поддержкою моим домогательствам.

---

[1]) Так в подлиннике.

В представлении испрашивалась существенная прибавка жалованья унтер-офицерам и небольшая — рядовым; прибавка к отпускавшемуся пищевому довольствию $^1/_4$ ф. мяса в день и сала и введение чайного довольствия; установление отпуска одеял, постельного белья, утиральников, носовых платков и мыла и увеличение отпуска денег на шитье сапог с 55 коп. до 2 р. 50 к. в год; отпуск всего белья в готовом виде и отпуск по одной гимнастической рубахе с погонами в год.

Каждая цифра вызывала возражения со стороны финансового ведомства, причем основание было лишь одно — уменьшить расход; но в большинстве случаев меня поддерживали отдельные голоса из состава департаментов; так, когда стали требовать уменьшения намеченной суточной дачи сахара, тайн. сов. Череванский предъявил в натуре 3 золотника сахара, сказав, что иной из нас кладет столько же в один стакан чаю!

По поводу утиральников (полотенец) министерство финансов выразило желание, чтобы только при поступлении на службу давали 2 штуки, а в следующие годы лишь по одной! Это даже походило на издевательство, а потому я заявил, что надо условиться, для чего утиральники отпускаются; если их вешать под образа, то двух штук довольно на всю службу; если же для утирания, то кто из присутствующих удостоверит, по личному опыту, что предположенный отпуск велик? Хотели сократить носовые платки, но и их я отстоял. Откровенно говоря, я их ввел главным образом для того, чтобы показать, что дается не только то, чего требовали в войсках, но и такая роскошь, о которой сами солдаты не думали. Дебаты длились 2½ часа, и, в конце концов, весь проект прошел с совершенно пустыми урезками; так как он был принят единогласно, то не было надобности рассматривать его еще и в общем собрании совета, и он пошел прямо на высочайшее утверждение и был объявлен 6 декабря.

За несколько дней до упомянутого заседания департаментов, 12 ноября, я при личном докладе, изобразив государю положение войск, доложил, что так дальше жить нельзя, так как войска совсем растреплются; что для приведения войск в порядок необходимо тотчас уволить из них недовольный элемент — запасных; войска при этом растают, но мы спасем хоть кадры! Войска уже не будут в состоянии поспевать всюду, их придется стягивать в города, но это необходимо и без того, для обучения ожидаемых новобранцев. Через несколько месяцев войска опять будут в порядке, если мы теперь же решимся на эту меру. Государь одобрил мое мнение. Тотчас по возвращении в город я написал записку Дурново, что я распускаю запасных и стягиваю войска в город, а главному штабу приказал распорядиться об исполнении этой меры.

Увольнение запасных и улучшение быта нижних чинов сразу внесло успокоение в войска, и случаи беспорядков в них стали единичными. Получился и еще один результат, которого я не ожидал: Дурново, получив мою записку, немедленно испросил средства на значительное усиление полиции, т. е. на то, о чем я до того тщетно просил его!

При объединенном правительстве такие крупные меры, как роспуск запасных, конечно, должны были бы обсуждаться в Совете министров, но объединение тогда еще было внове, и я забыл о существовании надо мною еще и этой опеки. Впрочем, ни Витте, ни Дурново не сделали мне по этому поводу ни малейшего упрека — все еще привыкли к автономности министерства.

Обращусь вновь к текущим событиям 1905 года.

Состояние флота становилось все хуже, и он являлся несомненной опасностью для страны. Государь это вполне сознавал и однажды, по поводу какого-то беспорядка в Черноморском флоте, вполне спокойно сказал, что Севастопольская крепость должна быть готова пустить его, буде нужно, ко дну.

Неоднократно, он по докладам как моим, так и в. кн. Николая Николаевича, соглашался на подчинение моряков сухопутным властям, но затем по докладу морского министра устанавливал обратное отношение, причем получалось курьезное положение: крепостной гарнизон должен был охранять крепость от отсутствующего флота, а между тем гарнизон, через коменданта, подчинялся главному начальнику того же флота. Абсурдность такого положения была неоспорима, государь ее признавал, но не мог устоять против довода морского министра, что подчинение бунтующего флота коменданту будет ему обидно!

В субботу, 12 ноября, государь, до начала моего доклада, принял одновременно Бирилева и меня для обсуждения вопроса о положении флота. Разговор происходил в кабинете, за круглым столом, на котором всегда лежали книжки разных журналов, причем государь сел между нами. — Бирилев говорил, что все обойдется и что лишь надо иметь терпение; я же настаивал на том, чтобы личный состав флота был сокращен до такого минимума, чтобы имевшиеся офицеры действительно могли взять его в руки и обратить его в надежную воинскую часть, которую впоследствии можно было бы вновь развить до нужной численности. Излишние суда надо сдать на хранение, в порты, и откровенно сказать себе, что у нас флота нет. Никакого решения не последовало. Зато, под председательством в. кн. Николая Николаевича, была образована комиссия для обсуждения вопроса: что делать с флотом? Сначала, 15 ноября, были созваны только военные члены (я, Палицын, Вернан-

дер [1]), Газенкампф [2]) и Мышлаевский [3]). Мы единогласно пришли к заключению, что флот надо раскассировать и начать заново формирование его личного состава, для чего во главе его поставить не моряка, а военного генерала, и даже наметили кандидата — Вернандера. На следующий день было заседание с моряками, которые, конечно, уверяли, что они все приведут в порядок. Не помню, был ли составлен журнал этих заседаний и что с ним сталось, но только результатов никаких не получилось.

После этого инцидента Совет обороны, кажется, уже ни разу не касался морских вопросов, так как все равно его решения, в случае несогласия с ними морского министра, не имели никаких шансов быть осуществленными. При таких условиях Совет, с одной стороны, отказывался от одной из своих важнейших функций — объединения сухопутной и морской обороны, а с другой, присутствие в нем моряков при обсуждении военных дел являлось совершенно ненормальным.

В упомянутом заседании комиссии 16 ноября выяснились удивительные порядки, существовавшие во флоте. Настаивая на сокращении флота, я предложил выделить из него ненадежных чинов и даже предлагал взять их к себе, в войска, но мне ответили, что в душу не заглянешь, и определить, кто ненадежен, нельзя. Я предложил начать с другого конца и отобрать вполне надежных; ответ был тот же. Я предложил отобрать хотя бы надежных боцманов (фельдфебелей), которые выбирали бы нижних чинов, которых они ведь должны знать! Но оказалось, что и они их не знают и знать не могут, потому что во флоте, попросту, личный состав совсем не был организован! Во флоте масса специальностей, которые изучаются матросами в разных школах и командах и на заводах; весною, при подготовке какого либо судна к плаванию, ему из всех этих школ собирают команду: столько-то машинистов, кочегаров, штурвальных, сигнальщиков, артиллеристов, минеров и просто матросов. В течение плавания вся эта пестрая толпа слаживается, но осенью ее опять разбирают по мастям, в те же школьные команды [4]). На следующий год повторяется та же история с набором новой команды из новых людей и с роспуском ее осенью. Флотские экипажи тоже не представляют собою чего-либо постоянного по составу, а это лишь странноприимные дома для матросов, находящихся в данное время без дела, и мне очень просто объяснили, что не только боцман не знает нижних

---

[1]) Вернандер, А. П., тов. генерал-инспектора по инженерной части.

[2]) Газенкампф, М. А., пом. главнокомандующего войсками гвардии и петерб. военного округа.

[3]) Мышлаевский, А. Х., дежурный генерал главного штаба.

[4]) Часть матросов зимою работала на заводах, вместе с вольнонаемными рабочими. — Примечание в подлиннике.

чинов своей роты, но и сосед по койке не всегда знает, кто около него спит, так как на вопрос о том, кто его сосед, часто лишь может ответить, что спал сначала такой-то, потом дня три был такой-то, а теперь его не видно, — вероятно, перевели куда-либо.

При таких чудовищных условиях, конечно, нечего было и мечтать об установлении во флоте когда-либо и какого-либо порядка, но моряки утверждали, что иначе и быть не может, что при массе специальностей это неизбежно, что во всех флотах практикуется та же система и т. д. и т. д. Спорить против этих доводов мы, сухопутные, не могли по полному незнанию морской службы, но здравый смысл и непорядки во флоте указывали на то, что флот наш, если он не подвергнется коренным преобразованиям, то останется навсегда столь же ненадежным и даже опасным для страны.

В Государственном совете, в общем его собрании, рассматривались внесенные военным министром новые правила о призыве войск для подавления беспорядков; при этом Совет высказал порядочное фарисейство. В одной из статей говорилось, что по усмотрению военного начальства употребляется, когда нужно, холодное или огнестрельное оружие, причем употребление холостых патронов воспрещается. Совет признал эту последнюю оговорку неуместной, так как она указывает на то, что непременно должно последовать кровопролитие, точно употребление оружия может преследовать иную цель! Я предложил то же указание перенести в другую статью, где говорилось, что предупреждение о действии оружием делается сигналом или голосом, добавив, что употребление для сего холостых выстрелов не допускается; мое предложение было принято.

Подавление беспорядков в стране затруднялось, главным образом, недостатком войск, которых, с увольнением в конце года запасных, стало еще меньше. Поэтому скорейшее возвращение войсковых частей из Манчжурии было крайне необходимо. В конце августа, по заключении мира, Палицын настаивал на том, чтобы не торопиться отозванием войск из армии, так как он боялся, что японцы нас обманут и, по ослаблении наших армий, перейдут под каким-либо предлогом в новое наступление. Но, наконец, развитие беспорядков внутри страны заставило желать скорейшего возвращения войск, и Палицын сообщил Линевичу[1]) высочайше утвержденное расписание, в какой постепенности они должны были возвращаться; в первую очередь были поставлены I и XIII корпуса, дабы скорее усилить войска петербургского и московского военных округов.

[1]) Линевич, Н. П., ген-от.-инф., ген.-адъют., главнокомандующий сухопутн. и морскими вооруж. силами, действ. против Японии, с 3 марта 1905 г.; уволен от этой должности 3 февраля 1906 г.

Задержка в отозвании войск имела тяжелые последствия. По заключении мира войска с нетерпением ждали возвращения домой, и задержка их на Востоке, когда с родины шли самые невероятные слухи о совершавшихся там событиях, вызывала неудовольствие, подготовлявшее почву для всякой агитации. Затем, почтовое и телеграфное сношения с армиями прекратились, а железнодорожное уменьшилось до крайности вследствие забастовки на железной дороге и порчи стачечниками значительной части паровозов. Что делалось в армиях, мы не знали вовсе. Мы видели только, что оттуда не возвращалось никаких войсковых частей, а ехали только беспорядочные эшелоны запасных, пьяных и громивших железную дорогу. Почему главнокомандующий не исполняет данного ему приказания и не высылает войск, мы не знали; почему он, имея массу войск, не двигает их для восстановления порядка у себя в тылу, представлялось совершенно непонятным. Невольно даже являлось опасение, что армии взбунтовались, и начальство их во власти мятежников!

Только впоследствии я от бывшего начальника штаба при Линевиче ген. Харкевича[1]), вернувшегося по болезни в начале 1907 года, узнал, что Линевич уступил желанию запасных, требовавших скорейшего возвращения их домой, и сам, лично, написал о том приказ, который уже по отпечатании дал Харкевичу с самодовольным видом, что вот, дескать, что я сделал без твоего ведома!

При недостатке войск пришлось прибегнуть к новому вызову на службу льготных казачьих частей, призвав на службу даже часть третьеочередных частей [2]). Казаки сослужили тогда громадную службу в деле восстановления порядка, притом самым гуманным образом — без кровопролития. Но и они дали несколько поводов к разочарованию: донцы не дали 3-ей очереди, так как при вызове из области каких-то полков 2-ой очереди уже пошли беспорядки, а в Кубанском войске два пластунских баталиона и 3-й Урюпский полк отказались выходить из области. Для выяснения причин в Кубанскую область был командирован член Военного совета ген. Дукмасов, сам донской казак.

Затем помещикам и заводчикам было разрешено содержать на собственный счет полицейские команды, которые тоже в значитель-

---

[1]) Харкевич, В. И., ген.-лейт., начальник штаба главнокомандующего Н. П. Линевича.

[2]) О тяжести наряда в разных войсках можно судить по следующим данным: в Астраханском и Оренбургском войсках были призваны все части 2-ой и 3-ей очередей. В Уральском, Донском, Кубанском и Терском были призваны конные и пешие части 2-ой очереди и, сверх того, из 3-ей очереди: в Уральском 2 полка (из 3-х), в Донском 3 полка (из 17-ти), в Кубанском 6 пластунских баталионов, всего льготных частей: 59 конных полков, 12 баталионов и 1 батарея. Прим. в подлиннике.

ной части составлялись из льготных и отставных казаков и из кавказских горцев.

В конце ноября было получено известие о смерти в Ташкенте туркестанского генерал-губернатора, ген. Тевяшева, прекрасного человека, но едва ли отвечавшего требованиям того тяжелого времени. Было известно, что Туркестан тоже находится в полном брожении, почему туда надо было назначить человека решительного и знавшего Среднюю Азию. Я, к сожалению, остановил свой выбор на Субботиче.

Субботича я знал только как члена Военного совета; в заседаниях его он говорил мало, но всегда дельно и откровенно, не справляясь с мнением других; он производил на меня впечатление человека умного и дельного; он уже был генерал-губернатором в Хабаровске, долго служил в Туркестане, георгиевский кавалер, — словом, он казался мне отличным кандидатом в Ташкент. Я уже раньше как-то говорил государю о Субботиче, что его жаль держать в совете и надо бы назначить куда-либо, и государь мне тогда сказал, что Субботич один из тех немногих личностей, которые ему абсолютно антипатичны, — у него какие-то холодные глаза, — и что он лишь в том случае решился бы назначить его куда-либо, если бы какой-либо край провинился, и он захотел бы его наказать! Я на Субботича смотрел несколько иначе, но считал, что для Туркестана в то время, действительно, был нужен человек не только твердый, но даже жестокий. Поэтому, донося о смерти Тевяшева, я одновременно спросил, не угодно ли на его место назначить Субботича, и получил на это согласие.

Впоследствии оказалось, что как государь, так и я совершенно ошиблись в Субботиче, так как нам и в голову не приходило, что он может оказаться либералом и если не крайним левым, то, по малой мере, «кадетом» и человеком, не то жаждущим популярности, не то трусящим толпы! Я Субботича знал слишком мало, чтобы судить о его политическом «credo», да, кроме того, кому могло притти в голову усумниться, в этом отношении, в старом и заслуженном генерале?

На первых порах, тотчас по его назначении, он меня поразил многописанием: до своего отъезда в Ташкент он одолевал меня длинными собственноручными и не особенно разборчивыми письмами. У меня случайно сохранились семь его писем, писанных с 23 по 31 декабря, притом три письма, писанных в один день, 23 декабря! В этих письмах речь шла о выборе высшего командного персонала в округ, а больше всего было общих рассуждений.

Ввиду забастовки железных дорог, Субботичу удалось выехать в Ташкент только в начале 1906 года.

При моем личном докладе 3 декабря государь мне сказал, что поручает Рихтеру пересмотр списков членов Военного совета и Коми-

тета о раненых, подлежавших увольнению; под конец того же доклада он сухим, деловым тоном, не поощрявшим к разговору, сказал, что он предначертил: командующего войсками в Москве ген. Малахова на 6 декабря назначить генерал-адъютантом, с увольнением от должности. На его место назначить барона Бильдерлинга. Командующего войсками в Одессе барона Каульбарса уволить от службы, а на его место назначить Ореуса. Командующего войсками в Вильне Фрезе назначить в Государственный совет, а вместо него — Богаевского. Помощника командующего войсками в Одессе Протопопова назначить членом Совета государственной обороны, с увольнением его от должности.

Я был глубоко оскорблен преподанным мне в такой форме указанием: очевидно, даже не желали знать моих соображений по вопросу о назначении на высшие должности! Кроме того, я вовсе не был согласен с намечавшимися к назначению кандидатами. Список был, очевидно, подсказан в. кн. Николаем Николаевичем, который желал иметь при себе своего товарища по академии Протопопова. Не являлось ли это отместкою за вырванное мною назначение Субботича?

Я молча записал себе продиктованный мне список. Ожидать дальнейших шикан не стоило, а обращаться в безгласного исполнителя я не желал, а потому я стал всерьез думать об уходе с должности.

В тот же день вечером я получил из Москвы донесение о бунте Ростовского гренадерского полка и о ненадежности еще 4-х полков московского гарнизона. Я сейчас же вызвал к себе начальника штаба округа, Брилевича, чтобы выяснить возможность посылки войск из Петербурга в Москву. Очевидно, это было трудно, но я все же поручил ему переговорить с великим князем. Государю я послал экстренное донесение, которое получил обратно с приказанием переговорить с великим князем.

В воскресенье, 4 декабря, я утром был у в. кн. Николая Николаевича. Он находил опасным ослаблять гарнизон Петербурга посылкою войск в Москву [1]) и, вместо того, предлагал послать туда в. кн. Михаила Александровича, шефа Ростовского полка, для приведения его к повиновению. Вместе с тем, он предложил мне поехать с ближайшим поездом в Царское, чтобы лично доложить государю, который, несом-

---

[1]) До чего серьезно было положение в самом Петербурге, может охарактеризовать следующий анекдот: 11 декабря ко мне заехал доктор Дубровин, председатель Союза русского народа, и предложил привезти из Витебска 20 тысяч старообрядцев с тем, чтобы я им выдал оружие; он их расположит вокруг города, чтобы навести порядки в районе заводов и помешать рабочим двинуться на Царское Село. Я его поблагодарил и обещал иметь его предложение в виду, на случай крайности. Больше я Дубровина не видал. — Прим. в подлиннике.

ненно, меня примет. Я ему тогда сказал, что вчера получил от государя список лицам, предназначаемым на высшие должности, и что список этот произвел на меня удручающее впечатление. Он удивился: чем? Я ему ответил, что командный состав у нас ведь никуда негоден и что мы, наконец, должны хоть на должности командующих войсками назначать лиц толковых и вполне соответствующих, выбирая их хотя бы из начальников дивизий! Указанные же мне лица — тот же старый, бесцветный хлам, и не от них можно ждать энергии и введения нового порядка в армии! Для правильного выбора высших начальников следовало бы, наконец, собрать комиссию под его председательством. Говорил я горячо, да и события в Москве заставляли серьезно взглянуть на дело, и вел. князь немедленно со мною согласился и поручил доложить государю и об этом деле.

Я успел съездить домой, перекусить и в час дня поехал в Царское — единственный раз, что я приезжал к государю без его приказания. Я был принят очень скоро, и государь мне сказал, что сам думал, что я, может быть, сам приеду.

Посылку в. кн. Михаила Александровича государь отклонил, сказав, что у брата слабое сердце и что его посылать нельзя. Относительно посылки войск в Москву тогда ничего не было решено, и только в конце месяца (помимо меня) в Москву был послан Семеновский полк, который прекратил беспорядки в Москве и забастовку на прилегающих к ней железных дорогах.

Затем я доложил государю, что, получив вчера его повеление о новых назначениях, я не позволил себе возражать, но сегодня я доложил вел. князю такие-то соображения, и он, согласившись со мною, поручил мне доложить их ему. Государь меня поправил, что вчера давал не повеление, а «предуказания» для соображений и доклада, а затем вполне одобрил пересмотр вопроса в комиссии у вел. князя. Ввиду московских событий Малахова уже нельзя было назначать генерал-адъютантом, и он был зачислен в мое распоряжение; он, помнится, вскоре умер.

Через день, 6 декабря, пришлось весь день провести в Царском Селе: выехав из дому в $9^1/_2$ час. утра, я вернулся только в $10^1/_2$ час. вечера. Раньше всего был церковный парад частям, праздновавшим в этот день свои праздники, с обычным, после того, завтраком для участников парада и присутствовавших на нем лиц до $2^1/_2$ часов, а в 7 час. парадный обед для высших чинов вообще. В. кн. Николай Николаевич решил не уезжать в промежутке в Петербург, собрать во дворце, в отведенном ему помещении, первое заседание своей новой комиссии, названной потом высшею аттестационною. В нем участвовали: в. кн.

Петр Николаевич и Сергей Михайлович, Остроградский [1]), я, Палицын, Поливанов и Газенкампф, при делопроизводителе Гулевиче. Мое принципиальное предложение — избирать в командующие войсками только дельных и энергичных генералов, хотя бы и не из старших, встретило полное сочувствие; все «предуказанные» мне назначения были отвергнуты, Каульбарс оставлен в должности.

При обсуждении, по списку, старших генералов отличные отзывы послышались относительно Гершельмана, моего товарища по пажескому корпусу, который успел выдвинуться во время войны, где получил георгиевский крест; я предложил назначить его командующим войсками в Москву; к этому предложению отнеслись сначала с недоумением: он был начальником дивизии и лишь временно командовал корпусом, но затем предложение мое было принято [2]). Постановления комиссии были изложены в журнале, который государь утвердил, и вслед затем состоялись новые назначения. Я одержал блестящую победу, в отношении высших назначений был взят новый тон, а в смысле применения нового порядка аттестования был сделан первый шаг! После того, в декабре, было еще три заседания комиссии.

Вообще я считаю, что высшая аттестационная комиссия принесла громадную пользу и что только благодаря ей мне удалось произвести очистку высшего командного состава армии, несмотря на то, что государь ей не сочувствовал.

Государь относился весьма ревниво к прерогативам верховного вождя армии. Военный министр мог, при настойчивости, добиться нескольких назначений или увольнений, но если бы он вздумал захватить это дело всецело в свои руки, то с ним быстро расстались бы. Комиссия не представлялась в этом отношении столь опасною. Ее суждения о каждом лице излагались в журналах весьма подробно, так что государь видел в них все мотивы, приводившие ее к тому или иному решению, и почти всегда соглашался с нею, лишь изредка смягчая ее решения. Я занял в комиссии вполне определенную позицию: зная мало состав строевых начальников, я об их качествах не высказывал суждений, но, когда способности и слабости данного лица были выяснены, стоял за самое строгое решение, дабы оставлять только вполне годных,

---

[1]) Гриппенберг был болен.—Прим. в подлиннике.

[2]) В это время Бильдерлинг командовал армиею, а Гершельман командовал у него корпусом. Впоследствии Гершельман мне рассказывал, что в беседе с Бильдерлингом они толковали о том, что Бильдерлинг, наверное, будет продолжать командовать своим корпусом в Москве, и Гершельман просил его помочь, чтобы ему получить дивизию тоже в Москве, а вслед затем он получил извещение, что он уже назначен в Москву, но командующим войсками. — Прим. в подлиннике.

а повышать только достойных. Моим антиподом в этом отношении был Палицын, который всех (почти) считал и годными и достойными. Председатель и все прочие члены комиссии знали массу начальствующих лиц, так что редко кто-либо из генералов не был лично известен кому-нибудь из них.

В конце ноября в Петербург приехал командир VII армейского корпуса (в Крыму) ген. барон Меллер-Закомельский, приобревший потом большую известность; я его тогда увидел впервые.

О Меллере я лично не имел никакого представления, но слышал о нем от государя: когда я 9 августа докладывал о слабости Коханова в Одессе, он мне сказал, что если бы там был Меллер, то он поступил бы по-иному; я тогда же предложил назначить его вместо Коханова, и государь согласился. Вслед затем я на железной дороге встретил Гриппенберга и рассказал ему об этом; Гриппенберг знал Меллера еще по совместной службе в Туркестане и охарактеризовал его мне, как отъявленного негодяя! Положение получилось весьма глупое. На мое счастье, в это время поступила на Меллера жалоба [1]), ввиду которой я попросил государя пока не давать Меллеру повышения, а в Одессу назначить Каульбарса.

В ноябре, ввиду бунта моряков в Севастополе, Меллеру было поручено восстановить там порядок, что он и исполнил вполне успешно. О своих действиях в Севастополе он по телеграфу донес непосредственно государю, с изложением, как кипел бой, как казармы флота обстреливались втечение всей ночи, пока моряки не сдались! Он просил разрешения приехать в Петербург, что ему и было разрешено. На беду Меллера, вскоре после того было получено донесение с показанием потерь обеих сторон: человека 3 или 5 убитых и несколько десятков раненых. Эти цифры обрисовали подвиг Меллера в совсем ином виде, чем его донесение государю, и характеризовали его самого.

По его приезде в Петербург я его принял у себя на квартире. Он оказался среднего роста; лицо красное, бурбонистое; собеседнику не может смотреть в глаза; говорит не гладко, а тянет.

---

[1]) От великой княгины Веры Константиновны (принцессы Виртембергской) через контору двора в. кн. Константина Константиновича поступила жалоба на Меллера со стороны виртембергского подданного. Меллер незадолго перед тем был начальником 3-ей гвард. пех. дивизии и председателем строительной комиссии в Варшаве, а немец — подрядчиком этой комиссии. Понадобилось немцу уехать за границу и получить деньги за исполненные работы. Меллер согласился с тем, чтобы подрядчик в обеспечение окончания работы дал расписку в получении лишних 10 тысяч руб. против того, что он действительно получил. Эти-то 10 тысяч руб. подрядчик теперь и желал получить. Жалоба была послана Меллеру; он ее отверг, и она как бездоказательная была отклонена, хотя я не стал бы ручаться за правоту Меллера в этом деле.—Прим. в подлиннике.

Меня он просил об увольнении от должности корпусного командира по двум причинам: Скалон моложе его, а уже получил Варшавский округ, и с Каульбарсом он служить не может, так как их отношения испортились из-за того, что он непосредственно доносил государю; не высказывая, что он претендует получить округ, он просил меня взять его в свое распоряжение. В этом я ему, конечно, отказал. Увидав его лично, я убедился, что он, конечно, округа получить не должен. Я ему предложил переменить корпус, но он отказался; я его убеждал жить с Каульбарсом в мире и обещал написать последнему частное письмо о том же, но все было напрасно, он настаивал на своем. Это и его самомнение меня начали бесить; я самым спокойным и любезным тоном сказал ему, что я все же советую ему вернуться в Крым и не бояться историй; я добавил, что я на службе вообще историй не допускаю, а если бы таковая случилась, то он может быть вполне спокоен: она будет разобрана самым тщательным образом, и виновный должен будет оставить службу! Он на меня глядел с удивлением: как это я решаюсь говорить ему, герою, такие вещи? А я самым спокойным образом глядел ему в глаза: вот, видишь, говорю, а ты это должен выслушивать! Вслед затем он ушел.

Я не знаю, какие у Меллера были связи, но я через 10 дней получил указание: Каульбарса уволить от службы, а Меллера назначить помощником командующего войсками; ни то, ни другое исполнено не было. Был ли Меллер близок к в. кн. Николаю Николаевичу, я не знаю, но скорее сомневаюсь в этом.

Находясь в отпуску в Петербурге, Меллер получил особое поручение: организовать боевой поезд и с ним двинуться на Сибирскую железную дорогу, чтобы восстановить движение по ней.

Решение послать такой поезд было, вернее всего, подсказано действиями семеновцев в Москве, доказавшими, что даже малые силы могут, при энергии и решимости, справиться с бунтом и забастовкою на железных дорогах. Последние состояли в ведении Палицына; он же разработал и проект отправки боевогс поезда под начальством Меллера.

Для лучшего обеспечения успеха намечалось из армии двинуть навстречу отряд под начальством Ренненкампфа [1]). Приказания об этом были посланы Линевичу в середине декабря тремя путями: через командующего войсками в Омске Сухотина, которому было поручено отослать его дальше с верным человеком; кругом света, из Эйдкунена,

---

[1]) Ренненкампф, П. К., ком. VII Сиб. арм. корп., начальник карательной экспедиции на Сибирской, Забайкальской и Вост.-Китайской ж. д.

для доставки по японскому телеграфу и через Пекин (или Тяньтцзинь) для доставки с нарочным [1]).

Меллер взял в свой поезд роту л.-гв. Литовского полка (усиленного состава) и, кажется, 2 полевых орудия. Он с полным успехом укрощал встречаемые эшелоны запасных, действуя прикладами и нагайками, и теми же аргументами прекращал железнодорожную забастовку. Молва об его подвигах ему предшествовала, и он почти без сопротивления доехал до Иркутска, а затем и до Читы. Остается лишь удивляться, что все сошло так благополучно и что ему нигде не устроили крушения.

Заслуга Меллера-Закомельского была громадна: он восстановил связь с армиями, восстановил порядок на протяжении нескольких тысяч верст железнодорожного пути! Задача, казавшаяся столь трудною и опасною, была разрешена гладко и просто, с ничтожными силами. Главная заслуга в этом деле принадлежала лично ему, так как только при его характере палача можно было столь систематически бить и и сечь вдоль всей дороги, наводя спасительный ужас на все бунтующие и бастующие элементы. Выбор его для этого предприятия оказался замечательно удачным.

Ренненкампф двинулся в путь позднее: распоряжение о снаряжении его экспедиции нескоро дошло по назначению, да и сборы были, кажется, долгие. Он лишь успел занять Читу, как туда прибыл Меллер со своим поездом.

О действиях обоих отрядов донесения поступали к Палицыну, и я имел мало сведений о них; но государь мне впоследствии говорил, что если бы Ренненкампф действовал так же энергично, как Меллер, и навел бы такую же панику, то Забайкальская и Амурская области не оставались бы так долго в брожении.

О таком взгляде государя мне сообщал и Палицын следующим письмом без даты:

Глубокоуважаемый *Секретно.*
Александр Феодорович!

На телеграмме генерала Ренненкампфа от 24 сего января, в которой он сообщает об обезоружении Читы и о том, что г.-л. бар. Меллер-Закомельский, прибыв на разъезд № 58, разобрал небольшой участок пути и перерезал провода железнодорожного и государственного телеграфа, восстановленные затем по приказанию ген. Ренненкампфа, а также о расстреле без суда не сопротивляющихся и наказаниях плетьми, что ген. Ренненкампф находит излишним, опасаясь, что это сыграет дурную услугу правительству, его императорским величеством благоугодно было начертать: «Ренненкампф излишне рассуждает, Меллер больше действует».

[1]) Дошло, кажется, приказание, посланное через Омск. — Прим. в подлиннике.

О таковой высочайшей резолюции поставляю вас в известность.

Сверх сего Ренненкампф меня запрашивал, как полагают здесь: лучше без суда или так, как он.

Я от себя ему ответил, что он, как правительственное лицо, обязан применять без послабления [1]), но борьба создает положение, когда приходится прибегать к силе оружия и вне закона[1]). Отсюда издали судить трудно, кто как действует. Ему же указано, что лучшею оценкою его мер будет успех и что прежде всего надо восстановить движение и обеспечить телеграф. Копию его запроса и мой ответ я представляю его величеству.

Относительно Меллера я могу сказать одно — с Сухотиным он не столковался, а когда тот попросил его к нему еще заехать, Меллер уехал. С Ренненкампфом он тоже не видался.

Вообще на соглашения он труден. Теперь его миссия, по моему, влиять на... [2]).

Если он начнет вмешиваться в службу дороги, то выйдет кутерьма. Он уже произвел несколько железнодорожных экспромптов, от которых у железнодорожников волосы дыбом стали (в Самаре). Быстро проехав по Сибирской дороге, он напичкан местными разговорами, которые и передает по телеграфу. Я очень беспокоюсь за влияние там молод. Заботкина. Он шустрый офицер, но в таком серьезном деле он может по легковерности наделать промахи. Приемы же Заботкин мог заимствовать от своего покойного друга Церпицкого.

Сердечно жму вашу руку.

Ваш Палицын.

Сибирская дорога понемногу налаживается.

С пути Меллер доносил государю о своем движении, а равно и все собранные им сведения. При полном и давнишнем отсутствии сведений с Востока, таковые были крайне ценны и, поневоле, принимались на веру, да и как могла прийти на ум мысль, что Меллер представлял государю не проверенные сведения, а слухи и сплетни? В одной телеграмме он чернил Линевича и нескольких генералов обвинял чуть-что не в измене; когда же дело Линевича рассматривалось в частном присутствии Военного совета, и Меллера вызвали туда для подтверждения сообщенных им сведений, то он цинично заявил, что ничего показать не может: все, о чем он доносил, он слышал, но от кого — не помнит.

По возвращении из экспедиции Меллер был в отпуску, а затем мне все-таки пришлось взять его в свое распоряжение, и я от него избавился только с назначением его рижским генерал-губернатором. Во время его отпуска я получил от Каульбарса любопытный документ, касавшийся Меллера. В штабе VII корпуса оказалась нехватка сумм, а виновный в том старший адъютант в свое оправдание заявил, что он не мог должным образом заниматься делами потому, что командир корпуса отвлекал его от службы личными поручениями, особенно

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Не разобрано три слова.

по иску к его (Меллера) дочери, опекуном которой состоял этот старший адъютант. Оказалось, что дочь получила от матери по завещанию родовое имение, которое Меллер у нее оттягал, предъявив суду векселя, выданные ему покойной женой; суд присудил ему капитальную сумму, проценты и стоимость ведения дела. Интересы дочери на суде защищал ее опекун, назначенный Меллером из своих подчиненных.

Я доложил дело высшей аттестационной комиссии, которая, признавая его грязным, поручила мне потребовать от Меллера объяснения. По его возвращении из отпуска я его запросил, и он мне дал такое объяснение: у него одна дочь, которую он очень любит, и три беспутных сына. Жена, с его согласия, завещала все свое имущество дочери, так как сыновья все равно прокутили бы все, что могли бы получить. Для того же, чтобы избавить дочь от сутяжничества ее братьев, мать дала векселя своему мужу, по которым он мог отобрать имение у дочери, причем сыновья не могли иметь претензий ни к ней, ни к отцу; наконец, эта комбинация давала право продать имение, полученное с условием, чтобы его не продавали раньше такого-то года. По объяснению Меллера выходило так, что он вовсе не ограбил своей дочери, а наоборот, в обход закона, обеспечил ей спокойное обладание наследством. Объяснение это я тоже доложил высшей аттестационной комиссии, которая решила: поверить объяснению и дело прекратить [1]).

Экспедиции Меллера и Ренненкампфа восстановили наши сношения с манчжурскими армиями. До тех пор, мы втечение долгого срока, не получали оттуда вестей или же только случайно, с кем-либо из офицеров, приезжавших из армии. Насколько помню, я лишь 2 раза получал таким образом вести с Востока: из Читы подпоручик Харитонов привез пакет на высочайшее имя, да какой-то прапорщик доставил мне письмо от Линевича.

По просьбе Поливанова [2]), я лично принял подпоручика Харитонова, чтобы выслушать его доклад относительно его поездки в Петербург, втечение которой ему приходилось переносить всякие опасности

---

[1]) Чтобы не возвращаться к личности барона Меллера-Закомельского, скажу, что он в 1906 году, по выбору Столыпина, был назначен рижским генерал-губернатором; когда Столыпин в нем разочаровался, он просил меня взять его в Военный совет, но я в этом отказал самым категорическим образом, и тогда его в 1909 году посадили в Государственный совет, где он был безгласным сидельцем. Но затем всплыла какая-то грязная его история, и председатель Акимов имел с ним крупный разговор, после которого Меллер перестал бывать в заседаниях Совета, с нового года он был зачислен в неприсутствующие члены Совета. Очевидно, Акимов, с разрешения государя, запретил ему бывать в Совете. Прим. в подлиннике.

[2]) Поливанов, А. А., ген.-лейт., начальник главного штаба.

и глумления; пакет ему удалось доставить только благодаря преданности его вестового, в вещах которого он был спрятан. Содержание пакета представило полное разочарование — в нем было около сотни войсковых донесений на высочайшее имя, повидимому, почетные рапорты, которые я и представил государю.

Зато больший интерес представил его рассказ о путешествии и о том, что происходило в Чите. О беспорядках в Чите у нас были сведения, но крайне смутные; между прочим, передавалось, будто губернатор (он же и наказный атаман) проявил не то слабость, не то сочувствие к освободительному движению, не то даже стал во главе его. Губернатора, ген. Холщевникова, мало знали в Петербурге, так как он всю свою службу провел в провинции, а потому никто не знал, насколько подобные сведения о нем правдоподобны.

Я его знал в 1878—1879 годах, по академии генерального штаба, а после того только раз встретился с ним, перед войною, когда он являлся военному министру, и мы поговорили несколько минут. Поэтому я имел о нем весьма неопределенное представление и отнюдь не взялся бы сказать, как он поступит в трудных обстоятельствах. Высшая аттестационная комиссия уже имела суждение о нем и наметила в кандидаты на должность иркутского генерал-губернатора.

Харитонов мне рассказал, что в бунтующей Чите не было войск; он там пробыл 2 дня и гостил у ген. Холщевникова, которого он знал, будучи товарищем его сына. Холщевников, получив из армии пакет на имя государя и не имея возможности отправить его дальше иным способом, поручил ему доставить таковой во что бы то ни стало.

Благодаря этому пакету Харитонов явился в министерство, и мы получили хоть какие-нибудь сведения с Востока. Рассказ же его о том, что происходило в Чите, хотя и весьма общий, служил первым указанием на неправильность обвинения Холщевникова в сочувствии революционному движению; заботливое же отношение его к пакету на высочайшее имя являлось даже фактом, прямо их опровергающим.

Письмо Линевича было длинное и было писано в ответ на мое письмо от 20 июля, на которое он ссылался. К сожалению, мне не удалось, пока, получить копии с этого письма, почему его содержание мне приходится приводить на память. Он мне писал, что его положение трудное; особенно тяжело, что он давно не имеет известий из России и что в районе армии тоже начинают действовать стачечники и агитаторы, что сам он в дела эти не вмешивается, но что в тылу армии дела идут нехорошо: Надаров [1]), которого он очень ценит, не умеет однако обращаться со стачечниками и раздражает их своими мерами. Теперь

---

[1]) Надаров, И. П., ген.-лейт., гл. начальник тыла манчжурской армии.

Надаров просится в отпуск, чему он (Линевич) очень рад — он заменит его ген. Ивановым, который будет более соответствующим.

Письмо это меня поразило: главнокомандующий, пользующийся неограниченной властью, не только не может справиться с агитациею и со стачкою на театре войны, но даже не задается этой целью и сетует на своего подчиненного, что он раздражает людей, которых следовало судить военным судом!

Я заготовил Линевичу ответную телеграмму, в которой писал: Надаров прав. Власть вам дана не для преступного бездействия, а для поддержания порядка во вверенной вам армии и ее тылу; примите энергичные меры для прекращения забастовки.

До отправки этой телеграммы я при следующем личном докладе прочел государю письмо Линевича и проект ответной телеграммы. Государь тоже был поражен письмом Линевича; телеграмму он вполне одобрил и готов был подписать сам, но я сказал, что думаю отправить ее от себя, так как за подписью государя она будет очень жестока для старика Линевича. Она пошла за моей подписью, помнится, кругом света. Дошла ли она, я не знаю.

Письмо Линевича потом было положено в основание обвинения его в бездействии власти. Откровенно говоря, оно на меня произвело такое впечатление, будто оно было написано с задним умыслом угодить и нашим и вашим: если бы оно попало в руки стачечников или если бы в Петербурге уже оказалась республика и оно попало в руки не мои, а республиканского министра, то оно и в глазах таких читателей не могло бы компрометировать Линевича [1]).

В конце декабря зашла речь о смене Линевича; из сохранившейся у меня записки Поливанова от 22 декабря видно, что, по словам Палицына, в этот день в. кн. Николай Николаевич должен был докладывать государю соображения о передаче командования армиями не Батьянову [2]), а барону Мейендорфу [3]). В памяти у меня не сохранилось ничего по этому делу, так как оно, как и все, относившееся до действ. армии, было в руках Палицына и великого князя. Не помню также, были ли потом еще и другие кандидаты для замены Линевича, но в

---

[1]) Во время телеграфной забастовки по России рассылались только телеграммы революционной фабрикации. Бывший главноуполномоченный Красного креста в Харбине, кн. Васильчиков, возвращаясь в это время в Европейскую Россию, по всему пути слышал то об убийстве, то о бегстве государя. Истину он узнал, только подъезжая к Москве, где на одной станции был свидетелем, как семеновцы расправлялись со стачечниками. — Прим. в подлиннике.

[2]) Батьянов, М. И., ген.-от-инф., ком. 3 манчжурской армией.

[3]) Мейендорф, Ф. Е., бар., ген.-от-кав., ком. 1 арм. корп. (1896—1905); в 1905—1917 гг. состоял при Николае Романове.

январе окончательно для этого был избран Гродеков [1]. Эти кандидаты на высокую должность хорошо обрисовывают, насколько мы были бедны толковыми генералами: Батьянов был больше всего фигляр, ни на какое крупное дело не пригодный, барон Мейендорф — честнейший человек, но ограниченных способностей, а Гродеков никогда не был выдающимся, а в это время уже стал заметно слабеть.

После манифеста 17 октября Государственную думу приходилось переустраивать на новый лад: вместо законосовещательной она должна была быть законодательною. Поэтому и состав ее подлежал изменению. По этому вопросу опять состоялся ряд заседаний, в которых я опять был немым участником, бесплодно тратя на них время. 25 ноября вопрос этот обсуждался в Совете министров (с другими лицами) под председательством Сольского, а 5, 7 и 9 декабря у государя в Царском Селе.

В это сумбурное время, когда, против воли, были уже даны всякие обещания относительно дарования широких свобод, а пределы последних еще вовсе не были выяснены, когда этими свободами узаконялась борьба политических партий и образование всякого рода политических сообществ, невольно являлся вопрос о роли военнослужащих в нарождавшемся политическом хаосе. Я попрежнему держался того мнения, что военные должны чуждаться всякой политики и не должны участвовать ни в каких политических обществах или собраниях. В принципе государь был вполне согласен с этим; 16 декабря состоялось положение Совета министров, запрещавшее военным входить в состав и принимать участие в политических союзах, партиях и т. п.; положение это было тогда же объявлено по военному ведомству, и вопрос можно было бы считать решенным. Тем не менее разные военные [2] обращались ко мне с просьбами о разрешении участвовать в союзах монархического направления (напр. Отечественном союзе), указывая на то, что деятельность этих союзов и их участие в них известны и одобряются государем. Я лишь мог указать им на приказ, от которого я не имею права делать изъятия, обещав однако не знать об их участии в этих союзах.

Чтобы покончить с описанием событий 1905 года, мне остается упомянуть об одном курьезном назначении, состоявшемся в конце года, а именно о назначении Соллогуба [3] рижским генерал-губерна-

---

[1]) Гродеков, Н. И., ген.-от-инф., ком. войсками Приамурского военного округа.

[2]) Напр., генерал Киреев, состоявший при в. кн. Константине Константиновиче, и полк. бар. Врангель, состоявший при в. кн. Михаиле Александровиче.— Прим. в подлиннике.

[3]) Соллогуб, В. И., ген-лейт., состоял в распоряжении главнокомандующего во время русско-японской войны.

тором. Соллогуб во все время войны состоял при штабе армии, где он едва ли делал что-либо, а по окончании войны вернулся в Петербург. Я ему предложил состоять по министерству без содержания, на что он тотчас согласился, так как был обеспечен содержанием от Китайской железной дороги. В конце года Витте заявил в Совете министров, что ввиду беспорядков в прибалтийских губерниях решено учредить временное рижское генерал-губернаторство и что во главе его предположено поставить Соллогуба. Я заявил, что он ни для какой практической деятельности непригоден и что он, конечно, не годится на такую должность, где требуется энергия, но Витте сказал на это, что назначение Соллогуба уже высочайше одобрено. Ввиду того, что новая должность не была в моем ведении, назначение Соллогуба меня касалось лишь в том отношении, что его брали от меня, против чего я, конечно, ничего не имел. Витте же его проводил, потому что он его любил. В Риге Соллогуб проявил себя такою же бесполезностью, как и на всех предыдущих своих должностях, и в 1906 г. был заменен Меллером-Закомельским, после чего вышел в отставку.

Из дневника Константина Романова.

Окончание [1]).

1906 ГОД.

9 января. Павловск. — Ходили слухи, что в годовщину крупных уличных беспорядков в Петербурге год назад опять будет забастовка и всякие безобразия. Но были приняты строгие меры, и порядок нигде не нарушался. Видел у дверей университета двух городовых с ружьями.

10 января. Петербург. — Опять ездил в город, в Академию, где назначил после шестилетнего перерыва заседание междуведомственной комиссии по вопросу об изменении календаря. Пока Победоносцев были обер-прокурором Синода, нечего было и думать двинуть это дело: он всегда на всякое новое дело отзывался отказом. А потому я положил этот вопрос «под сукно» и продержал его так, пока Победоносцева не сменили. В заседании больше всех говорили академики Шахматов, Сонин и Марков и представители министерства юстиции — Чаплин, ведомства православного исповедания — Остроумов, министерства промышленности и торговли — Егоров и изобретатель нового календаря П. М. Саладилов. Много говорилось о затруднениях, которые неизбежно встретятся при переходе к грегорианскому или какому другому календарю. Указывали и на то, что едва ли очень нужно менять календарь. Учредили из своей среды подкомиссию, чтобы обсудить, стоит ли трудиться над этим вопросом.

18 января. Царское Село. — В $10^3/_4$ с Николашей, оба в мундирах императорских стрелков нового образца, являлись царю в Александровском дворце. Николаша докладывал о вялости действий ген. Соллогуба по усмирению восстания в Прибалтийских провинциях. Государь с своей стороны недоволен недостатком решимости и твердости Соллогуба.

19 января. Павловск. — Слышал от военного министра Редигера, по поводу разговора с ним о современных событиях, что

---

[1]) «Красный архив», т. LXIII, стр. 92—115, т. LXIV, стр. 1—151.

главнокомандующий Линевич по телеграфу жаловался ему на трудность борьбы со стачечными комитетами на Сибирской ж. д., на резкость Надарова со стачечниками и на свое, Линевича, слабеющее здоровье. Редигер прочел мне свою ответную телеграмму Линевичу, в которой высказывал удивление по поводу нерешительности борьбы полумиллионной армии с мятежниками; выражал, что если бы своевременно был казнен десяток-другой зачинщиков, не потребовались бы позднее потоки крови; наконец, просил указать, кто из местных генералов мог бы заместить его, Линевича, вследствие болезненного состояния.

26 января. Петербург.— В 10 часов был с докладом у военного министра, куда прибыл и Анчутин. Редигер сказал нам по секрету, что посланный на Дальний Восток член Госуд. совета Гродеков сменил главнокомандующего Линевича, отставляемого за бездействие власти.

Два генерала, состоящие при гл. управлении, посланы мною: Бутовский — в Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, а Попруженко — в Орловский Бахтина; там были беспорядки, требующие расследования. Оба генерала облечены большими полномочиями.

Зашел к Николаю Михайловичу. Он держится передовых взглядов, меня называет реакционером, все критикует, бранит и — по-моему — просто зло болтает.

14 февраля. — Объявлено указом Сенату, что Государственная дума соберется 27 апреля. Многие радуются. Я же полагаю, что мы до Думы не доросли, что в нее попадут все больше жиды, и проку от нее едва ли дождаться.— Если возникшие здесь и там мятежи и подавлены, то повсеместно и ежедневно совершаются политические убийства, покушения, похищения из различных касс, банков и казначейств. Картина печальная!

24 февраля. — Прочел в газетах манифест 20 февраля с указом Сенату о новом положении для Государственного совета и Государственной думы. Говорится о неизменности самодержавия, что лично меня несказанно радует, но вместе с тем и беспокоит: ведь манифест 17 октября 1905 г., несомненно, давал право полагать, что самодержавие ограничено народным представительством. Положим, этот акт был вызван паникой и растерянностью правительства, которое с тех пор успело одуматься и вновь почувствовать свою власть, но это не оправдывает недостатка искренности и последовательности. 24-го видел Платонова, который тоже смущен несогласованностью и даже противоречием, существующими между манифестами 17 октября и 20 февраля.

3 марта. — Теперь читаю толстую книгу покойного академика Пыпина «Общественное движение при Александре I». Мне очень нравится в ней изображение характера Александра, и нравится беспристрастием, этой необходимейшею чертою всякого биографа и историка. Хорошо говорится о Сперанском; Пыпин оправдывает его от обвинений критиков реакционного направления, но не закрывает глаз на недостатки. Остановился теперь на Карамзине (который в комнате, где я теперь пишу, читывал моей прабабке главы из своей «Истории»). В первый раз случается мне напасть на отрицательный взгляд на этого писателя-историка: Пыпин подчеркивает преувеличение похвал критиков Карамзина, принадлежащих к реакционному лагерю. Сам Пыпин принадлежал к партии «Вестника Европы», т. е. передовой. Не выяснил себе, прав ли Пыпин, так строго судя Карамзина.

6 марта. — Вчера, 5 марта, академики Чернышев, Радлов и Ламанский, по поручению общего собрания Академии, обратились ко мне с просьбой просить у государя замены смертной казни другою карою директору музея в Чите Кузнецову. Эта просьба меня и взволновала и рассердила: если человек подлежит смертной казни, то, очевидно, виновен, и не академикам за него заступаться; можем ли мы знать отсюда обвинений и оправданий осужденного? [1]). Наконец, я сам прочел в «Новом времени», что Кузнецову смертная казнь заменена каторгой.

7 марта. — В газетах много говорят о следствиях выборов в Государственную думу. Много выбрано священников; попадают в выборщики и лица крайне-левого направления, но, повидимому,— подавляющее большинство будет из крестьян, что, как мне кажется, весьма желательно.

8 марта. — В Тифлисе, с разрешения и одобрения графа Воронцова, образовался «Совет офицеров тифлисского гарнизона», задумавший издавать газету для борьбы с крайними учениями. Подписка на нее открыта, между прочим, в тифлисском кадетском корпусе у его директора. Предложение на участие в издании газеты получил и директор владикавказского кадетского корпуса, который справедливо усмотрел в деятельности «Совета» характер несомненно политический, запрашивает мое гл. управление, встречает ли оно препятствие. Я намереваюсь воспретить всякое участие в делах «Совета» обоим названным директорам, но ввиду того, что становлюсь в явное противоречие с наместником, написал частным образом военному министру. Он ответил полным согласием с моим взглядом, существование «Совета» находит «чудовищным», запрашивает гр. Воронцова и хочет об

[1]) Так в подлиннике.

этом деле доложить государю. Вооружившись мнением Редигера, я обо всем этом написал Николаше.

16 марта. — Книга Пыпина наводит меня на размышления: не принадлежу ли и я к числу реакционеров, обскурантов и староверов, подобно графу Растопчину или Шишкову, к которым Пыпин причисляет порою и Карамзина? Я в корне расхожусь с многими из академиков, сочувствующих современному «освободительному движению», т. е. попросту революции. Но я вижу истинное освобождение вовсе не там, где его ищут эти господа. Был ли бы теперь среди них покойный Пыпин?

20 марта. — Пока завтракали, пришел С. Ф. Платонов. В институте занятия идут правильно, в этом отношении мы — единственное в России высшее учебное заведение.

23 марта. — В Мраморном принял кн. Оболенского по делам консерватории. В ней занятий нет — бастуют, а между тем просят помочь в денежном кризисе. По-моему, если занятия не начнутся после пасхи, надо консерваторию закрыть безусловно.

25 марта. — За завтраком в большой зеркальной зале меня посадили слева от государя. В беседе с ним, — довольно, впрочем, отрывочной, — я высказал, что следовало бы важнейших сановников, погрешивших в последнее время в бездействии власти, предать верховному суду. Государь, повидимому, не против этого, но свел разговор на разбор дела по сдаче Порт-Артура. Я бы непременно предал суду и бывшего московского генерал-губернатора Дурново, и главнокомандующего Линевича, и многих других.

31 марта. — К 5-ти часам поехал в Царскосельский Александровский дворец к императрице Марии Федоровне. Митя тоже был там, вместе со мною. Манифест 17 октября был для нее совершенной неожиданностью. Думаю, что она права, указывая на западные государства, где конституциональный строй вырабатывался веками; а у нас хотят создать его в несколько месяцев. Она мне сказала, что министр вн. дел Дурново (мне незнакомый) скорее ей понравился.

7 апреля. — Когда-нибудь историк с изумлением и отвращением оглянется на переживаемое нами время. Многих, — к прискорбию, слишком многих,— русских охватила умственная болезнь. В своей ненависти к правительству за частые его промахи, они, желая свергнуть его, становятся в ряды мятежников и решаются на измену перед родиной. Напр.: правительство заключает внешний заем, необходимый для покрытия расходов, вызванных войной, а эти люди, напр. Гапоны, Максимы Горькие и разные конституционал-демократы (называемые «кадетами»), пускаются на всякие ухищрения, чтобы помешать заключению займа. Представители этих «кадетов» решаются

проникнуть к новому президенту французской республики и высказывают ему, что русское правительство в силу манифеста 17 октября не имеет права заключить займа до созыва Думы. Фальер с большим достоинством устранил их. М. Горький с той же целью отправился в Сев. Америку. Тамошние литераторы хотели, было, чествовать его обедом. Но Горький привез с собой спутницу, выдавая ее за законную жену. В гостиницах, когда узнали, что она не жена его, а только сожительница, просили его выехать, и обед не состоялся. От Горького американцы отвернулись.

13 апреля. — Государственный секретарь барон Икскуль передал мне в письме приглашение Владимира быть у него в 4 ч. в Петербурге для обмена мыслей по поводу статей основных законов, касающихся императорской фамилии. Застал у Владимира Николашу, Сандро, Андрюшу, министра двора Фредерикса и барона Икскуля. Поставлен был вопрос о необходимости оградить учреждение об императорской фамилии от посягательства будущих Государственных совета и думы. По статье 55 вновь выработанных основных государственных законов почин пересмотра их принадлежит единственно императорскому величеству. Но, чтобы пересмотр учреждения об императорской фамилии миновал и Госуд. совет и думу, мы единогласно предложили, чтобы, в случае пересмотра он производился по указаниям государя. Попутно затрагивалось несколько довольно щекотливых вопросов, из которых главный — как смотреть на уделы, как на собственность государя или императорского дома? В совещании все видели в уделах собственность императорского дома, которую опекает государь как его глава. Но указывалось, что, в действительности, нередко деятельность уделов выражалась, как ничего не имеющая общего с императорским семейством, а только с самим государем. Так, например, без нашего ведома в минувшую войну было выдано в пользу раненых 2 миллиона из удельных сумм как бы от имени императорской фамилии. Владимир будет просить государя разрешить пересмотр учреждения об императорской фамилии для выяснения многих темных его сторон.

17 апреля. — За завтраком сидел подле императрицы Александры Федоровны. Просил ее крестить вместе с нашим Костей маленькую Верусю, и императрица, повидимому, этому обрадовалась. Узнал от нее, что она вместе с церемониймейстером бароном Павл. Павл. Корфом сочиняет церемониал открытия Государственной думы, которому будет придана возможная пышность. Дамы в русских платьях, государь взойдет по ступеням на трон в Георгиевском зале Зимнего дворца, императрицы займут особо приготовленное для них место. Государь прочтет тронную речь. Аликс говорила, что в состав-

лении церемониала старается не подражать западным образцам, а согласовать его с русскими обычаями. Но я смею сомневаться, чтобы эти обычаи были ей слишком хорошо известны, да и как связать их с парламентом?

Государь назначил наши крестины на 25 апреля, за два дня до открытия Думы.

18—20 апреля. — Числа с 16 у нас идет некоторое брожение. Митя передавал мне после одной из поездок в город, куда ездит раза три-четыре в неделю, что Павел Егорович советует обставить крестины маленькой Веры как можно скромнее и проще, наподобие того, как год назад крестили нашу покойную Натусю. Ему кажется, что в настоящее тревожное время крестины, устроенные по торжественному церемониалу за два дня до полного грозной неизвестности открытия Государственной думы, могут вызвать нарекания. — Лично я не соглашался с этим, полагая, что своим правом можно и должно пользоваться везде и всегда, и что если верноподданные, конечно, не усмотрят в торжественности крестин ничего неуместного, то для врагов престола совершенно безразлично, пышно или бедно обставлены крестины в доме одного из членов императорской фамилии; враждебно настроенным все равно ничем не угодишь. — 17-го государь назначил крестины 25 апреля по примеру крестин всех наших мальчиков, т.-е. с церемониалом. Я колебался, от какой части избрать почетный караул, от 2-й ли роты имп. стрелков или от эскадрона кавалерийского училища, в котором теперь состоят наши старшие сыновья, и просил государя решить это; он остановился на эскадроне. Обо всем этом я телеграфировал барону Фредериксу.

П. Е. продолжал настаивать, что осторожнее и благоразумнее устроить крестины безо всякого церемониала. Я так верю мудрости, опыту и дальновидности Палиголика, что готов допустить его правоту и в этом мнении, но лично с ним не соглашался. Уговорились посоветоваться с министром двора, который и был у меня в Мраморном вчера. Пав. Егор. высказал свои соображения, но барон с ним не согласился, настаивая на том, что если у кого есть права, то надо ими и пользоваться и что именно теперь, когда колеблется у многих чувство верноподданности, надо давать место всем особенностям и льготам, присвоенным царствующему дому. П. Е. уступил, а я был очень рад, так как хотел бы, чтоб крестины состоялись с обычной торжественностью. Затем барон заметил, что назначение крестин на 25-е очень затрудняет церемониальную часть, сильно занятую приготовлениями к открытию Думы, о чем он докладывал и государю, который не пожелал изменять дня, указав мне 25-е. Я просил барона передоложить государю, что мы вовсе не настаиваем на назначенном числе и будем ждать дальней-

ших указаний после доклада всех наших соображений. Барон говорил, что имп. Александра Федоровна, сочиняя церемониал открытия Думы, предполагала прибытие в Петербург на яхте к самому Зимнему дворцу. Но это отвергнуто ввиду возможности дурной погоды, очень затруднившей бы дам в русских платьях. Поднят вопрос, как быть государю на открытии, в короне или порфире? Фредерикс от меня собирался к графу Палену, чтобы с ним посоветоваться.

23 апреля. — В Царском Селе парад лейб-уланам. Государь лично выдавал награды офицерам, бывшим под командой Орлова в Лифляндской губ. для усмирения восстания. За завтраком слышал, как он говорил, что всегда противился назначению Куропаткина главнокомандующим действующей армии и что упрекает себя за уступку общественному мнению.

24 апреля. Петербург. — В Мраморном, побеседовав с Павлом Егоровичем, побывал у мама̀ и, отдохнув, к $7^1/_2$ ч. поехал в женский педагогический институт на конференцию. Просидели до $12^1/_2$. Говорили о законе божьем. Наши левые настаивают, чтобы этот предмет не был обязательным, так же, как и русский язык, но им не удалось этого провести.

27 апреля. — Уехали в Петербург в 10 ч. Митя, Татиана, шесть старших мальчиков и я. Жена, отпуская нас, тревожилась, както сойдет сегодня торжественное открытие Госуд. совета и Госуд. думы? Не будет ли каких ужасов или безобразий? Теперь 12-й час дня.

Громадный съезд у дворца, вся набережная запружена экипажами. Подъехали к маленькому государеву подъезду, поднялись по машине, и я провел мальчиков через малую столовую, Арапскую и Помпеевскую галлерею в Николаевский зал, где они встали в строй. Обходил взводы от военно-учебных заведений. В зале было много членов Думы, одетых кто во фраке, кто в пиджаке, кто по-русски. Вскоре их пригласили перейти в Георгиевский зал. Семейству надо было собираться в $1^1/_2$ в покоях императрицы. Все были налицо. К этому дню прибыли из-за границы Михен, Алексей, Борис. Незадолго до 2-х пришли их величества. Государь был в преображенском мундире, имп. Мария Федоровна в белом атласном, опушенном соболем русском платье, имп. Александра Федоровна в белом с золотом, с диадемой из огромных жемчужин Екатерины II. Шествие направилось в Георгиевский зал из концертного, откуда во главе его несли императорские регалии — печать, меч, знамя, державу, скипетр и корону. За ними следовал государь; за ним обе императрицы рядом, а потом все мы попарно. Я вел Стану. Мои мальчики молодцами стояли в строю. В Гербовом зале великие княгини отделились от нас, чтобы Пикетной

комнатой, запасной половиной и Романовской галлереей пройти в Георгиевский зал на особо приготовленное императрицам и им возвышение, по правую сторону трона. Мы же за их величествами вышли в Георгиевский зал через галлерею 1812 года. Когда их величества приложились ко кресту, митрополит Антоний начал молебен перед лежавшей на аналое иконой Спасителя, привезенной из часовни Петра Великого. Налево стояли члены Госуд. совета, направо члены Думы.

Отошел молебен. Государь остался стоять посреди зала, певчие и младшее духовенство стали выходить из зала, унося с собой икону, аналой и подсвечники. Императрицы направились к своему месту, где уже были великие княгини.

Мы — великие князья — прошли мимо государя и расположились по трем нижним ступеням, ведущим к трону, между ним и возвышением для императриц и великих княгинь. Тут же на ступенях стояли несшие царские регалии. Когда все заняли свои места, государь медленно и величественно направился к трону, взошел по красным его ступеням и сел на престоле. Через спинку трона была наброшена императорская порфира. По знаку государя, министр двора взошел по ступеням и с низким поклоном подал бумагу; государь взял ее, отдав Фредериксу свою шапку, а потом встал, сделал шага два-три вперед и громко, внятно, медленно стал читать свою речь. Чем дальше он читал, тем сильнее овладевало мною волнение; слезы лились из глаз. Слова речи были так хороши, так правдивы и звучали так искренно, что ничего нельзя было бы добавить или убавить... закончил царь свою речь словами: «Бог в помощь мне и вам»!

Тем же порядком шествие тронулось обратно.

28 апреля. Павловск. —Председателем Государственной думы избран Муромцев. — О, какое томление духа и сколько опасений за будущее возбуждает эта Дума! Не будет ли она терять время в пустозвонной болтовне крайнего направления, пренебрегая делом?

29 апреля. — Чего доброго ждать от так называемых «лучших людей», от якобы представителей народа, от желанной Государственной думы, когда немедленно по ее открытии, когда был ею избран в председатели Муромцев и еще до его вступительной речи, по его приглашению, взошел на кафедру мерзавец Петрункевич, потребовал от правительства амнистии всем находящимся в заключении политическим преступникам и когда это требование не только принято единогласно, но и покрыто рукоплесканиями? Если бы Дума занялась вопросами благоустройства крестьянства и нуждами просвещения, можно было бы надеяться, что она будет делать дело; но по началу уже видно, что этого не будет. — Хороши представители науки, из-

бранные в Государственный совет, между прочим — мои академики Лаппо-Данилевский и Шахматов: тотчас же по своем избрании они отправляются в городскую думу депутацией, требуя работы для безработных. Если такую глупость делают ученые, то чего же ждать от невежд?

30 апреля. — В «Нов. времени» подробности о Думе привели меня в негодование. Думу и Госуд. совет пригласили в городскую думу на раут; большинство представителей Думы из кадет не явились, обидевшись, что их пригласили вместе с Госуд. советом; пришли только крестьяне. В Таврическом дворце в заседании ничего дельного говорено не было; судили-рядили об амнистии политических преступников. В душе у меня все клокотало от гнева.

В 3 часа были крестины нашей Веруси. Справили их самым скромным образом, без церемониала, почетных караулов, салюта и пр. Государь был в форме императорских стрелков. Слышал от него, что Муромцев ему скорее понравился, держа себя скромно и глядя прямо в глаза.

5 мая. — Ответ Думы на тронную речь — гадость. Дума — очаг революции.

8 мая. — Читал в газетах, что государь не пожелал принять депутацию от Госуд. думы с ответом на его ей приветствие, а повелел направить адрес через министра двора. По тому же пути направлен и адрес Госуд. совета. — Анчуткин уехал выдавать знамя одесскому корпусу. Тамошний командующий войсками Каульбарс сообщил, что мне ехать туда не безопасно, что он не ручается, чтобы не подбросили бомбы. Пришлось испросить высочайшее повеление на передачу знамени через моего помощника. Таким образом, не исполнилась моя мечта побывать в одесском корпусе перед первым выпуском. Но еще не теряю надежды побывать в Варшаве в суворовском корпусе, тоже дающем первый свой выпуск. Генерал-губернатор Скалон уведомил, что препятствий к моему приезду не встречается, лишь бы ему, Скалону, не надо было меня встречать и сопровождать, так как его травят.

12 мая. В вагоне по дороге в Варшаву. — Меня огорчили известия из Полоцка. Кадеты, особенно выпускные, в том числе и фельдфебель и некоторые в. унт.-офицеры непозволительно распущенны; неповиновение, дерзости старшим, самовольные отлучки — обыкновенное дело. 4-го человек 15 ушло без спросу гулять, встретили воспитателя, и один из кадет, швырнув камнем, сильно поранил ему голову. — Один выпускной, Важинский, за крупные дерзости воспитателю отправленный директором к матери, пришел ко мне и с развязной откровенностью рассказав о своем проступке, просил допустить к продолжению экзаменов. Отказал.

31 мая. Стрельна. — Газеты приводят в ужас, негодование и омерзение: по всей России политические убийства, грабежи с захватом денег на цели революции, взрывы бомб, бесчинства. В Думе процветает та же революция, и не слышно ни одного разумного слова.

3 июня. — После кофе с детьми под арками, где к нашей трапезе слетается много голубей и воробьев и клюют бросаемый им хлеб, ходил по террасе и читал «Нов. время». Это чтение вызывает раздражение, уныние и томление духа. Положение России становится, кажется, все хуже; Госуд. дума не только не вносит примирения, но прямо толкает к революции. Гадко и противно читать речи, произносимые в Таврическом дворце: сколько лжи, искажения действительности, самого недобросовестного отношения к своим нравственным обязанностям!

4 июня. — Опять читал «Нов. время», гуляя по террасе, опять негодовал и возмущался наглостью речей в Госуд. думе.

Был и в благочестивом семействе. Павел Егорович, к опытности которого все мы прибегаем, желая получить верную оценку переживаемых событий, думает, что современное настроение Госуд. думы должно привести к кровопролитию, большему происходившего в Москве в декабре 1905 года, а потом, когда восстание будет подавлено военною силою, наступит успокоение. Забастовали в Петербурге и его окрестностях пекари. Мы в Стрельне получили хлеб и булки в придворной пекарне.

11 июня. Петербург. — Иоанчик и Гаврилушка вечером поехали в Красное, первый в коляске, а второй верхом. Когда они уезжали, ко мне явился преображенский капитан Старицкий. По лицу его и слезам в голосе угадал, что случилось что-то недоброе. Повел его в сад и там услыхал от Михаила Ивановича, что еще перед выступлением преображенцев в Петергоф, куда полк был наряжен на неделю на смену измайловцам для усиления гарнизона, в Красносельском лагере было замечено в 1-м баталионе брожение; раздавались крики: «На родину!», как бывает перед увольнением запасных; кричали также: «Не пойдем в Петергоф» или: «Велят стрелять — не будем»; выражалось неудовольствие, что ведут, а не везут. Тем не менее до Петергофа дошли благополучно и расположились нечетные баталионы в казармах лейб-уланских, а четные в конно-гренадерских.

12 июня. Стрельна. — Старицкий дежурил по полку с 10-го на 11-е. Люди 1-го баталиона, кроме 4-й роты, которою командует Старицкий, собрались на род митинга на одном из дворов. Старицкому удалось проникнуть к ним через запертые ворота, когда их отперли, пропуская конного ординарца. Люди встретили его враждебно, слышались угрозы и ругательства. Извещенный об этом командир

полка Гадон сообщил по телефону о случившемся начальнику дивизии (бывшему командиру полка) Озерову. Тот побывал у главнокомандующего и получил указание постараться успокоить людей; к резким насильственным мерам не решались прибегнуть, по словам Старицкого, опасаясь, что и в других гвардейских полках такое же брожение. Озеров прибыл в 1-й баталион один и говорил с солдатами без офицеров. Они предъявили ему «требования», изложенные письменно в 18-ти или 19-ти пунктах. Хотя он и заявил, что требовать они не имеют права, а могут только просить, но вступил с ними в обсуждение пунктов. Они и возмутительны и нелепы: не отдавать честь офицерам, право ездить в отпуск по даровым билетам, право собирать митинги, право иметь представителей в Госуд. думе, не есть гороха, возвращение и восстановление в званиях, а также безнаказанность нижних чинов преображенцев (11 человек), арестованных в конце зимы по подозрению в политической пропаганде. Озеров долго обсуждал с солдатами эти требования. Под конец они успокоились, даже просили позволение спеть народный гимн и, несмотря на одного унт.-офицера 3-й роты, который пытался их отговорить, подняли Озерова на «ура» и вынесли на руках. Тем не менее и после того Старицкий сам видел случаи неуважения солдат преображенцев к своим офицерам. — Среди преображенцев — бунт... Какой ужас! Прав Старицкий, что пропал Преображенский полк. Я плакал слезами стыда и глубокого горя.— Жене и детям не сказал о причине приезда Старицкого. Когда она пошла спать, побежал к Мите и ему с Короченцовым передал содержание сообщений Старицкого, связав их предварительно словом, что они этого не разболтают. Но нельзя было не предвидеть, что молва пойдет сама собою. И действительно, на другой день, будучи в городе на приеме в гл. управлении, слышал от Риттиха, что политическая агитация особенно сильно направлена на 1-ю бригаду 1-й гв. пех.дивизии, а в Мраморном парикмахер Алексей прямо говорил мне о бунте среди преображенцев. — Митя ездил обедать к мальчикам в Красное. Дорогой туда он встретил Николашу в тройке, а за ним полки лейб-уланский, лейб-гренадерский и л.-гв. стрелковый (командир — бывший преображенец Бакулин), шедших из Красного в Петергоф «усмирять преображенцев»...

16 и ю н я. — Вышел приказ о переименовании 1-го баталиона л.-гв. Преображенского полка в Особый пехотный баталион и лишении его прав гвардии... Что за горе! Что за срам! Знаю от Редигера, что государь имел намерение раскассировать баталион; но военный министр основательно указал на то, что если люди баталиона заражены преступными идеями, то опасно переводить их в другие воинские части, которым, в свою очередь, было бы обидно принять к

себе мятежников. Редигер предложил ссылку баталиона в полном его составе в Медведь, где будет производиться судебное следствие, и меру, уже объявленную в приказе. Государь ее одобрил.

Полагаю, что чрезмерная строгость, проявляемая государем к преображенцам, внушена ему Николашей, который, повидимому, имеет большое влияние. Впрочем, должен оговориться: у нас вообще мало строгости, а за дела, подобные тем, что были в 1-м баталионе полка, нельзя быть довольно строгим; в этом случае лучше пересолить, чем проявить неуместное снисхождение.

17 июня. — Пригласил к завтраку флиг.-адъютанта полк. Комарова, преображенца и командира Сводно-гвардейского баталиона. Хотелось поговорить с кем-нибудь из однополчан о последних, для полка столь тяжких, событиях. Комаров накануне побывал в полку. Он слышал, что, кажется, в ночь на 16 июня приходил в лагерь полка какой-то «вольный» и спрашивал унт.-офицера 3-й роты, того самого, который был задержан в Петергофе. Очевидно, пришедший еще не знал, что 1-й баталион, обезоруженный, под конвоем роты л.-гв. Финляндского полка, уже отбыл в с. Медведь, Новгородской губ. В палаточном лагере 1-го баталиона разместили учебную команду. Дневальный, догадавшись, в чем дело, сказал «вольному», что унт.-офицер 3-й роты дома, и впустил пришедшего в одну из палаток, а там созвал солдат, которые схватили пришедшего, пытавшегося, было, бежать. При нем были прокламации как возмутительного свойства, так для отвода глаз, и законного, а кроме того список нескольких солдат различных гвардейских полков и записка за подписью члена Госуд. думы Аладьина; другую записку пришедший успел проглотить.

20 июня, в Мраморном. — Костя Зеленой, флигель-адъютант, преображенец, передал мне, что Гадону предложено подать в отставку. Странно это: когда он был у государя для доклада о печальных обстоятельствах и просил об отчислении от командования полком и предании суду, государь его отставки не принял, утешал его, целовал и даже перекрестил. —Гулял в Летнем саду, встретил там Навроцкого, бывшего преображенца, ходили вместе. — С женой и Олей приняли кн. Андроникова: он видит все в черном свете, полагая, что революция идет быстрыми шагами и что в августе династию выгонят вон, если не хуже. Настаивает, что кому-нибудь из нас надо известить государя о грозящей опасности. Но разве это поможет?

28 июня. Стрельна. — В обществе много говорят о решительной невозможности правительству, т.-е. кабинету Горемыкина, работать с данным составом Госуд. думы. Поговаривают о желательности составить новое министерство из умеренных, но более приятных Думе, чем нынешнее министерство. Часто слышно, что мы быстрыми

и широкими шагами приближаемся к какому-то страшному бедствию, тем более грозному, что оно неведомо. Будет ли это гибель царствующего дома, междоусобная война, кровопролитие? Люди положительного, монархического направления жаждут разгона Госуд. думы, диктатуры, крутых мер, казней, насилия, террора в ответ на террор. Другие, и я к ним присоединяюсь, полагают, что Думу лучше не трогать и дать ей самой провалиться в общественном мнении. — Злоба накипает, когда слышишь и читаешь о действиях мерзавцев вроде Аладьина, Седельникова — представителей крайней левой в Думе. Возмутительно, что они считаются неуязвимыми.

8 июля. Орел. — Приехал ко мне из Орла в карете преосвященный Серафим (Чичагов, из пажей, позднее гвардейский артиллерист). По его словам, революция у нас зашла так далеко, что худшего ждать нельзя, что революционеры-думцы, как и диавол, не покаются и что надо с оружием в руках разогнать их во избежание еще большего кровопролития и обилия жертв. В Воронежской губернии ряд погромов.

Тут подъехал Сухомлинов. От него узнали радостную весть, что государь распустил Госуд. думу и что Столыпин назначен первым министром с оставлением министром вн. дел. От Риттиха слышал потом, что при этом известии многие юнкера крестились.

10 и 11 июля. Лагерь киевского училища. — Обед и ужин с офицерами. Опасались, не вызовет ли роспуск Госуд. думы волнений и беспорядков, но, к счастию, везде тихо и спокойно.

Уже собирался лечь спать, когда Риттих пришел сказать мне, что от Данкварта и нескольких юнкеров он слышал о существовании в училище некоторого числа молодых людей, преимущественно из студентов, зараженных вредными учениями и старающихся распространить их среди товарищей. Самым вредным из них считают Аносова (старшего класса). Эти юнкера тайком собираются на сходки в роще за инспекторской дачей и читают незаконные книжки; Аносов позволял себе оскорбительные речи о государе. Юнкера, остающиеся верными, тщетно доводили об этом до ближайшего начальства: оно не давало их докладу дальнейшего хода, покрывая покровительствуемых им студентов. До начальника училища это еще не доходило.

Решил, что надо предупредить Коссовича и поговорить с твердым в своих верноподданных убеждениях юнкером (тоже из студентов) Сорокиным, и это удалось мне на другое утро.

Была сторожевая служба старшему классу впереди лагеря в сосновой роще. Случайно встретил Сорокина, отошел с ним подальше и услыхал от него все то, что он говорил Риттиху. Потом поговорил с Коссовичем, советуя ему быть осторожнее и опасливее; передал то, что

узнал о митингах и офицерах, мирволящих пропаганде, постарался его запугать. Но в своем легкомыслии Коссович склонен спокойно верить, что у него в училище все тихо и благополучно. Надеюсь, мне удалось внушить ему некоторое недоверие к этому воображаемому спокойствию.

15 июля, в вагоне, Москва. — Поезд тронулся из Киева в 1-м часу ночи на 12 июля. Продолжали пить чай. Риттих, Пузиновский и я. Юноша рассказал, что когда юнкера, проводив меня, возвратились в свой лагерь, встретился им какой-то хулиган, сказавший про меня: «И охота вам провожать всякую сволочь!» — Они его схватили, привели в лагерь, передали дежурному офицеру и доложили о словах, произнесенных пойманным. Тут пошел между юнкерами разлад: одни, с Аносовым во главе, возмущались насилием над вольным гражданином, другие, напротив, одобряли товарищей, взявших хулигана. Оставшийся за старшего Данкварт стал разбирать, в чем дело; многие юнкера просили избавить их от Аносова. —Пузиновский рассказал еще, что за несколько дней Данкварт собрал у себя юнкеров из полочан, известных ему еще с корпуса, и просил внимательно следить за неблагонадежными юнкерами и записывать каждые их слова, шаг и поступок. Итак теперь, надо думать, все, что есть нежелательного в училище, выплывет на чистую воду.

16 июля. Петербург. — Митя передавал, что Госуд. дума была распущена ввиду добытых правительством сведений, что в ней составился заговор, имевший целью овладеть всеми банками. Опасались больших беспорядков; в Петербург было стянуто много войск. Но общественное спокойствие почти не нарушалось. Если правительство заберет в руки твердую власть и не будет бездействовать, революцию удастся подавить.

19 и 20 июля. Стрельна. — В Свеаборге военный мятеж с участием финской «красной гвардии».

Новый мятеж в Кронштадте, успешно подавляемый Енисейским полком.

21 июля. — Мятежи в Свеаборге и Кронштадте подавлены, на «Памяти Азова» тоже. Много убитых офицеров. Грозят общей политической забастовкой. Забастовали в Петербурге конки, пароходы и многие рабочие.

23 июля. Петергоф. — Обедали с женой в Петергофе у Елены (Милашевич): она пригласила американца, профессора истории в университете близ Сан-Франциско — Лянфильда или Ленгфильда, много раз бывшего в России и недурно говорящего по-русски. Любопытно было слышать его мнения о современном нашем положении. В общем, он полагает, что революция начинает терпеть неудачу, что во-время распущенная Госуд. дума и сорвавшиеся мятежи в Свеаборге

и Кронштадте, а также не прошедшая всеобщая забастовка значительно подорвали власть революционеров.

24 июля. Стрельна. — Забастовка (всеобщая политическая), объявленная революцонными союзами, не удалась им; бастовала только небольшая часть заведений и рабочих. Думаю, что это добрый знак. Первому министру Столыпину не удалось составить кабинет при участии некоторых членов бывшей Госуд. думы и общественных деятелей: не могли сговориться.

28 июля. Петербург. — Вызвал Бородкина, которого привлекли в комиссию по борьбе с революционной пропагандой, а также расспрашивал о киевском училище, с которым он познакомился зимой, когда разбирал виновность заподозренных в неблагонадежности артиллерийских офицеров арсенала, преподававших в училище. Вызвал также преподавателя этого училища Якубинского и расспрашивал о положении дела среди офицеров и юнкеров.

30 июля. — Мы взволновались с Митей, когда после завтрака у их величеств на ферме (по случаю рожденья цесаревича была обедня в Александрийской церкви) Николаша передал, что государь зовет нас к себе. В приморском дворце были, кроме нас, Владимир, Николаша, Петюша. Государь позвал нас в кабинет и сказал, что аграрное движение, охватившее всю Россию, побуждает его подумать о том, что царствующему дому следует стать во главе уступок земли неимущим крестьянам, уступок, предполагаемых и в Государственных имуществах, и в кабинетских владениях, и в насильственном отчуждении частновладельческих земель, решаясь на продажу крестьянам 1 800 000 десятин удельной земли, состоящей у крестьян в аренде. Николаша и Петюша поддакивали. Владимир горячо ополчился на это предложение, говоря, что, если надо принести жертву, то следует зрело обдумать, насколько она будет целесообразна и кого удовлетворит, что если эта мера является только уступкой дерзким заявлениям, высказанным в бывшей Госуд. думе, то следует помнить, что уступки никого не удовлетворят; что мы видели за последний год, к чему привели уступки, и что если на требование отдать руку—уступишь, то доберутся и до головы. Кроме того Владимир указал, что мы, члены царствующего дома, здесь далеко не все в сборе и что такой важный вопрос нельзя решать, не спросив всех членов семьи, из которых иные совершеннолетние и имеют совершеннолетних сыновей. Государь согласился на заявление Владимира потребовать положительных указаний о числе лиц, которые воспользовались бы предполагаемой продажей удельных земель.

5 августа. Стрельна. —В Варшаве массовые убийства полицейских, городовых, жандармов, солдат. Давно пора туда кого-

нибудь вроде покойного виленского Муравьева. Правительство у нас, несомненно, слабо.

9 августа. — Митя, Николаша, Петюша, Николай, Георгий и Сергей, а также Владимир с сыновьями Борисом и Андреем и я были позваны к государю в фермерский дворец на совещание. Были там еще министры: вн. дел — Столыпин, финансов — Коковцов, земледелия — кн. Васильчиков, двора — барон Фредерикс и начальник управления уделов кн. Кочубей. Обсуждался вопрос, по которому государь созывал нас 30 июля. Николай предложил, ввиду политической необходимости, пойти навстречу безземельным крестьянам, не продавать арендуемой земли, а пожертвовать ее. Но, вникнув в это предложение, пришли к заключению, что жертва будет настолько ощутительна для некоторых членов семьи и что потеря доходов настолько сократит наше содержание, что жертвовать невозможно. Решили всетаки-землю продавать.

12 августа. — Грабежи и убийства по всей России продолжаются. Грабители, убийцы большей частью благополучно скрываются.

В воскресенье прочли в газетах об ужасном покушении, совершенном на жизнь первого министра Столыпина в его даче на Аптекарском острове, причем сам Столыпин уцелел, а сильно пострадали его дочь и сын; много убитых и раненых.

14 августа. — Накануне на Ново-Петергофском вокзале неизвестной женщиной убит командир л.-гв. Семеновского полка свиты е. в. ген. Мин. Революционеры этим отомстили за его решительные действия по подавлению восстания в Москве.

20 августа. — Ходил на пристань смотреть на бушующие волны. Публика стала заметно менее приветлива; многие не кланяются, очевидно, намеренно.

25 августа. Павловск. — Читал «Нов. время»: правительство заговорило — появилось правительственное сообщение, смысл которого в том, что, не отступая перед реформами, необходимо проявить твердую власть для борьбы с крамолой. Учрежден полевой суд для быстрого разбирательства преступных деяний.

13 сентября. — Утром в Павловске закончились молебном учительские курсы. Нынешний год настроение учителей было менее желательно, чем прежде. Даже случилось раз, что некоторые из них в вагоне распевали неподходящие песни.

29 сентября. — Гуляли с Олей пешком. Она сочинила письмо бывшему председателю бывшей Госуд. думы Муромцеву по поводу приема английской депутации с выражением сочувствия чле-

нам бывшей Госуд. думы. Киреев взялся письмо это передать в «Нов. время», где оно сегодня и напечатано.

14 октября. Нижний-Новгород. — Проведя сутки безвыходно в вагоне, часов в 9 утра, в солнечную погоду, при легком морозе, прибыли в Нижний, на вокзал над правым берегом Оки. Встретил вице-губернатор, бывший гвардейский артиллерист Бирюков. Ни губернатора, ни епископа в городе не было, и мне не предстояло никаких отлучек из корпуса. Прямо туда и проехал. В швейцарской ожидал меня новый директор генерал Войтин-Мудрас-Жилинский, знакомый мне по виленскому юнкерскому училищу, которым он прекрасно командовал года 4—5. Слывет он человеком умным, добрым, сильным и твердым. Эти качества очень желательны в директоре Аракчеевского корпуса, который много лет не имел строгого и решительного начальника. Когда я вошел в швейцарскую, 2-я рота проходила через нее в столовую к завтраку. Я не предупреждал о своем посещении, а потому не было никакой встречи, и никто не надевал мундира.— В прошлую зиму были в корпусе большие непорядки; быть может, в них отчасти косвенно сказался отголосок безобразного неустройства, охватившего всю русскую школу, хотя в корпусе не было примеси политического брожения. Главной причиной непорядков во 2-й роте были нерешительность бывшего директора Дамье и несоответствие своему назначению корпусных офицеров. Зимой я посылал в Нижний А. Д. Бутовского, благодаря воздействию которого дело наладилось. Позднее и в 1-й роте был случай беспорядка, и я тогда предложил генералу Дамье уйти. Бунтовавшие в прошлом году кадеты 2-й роты теперь перешли в 1-ю. Протеста, неудовольствия, непослушания теперь среди них не замечалось нисколько, но при этом бросалась в глаза какая-то особенная неотзывчивость, и чем старше кадеты, тем эта черта наблюдалась сильнее. Надо однако признать, что с каждым днем, даже с каждым часом эта холодность и замкнутость заметно исчезали и на третьи сутки моего пребывания совсем растаяли. Так, в первый день прихожу, положим, в 1-ю роту; командуют «смирно». Я даю «вольно», а кадеты, вместо того, чтобы сбежаться ко мне, разбредаются по зале. Но чем долее я оставался в корпусе, тем теснее и многочисленнее становился круг обступавших меня кадет.

Меня поместили как и в 1904 году, в угловой комнате квартиры директора, окнами на Волгу.

Не могу отделаться от слабости преимущественного тяготения к кадетам, в ущерб служащим, с которыми, если и разговариваю, то больше по обязанности, чем по влечению. Как всегда, меня особенно тянуло к кадетам старших классов, среди которых я сразу запоминал и в лицо, и по фамилиям довольно многих.

3 ноября. Павловск. — За обедом С. Ф. Платонов, к общему нашему ужасу, рассказывал о возмутительных, царящих в Петербургском университете порядках: ссылаясь на одного из своих коллег-профессоров, Платонов привел его сравнение университета с общественной грелкой: всякий, кому вздумается, прямо с улицы идет туда, как бы ни был одет; в коридорах, даже в аудиториях — ходят в шапках и курят, и никто с этим безобразием не может справиться.

Показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев.

Арестованный 23 апреля 1849 г. Ф. М. Достоевский был привлечен по делу кружка М. В. Буташевича-Петрашевского. Публикуемые материалы в виде отдельных показаний Ф. М. Достоевского показывают его участие в этом кружке либеральной молодежи 40-х годов. Показания эти извлечены из «следственного дела об отставном инженер-поручике Ф. М. Достоевском» [1]; в этом деле находится и то большое показание («объяснение») Достоевского, которое давно известно по не совсем точной публикации в журнале «Космополис» (1898 г. № 9, стр. 193—212) и в сборнике «Петрашевцы». Перед показаниями печатаются здесь две выписки: одна из «списка лицам, посещавшим с 11 марта 1849 г. собрания Петрашевского», другая — из «дела». В выписках формулированы обвинения, предъявленные Достоевскому. В донесениях агента III отделения Антонелли Достоевский назван присутствовавшим еще на собраниях 18 марта. В показаниях своих Достоевский отрицает свое присутствие на собраниях 11 и 18 марта, так как с 1 по 25 марта был болен; не был он, по его показаниям, и на собрании 25 марта. Достоевский признал свое участие в заседаниях 1 и 15 апреля и в ряде собраний, бывших в 1848 г. На собрании 15 апреля Достоевский прочел письмо Белинского к Гоголю, а 1 апреля он слышал речь Петрашевского о необходимости реформы в государстве и Головинского — об освобождении крестьян.

В кружок Петрашевского Достоевский вошел весной 1847 г. До этого Достоевский был членом другого кружка — братьев Бекетовых, который по случаю отъезда Бекетовых в начале 1847 г. в Казань распался. Отдельные его члены (Плещеев, Ханыков, Достоевский) сблизились после этого с многочисленным кружком Петрашевского. Сам Достоевский довольно точно определяет дату своего вхождения в этот кружок. В одном из показаний он говорит, что его знакомство с Петрашевским состоялось при участии Плещеева весной 1846 г. (перед отъездом Достоевского в Ревель к брату Михаилу Михайловичу); но «пошел к нему в первый раз, — как показывал Достоевский о себе,—уже около поста сорок седьмого года» [2]. Пребывание Достоевского, Плещеева и других членов распавшегося бекетовского кружка в кружке Петрашевского было непродолжи-

---

[1]) ЛОЦИА, фонд воен. мин-ства, аудит. деп., 4 отд., 1 ст., 1849 г., № 55, ч. 26, лл. 59—112.

[2]) «Голос минувшего» 1915 г., № 11, стр. 25.

тельно. В ноябре или в конце октября 1848 г.,— как рассказывал в своих показаниях Спешнев,—некоторые, «которым почему-либо не нравилось общество Петрашевского, вознамерились перестать посещать его и открыть свой салон. Так пришли ко мне в одно время Плещеев и Достоевский и сказали, что им хотелось бы сходиться со своими знакомыми в другом месте, а не у Петрашевского» [1]). Таким образом через полтора года после вступления в кружок Петрашевского, по инициативе Плещеева и Достоевского, произошло отделение некоторой части членов кружка в новый кружок.

В состав этого последнего кружка вошли, кроме Плещеева и Достоевского, Филиппов, братья Ламанские, Дуров, Тимковский и др. Был еще кружок «чистых фурьеристов», собиравшийся у Кашкина, но к нему Достоевский не имел отношения. При кажущемся единстве взглядов этих кружков, занимавшихся изучением и уяснением системы взглядов представителей утопического социализма — Р. Оуэна, Кабэ, Фурье, Прудона и др., кружки расходились между собой по некоторым вопросам. Некоторые видят причину образования новых кружков в склонности Достоевского, Плещеева, Дурова, Палкина и др. к «чистому искусству», в том, что эти лица «наскучили политикой пятниц» Петрашевского и ушли от него. Маловероятно, будто мнение Петрашевского о том, что в «литературе нашей нет содержания и идей, что литераторам надо учиться», могло оттолкнуть целую группу. Более вероятно то объяснение, которое видит причину разрыва в различном понимании этими группами самых о с н о в учения французских утопистов. Несомненно, группа, отколовшаяся от Петрашевского, в основном не была солидарна с ним. Показания Достоевского, публикуемые здесь, подтверждают это. В том, как Достоевский обрисовал выступление в кружке Петрашевского в конце ноября 1848 г. приехавшего из Ревеля восторженного фурьериста Тимковского, чувствуется ироническое отношение Достоевского к фурьеристам. Напомним, что и в большом своем показании Достоевский подчеркивает «мирный» характер системы Фурье. Если Спешнев, член кружка Петрашевского, входивший также и в кружок Дурова, был убежден, что «без революции государства не может быть, и утверждал, что переворот, долженствующий быть в России для улучшения настоящего ее быта, должен быть насильственный», то Достоевский стоял за мирный путь реформы. Да и кто у нас думает о республике? Если и предстоят реформы, то даже для тех, кто желает их, будет ясно, как день, что должны эти реформы истечь именно из «авторитета» («авторитетом» Достоевский называет самодержавие. — *Н. Б.*). О социализме он писал в своем большом показании так: «Фурьеризм — система мирная; она очаровывает душу своею изящностью, обольщает сердце тою любовию к человечеству, которая воодушевляла Фурье, когда он создавал свою систему, и удивляет ум своею стройностью. Привлекает к себе она не желчными нападками, а воодушевляя любовью к человечеству. В системе этой нет ненависти. Реформы политической фурьеризм не полагает; его реформа — экономическая. Она не посягает ни на правительство, ни на собственность, а в одном из последних заседаний палаты Виктор Консидеран, представитель фурьеристов, торжественно отказался от всякого посягновения на фамилию. Наконец, эта система — кабинетная и никогда не будет популярною. Фурьеристы во время февральского

[1]) Там же, стр. 39—40.

переворота ни разу не вышли на улицу, а остались в редакции своего журнала, где они проводят свое время уже слишком двадцать лет в мечтах о будущей красоте фаланстеры». «Но, без сомнения, эта система вредна, — добавляет Достоевский, — во-первых, уже по одному тому, что она система. Во-вторых, как ни изящна она, она все же утопия, самая несбыточная. Но вред, производимый этой утопией, если позволят мне так выразиться, более комический [подчеркнуто Достоевским], чем приводящий в ужас». Из этого видно, как понимал Достоевский фурьеризм.

Если Спешнев стоял за революцию, то Достоевский — за реформу, пытаясь отстаивать существующий порядок. В этом различии обнаружились те две тенденции в развитии капитализма (прусская и американская), какие отстаивали в России в 40-е годы, как и в 60-е, разные социальные группы дворянства и буржуазии. Достоевский отстаивал путь реформы. «Со всею искренностью говорю, — подчеркивает Достоевский, — что весь либерализм мой состоял в желании всего лучшего моему отечеству, в желании безостановочного движения его к усовершенствованию». Считая идеи социализма — «эти новые идеи в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества», Достоевский однако не сочувствовал давнишней мысли Спешнева об устройстве общества для освобождения крестьян. Достоевский разделял основные положения утопического социализма, но понимал эти идеи по-своему, реформистски выдвигая мирные стороны в этой системе.

Недавно ставшие известными материалы (напр. письмо Ап. Н. Майкова к П. А. Висковатому) говорят о более серьезном участии Достоевского в кружке, чем оно рисуется по делам следственной комиссии и показаниям Достоевского. В показаниях Достоевского нет также и вопросов к нему относительно увлечения его в последнее время перед арестом Луи-Бланом. Однако все это еще спорно, и значение показаний Достоевского этим не умаляется.

Приговором военного суда Достоевского, вместе с Пальмом и Головинским, было определено «за недонесение о распространении письма Белинского и сочинений Григорьева лишить чинов и всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием». Казнь была заменена каторгой. Так Достоевский заплатил за участие в «заговоре идей», в кружке Петрашевского.

Н. Бельчиков.

Выписка из «списка лицам, посещавшим с 11 марта сего [1849 г.] собрания Петрашевского по пятницам».

Достоевский 1-й, Федор Михайлович, отставной инженер-поручик, литератор.

Жительство: 1-й части 2 кварт. на углу Малой Матросской и Вознесенского проспекта в д. Шиля, в 3-м этаже, в квартире Бремера.

Один из важнейших [1]).

---

[1]) Подчеркнуто красным карандашом.

Примечание: 11-го [1]), 25 марта и 1 апреля был на собраниях и принимал участие 1 апреля в прениях о трех вопросах: свобода книгопечатания, освобождение крестьян и преобразование судопроизводства, соглашаясь с мнением Головинского. 15 апреля был на собрании и читал в заседании письмо Белинского в ответ Гоголю. Письмо это в самых дерзких и преступных выражениях, и [2]) оно принадлежит Филиппову. По словам Петрашевского, братья Достоевские и Майковы разыгрывают первую роль в обществе литераторов.

Выписка из дела «об отставном инженер-поручике Достоевском I».

Подсудимый Достоевский, 27 лет, из дворян, поступил в кондукторскую роту Главного инженерного училища кондуктором в январе 1838 г., произведен в офицеры в августе 1841 г., с оставлением в училище для продолжения наук в офицерских классах; произведен по экзамену в подпоручики в августе 1842 г., выпущен из училища с назначением в чертежную инженерного департамента в августе 1843 г., а в октябре 1844 г. уволен от службы в отставку с чином поручика. По показанию Достоевского, он занимался литературой, участвуя в некоторых журналах.

По донесению агента, подсудимый Достоевский был на собраниях у Петрашевского 1 и 15 апреля. На первом собрании рассуждалось о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и освобождении крестьян, а на собрании 15 апреля сам Достоевский читал переписку литераторов Гоголя и Белинского, где Белинский, разбирая положение России и народа, говорит в неприличных и дерзких выражениях о православной религии, о судопроизводстве, законах и властях. Письмо это заслужило восторженное одобрение общества, и положено было распустить оное в нескольких экземплярах.

Из лиц, опрошенных по сему предмету, подсудимые Ахшарумов, Тимковский, Ястржембский и Филиппов показали, что Достоевский, действительно, читал на собрании у Петрашевского означенную переписку Белинского и Гоголя; причем из них Филиппов присовокупил, что эту переписку он писал с рукописи Достоевского, который дал ее

[1]) В донесениях Антонелли Достоевскому приписывалось присутствие на собрании еще 18 марта.

[2]) По другой выписке: «говорит о православной религии, о судопроизводстве, законах и властях». «Письмо, исполненное дерзкого вольнодумства» — так иначе характеризовалось знаменитое письмо в ответ на «Избранные места переписки с друзьями».

ему за несколько времени перед тем и просил хранить в секрете, а впоследствии взял обе рукописи себе.

Кроме того подсудимые Момбелли и Ахшарумов показали, что Достоевский был и на том вечере у Петрашевского (в декабре 1848 г.), когда подсудимый Тимковский читал речь, в которой, по показанию Момбелли, рассуждал о прогрессе, фурьеризме, коммунизме и пропаганде, потом предлагал разделить мир на две части, отдав одну часть на опыт фурьеристам, а другую — коммунистам, и кончил советом устроить кружки, на которых занимались бы исключительно вопросами коммунизма, и чтобы хозяева тех кружков собирались в свой кружок для рассуждения о вопросах спорных и труднее решаемых [1]).

Сверх того, из числа подсудимых, в отношении действий Достоевского, показали:

Студент Филиппов, что подсудимый Достоевский посещал вечера коллежского асессора Дурова, из коих на одном Момбелли читал рассуждение о том, что все они более или менее с одинаковым направлением и образом мыслей должны теснее сближаться между собою, дабы, под влиянием друг друга, тверже укрепиться в этом направлении и успешнее поддерживать свои идеи в общественном мнении, а сам он, Филиппов, предлагал заняться общими силами разрабатыванием статей в либеральном духе, вменив себе в обязанность распространять свои мнения и представлять в разоблаченном виде все несправедливости законов, все злоупотребления и недостатки в организации нашей администрации. В другой же раз он, Филиппов, прочел рукопись из «Слова верующего», сочинение Ламенэ, а Достоевский — переписку Гоголя с Белинским, и когда присутствовавшие пожелали иметь с этой рукописи списки, то предложено было завести домашнюю литографию, но Достоевский убедил всех, что мысль эта безрассудна.

Помещик Спешнев, — что на обеде у него в то время, когда Григорьев читал статью преступного содержания, под названием «Солдатская беседа», в числе прочих был и Достоевский и что, кроме того, Достоевский посещал и вечера подсудимого Плещеева, на которых была читана юмористическая статья под заглавием: «Петербург и Москва» и рассуждалось о возможности печатать заграницею запрещенные книги.

Коллежский асессор Дуров и поручик Пальм, — что Достоевский в бытность на вечерах Дурова читал переписку Белинского и Гоголя, о других же действиях его они не объясняют ...[2]).

---

[1]) Следующий далее пересказ объяснений Достоевского здесь опускается.

[2]) Далее опускается пересказ объяснений Достоевского по этим показаниям.

При арестовании подсудимого Достоевского в бумагах его были найдены:

1. Письмо к нему от Плещеева, присланное из Москвы, в котором Плещеев поручает Достоевскому передать поклон всем, кто бывает по субботам у Дурова, и упоминает о впечатлении, произведенном пребыванием императорской фамилии в Москве [1]).

2. Записка от Белинского, заключающая в себе приглашение Достоевского в собрание у одного лица, с которым он не был еще знаком.

3. Две запрещенные книги под заглавием: одна «Le Berger de Kravan», а другая: «La célébration du dimanche».

Первый допрос Ф. М. Достоевского [2]).

Г. Достоевскому 1-му.

На предлагаемые здесь высочайше учрежденною следственною комиссиею предварительные вопросные пункты, имеете объяснить по сущей справедливости, коротко и ясно:

1) Как ваше имя, отчество и прозвание, сколько вам от роду лет, какого вероисповедания и исполняли ли в надлежащее время предписанные религией обряды?

— Федор Михайлов Достоевский, двадцати семи лет от роду, вероисповедания православного, грекороссийского. Обряды, предписанные религиею, исполнял в надлежащее время.

2) Кто ваши родители и где они находятся, если живы?

— Отец мой был штаб-лекарь, коллежский советник Достоевский. Моя мать происходила из купеческого звания. Оба умерли.

3) Где вы воспитывались, на чей счет и когда окончили воспитание?

— Воспитывался в Главном инженерном училище, на собственный счет. Окончил воспитание свое, по выходе из офицерских классов Главного инженерного училища, в тысяча восемьсот сорок третьем году.

4) Состоите ли на службе, когда вступили в оную, какую занимаете должность и какой имеете чин; также не находились ли прежде сего под следствием или судом и, если были, то за что именно?

---

[1]) Письму этому придавалось значение, потому что в нем писалось: «Царь и двор встречают здесь очень мало симпатии. Все, исключая разве лиц, принадлежащих ко двору, желают, чтобы они скорее уехали. Даже народ как-то не изъявляет особенной симпатии» и т. д. (дело, ч. 6, л. 129).

[2]) Допрос, первый по времени и формальный по характеру, состоящий из следующих 7 пунктов, не датирован, вопросные пункты подписаны: «производителем дела статским советником Шмаковым» (дело № 26, л. 57—58). Ф. М. Достоевский обозначен 1-м по всей вероятности потому, что в это время еще не был освобожден его брат Михаил Михайлович.

— Поступил на действительную службу, по выходе из верхнего офицерского класса Главного инженерного училища в тысяча восемьсот сорок третьем году, в чертежную инженерного департамента. Вышел в отставку в тысяча восемьсот сорок четвертом году с чином поручика. Под судом или следствием, до сей поры, никогда не бывал.

5) Имеете ли недвижимое имение или собственные капиталы, а если нет, то какие имели вы средства к пропитанию и содержанию себя и своего семейства, если его имеете?

— По смерти родителей наследовал вместе со всем семейством нашим оставшимся после них недвижимым имением, числом около ста душ, состоящим в Тульской губернии. Но в тысяча восемьсот сорок пятом году, по взаимному соглашению с родственниками, отказался от следуемой мне части в имении за единовременно выплаченную мне сумму денег. В настоящее время не имею ни недвижимого имения, ни капиталов. Средства же к содержанию себя получал через литературную работу, чем и существовал до сих пор.

6) С кем имели близкое и короткое знакомство и частые сношения?

— Совершенно откровенных сношений не имел ни с кем кроме как с братом моим, отставным инженер-подпоручиком Михайлою Достоевским. Приятельских же знакомств имел несколько; ближе всех с семейством художника Майкова, с доктором медицины Яновским, с Дуровым, с Пальмом, с Плещеевым, с Головинским и с Филипповым. Частые сношения имел с моим братом Михайлою, с доктором Яновским, у которого лечусь уже два года от моей болезни, и с Андреем Александровичем Краевским по поводу близкого моего участия в издаваемом им журнале «Отечественных записках».

7) Какие были ваши сношения внутри государства и заграницею?

— Кроме петербургских знакомств, сносился с родственниками моими в Москве. Заграницею сношений не имел никаких.

Отставной инженер-поручик

Федор Михайлов Достоевский.

Отдельные вопросы [1]).

Давно ли вы знакомы с Петрашевским?

— Я знаком с Петрашевским ровно три года. Я увидал его в первый раз весной 1846 г.

Федор Достоевский.

---

[1]) После этого первого формального допроса, следуют отдельные вопросы, каждый на особом листе, видимо предъявлявшиеся в течение следствия разновременно, но не датированные. Подписаны вопросы ст. сов. Шмаковым (лл. 59—112).

Что вас побудило познакомиться с Петрашевским?

— Знакомство наше было случайное. Я был, если не ошибаюсь, вместе с Плещеевым, в кондитерской у Полицейского моста и читал газеты. Я видел, что Плещеев остановился говорить с Петрашевским, но я не разглядел лица Петрашевского. Минут через пять я вышел. Не доходя Большой Морской, Петрашевский поровнялся со мною и вдруг спросил меня: «Какая идея вашей будущей повести, позвольте спросить?» Так как я не разглядел Петрашевского в кондитерской, и он там не сказал со мною ни слова, то мне показалось, что Петрашевский — совсем посторонний человек, попавшийся мне на улице, а не знакомый Плещеева. Подоспевший Плещеев разъяснил мое недоумение: мы сказали два слова и, подошедши до Малой Морской, расстались. Таким образом Петрашевский с первого раза завлек мое любопытство. Эта первая встреча с Петрашевским была накануне моего отъезда в Ревель, и увидал я его потом уже зимою. Мне показался он очень оригинальным человеком, но не пустым, я заметил его начитанность, знания. Пошел я к нему в первый раз уже около поста сорок седьмого года.

Федор Достоевский.

Часто ли посещали вечера его?

— В первые два года знакомства я бывал у Петрашевского очень редко [1]); иногда не бывал по три, по четыре месяца и более. В последнюю же зиму я стал ходить к нему чаще [2]). Но также из месяца в месяц. Впрочем не ровно. Иногда бывал два раза сряду, другой раз пропускал целый месяц. Так, например, в марте месяце я не был ни разу. Стал я ходить чаще из любопытства; кроме того, я встречал там некоторых знакомых. Наконец, сам принимал иногда участие в разговоре, в споре [3]), который, оставаясь неоконченным в один вечер, невольно позывал меня итти в другой раз и докончить спор.

Федор Достоевский.

Сколько бывало людей на вечерах этих и кто из них постоянно посещал эти вечера?

— Десять, пятнадцать, двадцать и даже иногда двадцать пять человек.

Из знакомых Петрашевского я до сих пор не знаю некоторых по фамилии. Так, например, фамилии Ахшарумова, Берестова я узнал уже во время ареста. Также точно и Кропотова, которого я видел, кажется,

---

[1]) Эта фраза подчеркнута в подлиннике карандашом.

[2]) Фраза подчеркнута карандашом.

[3]) «Сам принимал»... и т. д. — подчеркнуто красным карандашом и отмечено нотабене.

всего только один раз у Петрашевского. Что же касается до Кошина, то я его и в лицо не знаю и у Петрашевского никогда не видал. С иными я сошелся ближе, чем с другими. Впрочем не всякое знакомство было сделано у Петрашевского. Из ближайших мне были: Плещеев, Дуров, Пальм. Кроме того, я знал младшего Дибута, Кайданова, Львова, Момбелли, Баласогло, Филиппова. Они бывали у Петрашевского довольно часто, но, помню, что бывали они не всякий раз. Кайданов был раза четыре в зиму, Кузьмин один раз, Плещеев раза четыре, не более. Старшего Дибута я почти не помню. Он, брат его, Кайданов, Пальм почти никогда не принимали участия в общем разговоре. Из введенных мною к Петрашевскому были Головинский и мой брат. Головинский собирался ехать в Казань. Узнавши о том от меня, случайно, Петрашевский сказал, что ему бы хотелось послать письмо в Казань с Головинским, и я вызвался привести Головинского к нему. Головинского же я склонил итти потому, что он уже знал прежде о Петрашевском по слухам, и раз об нем у меня спрашивал. Я повел Головинского собственно только затем, чтоб показать ему Петрашевского и его знакомых, зная, что ему придется быть у Петрашевского не более двух раз до отъезда, т. е. что я не навяжу скучного и неприятного знакомства ни тому, ни другому, за краткостью срока этого знакомства. Головинский был всего два раза.

Брат мой Михайло Достоевский познакомился с Петрашевским тоже через меня, когда жил со мною вместе, по приезде из Ревеля. Петрашевского он увидал в первый раз у меня и был приглашен им на вечера; я повел брата, чтобы доставить ему знакомство и развлечение, ибо по приезде из Ревеля он никого не знал в Петербурге и скучал по своем семействе. Но брат мой никогда не принимал никакого участия в разговорах у Петрашевского. Я не слыхал, чтобы он сказал хоть два слова. Все бывавшие у Петрашевского знают это. Ходил он реже меня, и, если ходил, то ходил из любопытства и потому, что, будучи человеком семейным, весьма небогатым, трудящимся, отказывающим себе почти во всех наслаждениях, он не мог отказать себе в единственном развлечении: поддерживать весьма небольшой круг знакомства, чтобы не одичать в домашнем кругу совершенно. Я говорю это к тому, что брат познакомился с Петрашевским через меня, что в этом знакомстве я виноват, а вместе в несчастии брата и семейства его. Ибо, если я и другие в эти два месяца заключения вытерпели только тоску и скуку, то он выстрадал в десять раз более в сравнении с нами; он от природы сложения слабого, наклонен к чахотке и, сверх того, мучается душою о *погибшем* семействе своем,[1] которое должно буквально и *неизбежно* погибнуть от тоски, лишений и *голода* в его отсутствие. И потому этот арест должен быть для

него буквально казнью, тогда как виновен он менее всех. Я считал себя обязанным сказать это, ибо знаю, что он не виноват ни в чем, и не только словом, но даже мыслию. — Чаще всех бывали Чириков, Деев и Мадерский, но те жили в доме Петрашевского.

Федор Достоевский.

Известно, что в собрании у Петрашевского 11 марта Толь говорил речь о происхождении религии, доказывая, между прочим, что она не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна. — Сделайте об этом объяснение.

— Я слышал обе речи Толя о религии [1]) от Филиппова, который сказал мне, что он на нее возражал. Самого же меня в тот вечер у Петрашевского не было.

Федор Достоевский.

На собрании у Петрашевского 18 марта Ястржембский говорил речь о науках и, между прочим, объяснял, что статистика, по настоящему, должна называться не статистикою, а общественною социальною наукою, но, как великий князь [2]) велел называть ее статистикою, то — нечего делать, надобно ее так и называть [3]). Сделайте об этом объяснение.

— Не был [4]) и не слыхал. В марте месяце с 1-го до 25-го числа я был нездоров и выходил из дома разве по самонужнейшим надобностям.

Федор Достоевский.

Известно, что в собрании у Петрашевского 25 марта говорено о том, каким образом должно восстановлять подведомственные лица против властей. Дуров утверждал, что всякому должно показывать зло в самом его начале, т. е. в законе и государе. Напротив, Берестов, Филиппов, Кайданов и Баласогло говорили, что должно вооружать подчиненных противу ближайшей власти и, переходя таким образом от низших к высшим, невольно, как бы ощупью, довести до начала зла. Сделайте об этом объяснение.

— В этот раз меня у Петрашевского не было [5]). Слышал об этом разговоре от Филиппова.

Федор Достоевский.

---

[1]) Подчеркнуто карандашом.

[2]) Михаил Павлович.

[3]) По донесениям Антонелли, в этой речи, кроме того, Ястржембский говорил, что «все науки, и в особенности статистика, показывают прямо на социальное правление как наилучшее», вся речь была «усеяна солью на здешнее чиномание, на государя, которого он называл богдыханом» и пр. (дело, ч. 2, л. 21).

[4]) Подчеркнуто карандашом.

[5]) Подчеркнуто карандашом.

При тех же разговорах Филиппов сказал: «Наша система пропаганды есть наилучшая, и отступать от нее — значит отступать от возможности исполнения наших идей». Объясните эти слова.

— Не был в собрании и потому не спрошен [1]).

В собрании у Петрашевского 1 апреля Петрашевский, говоря о цензуре, объяснял, что, хотя она и стесняет возможность большего развития, но приносит и ту пользу, что, вычеркивая все нелепости из какого-нибудь сочинения, она дает этому сочинению вид дельный и порядочный; напротив, если бы цензура была уничтожена, то явилось бы множество людей, влекомых личными побуждениями и страстями, которые хотя своими талантами заслужат место в истории литературы, но за всем тем будут служить препоною [2]) к развитию человечества и к достижению цели, им всем любезной. Объясните.

— Слышал подобное мнение [3]) от Петрашевского.

Федор Достоевский.

На том же собрании, при разговоре об освобождении крестьян, говорено было, что идеею каждого должно быть освободить этих угнетенных страдальцев, но что правительство не может освободить их, ибо без земель освободить нельзя; освободив же с землями, должно будет вознаградить помещиков, а на это средств нет, освободив же крестьян без земель или не заплатив за землю помещикам, правительство должно будет поступить революционным образом; но каким образом приступить к освобождению крестьян без воли правительства, в этих словах не объясняется. — Объясните о мерах, к тому предполагаемых.

— Весь этот разговор слушал [4]). Слова Головинского припоминаю; он говорил с увлечением, но окончательного вывода, того, где сказано, что освободить нужно бунтом, не припоминаю и утверждаю, что разошлись безо всякого разрешения на этот вопрос. Все кончилось большим спором.

Ф. Достоевский.

При словесном объяснении я согласился, что Головинский сознает возможность внезапного восстания крестьян, самих собою, потому что они уже достаточно сознают тяжесть своего положения [5]). В этом и заключался вопрос, мне предложенный, но я его не понял вначале. Но считаю себя обязанным прибавить, что Головинский выражал эту

[1]) Написано карандашом.
[2]) «Препоною» и дальше подчеркнуто карандашом.
[3]) Фраза подчеркнута карандашом.
[4]) Фраза подчеркнута карандашом.
[5]) Фраза подчеркнута карандашом.

идею как факт, а не как желание свое; ибо, допуская [1]) возможность освобождения крестьян, он далек от бунта и от революционного образа действия. Так мне всегда казалось из разговоров с Головинским.

Ф. Достоевский.

В опровержение сказанного Головинским Петрашевский говорил, что при освобождении крестьян должно непременно произойти столкновение сословий, которое, будучи бедственно уже само по себе, может быть еще бедственнее, породив военный деспотизм или, — что еще хуже, — деспотизм духовный. — Объясните, что подразумевалось под военным деспотизмом и деспотизмом духовным?

— Помню, что Петрашевский опровергал Головинского. Ответа Головинского ясно не припоминаю, хотя помню, что он пустился в довольно длинное развитие. Может быть, я был развлечен в эту минуту посторонним разговором. Не припоминая совершенно, как было дело, я не могу отвечать ясно на этот вопрос, а потому принужден оставить его без ответа.

Федор Достоевский.

Что же касается до Петрашевского, то припоминаю, что он говорил о необходимости реформ: юридической и цензурной, прежде крестьянской, и даже вычислял преимущества крепостного [2]) сословия крестьян перед вольным при нынешнем состоянии судопроизводства. Но не упомню хорошо, что означали слова: военный и духовный деспотизм. К тому же Петрашевский говорил иногда темно и бессвязно, так что его трудно понять.

Федор Достоевский.

На том же собрании Петрашевский, говоря о судопроизводстве объяснял, что «в нашем запутанном, многосложном и с предубеждениями [3]) судопроизводстве справедливость не может быть достигнута, и если из тысячи примеров и явится один, где она достигается, то это происходит как-то ненарочно, случайно; что одно судопроизводство возможно, в котором достигалась бы цель его, т. е. справедливость, — это судопроизводство публичное juri». — Сделайте о сем объяснение.

— Было сказано [4]).

Фед. Достоевский.

В том же разговоре Петрашевский объяснял, что не следует требовать перемены в судопроизводстве, а всеподданнейше просить об

---

[1]) «Допуская» и дальше — подчеркнуто карандашом.

[2]) «Необходимости реформ... преимущества крепостного» подчеркнуто карандашом.

[3]) «Многосложном и с предубеждениями» подчеркнуто карандашом.

[4]) Подчеркнуто красным карандашом.

этом, потому что правительство, и отказавши и удовлетворивши просьбе, поставит себя в худшее положение. Отказавши просьбе сословию, оно вооружит его противу себя, и идея наша идет вперед. Исполнивши просьбу, оно ослабит и себя и даст возможность требовать большего, и все-таки идея наша идет вперед. — Объясните об этом.

— Это было говорено. Смысл, по-моему, ясен сам по себе, без объяснения.

Федор Достоевский.

В этом же собрании Головинский говорил, что перемена правительства не может произойти вдруг, но что прежде надо утвердить диктатуру. — Дайте об этом объяснение.

— Несмотря на отдаленность времени я старался собрать все мои воспоминания об этом вечере и, припомнив многие из разговоров [1]), никак не мог припомнить, чтоб были сказаны такие слова о нашем правительстве. Головинский принимался говорить во всеуслышание два раза: первый раз он говорил о насущности крепостного вопроса, о том, что все заняты этим вопросом и что, действительно, участь крестьянина достойна внимания. Во второй же раз, отвечая Петрашевскому, он поддерживал свое мнение о том, что разрешение вопроса о крестьянах важнее требования юридической и цензурной реформ. В оба раза он говорил довольно коротко, первый раз не более десяти минут, во второй не более четверти часа, — об этом воспоминания мои точны, — и в оба раза начал и кончил только разговором о крестьянах, не вдаваясь в другие темы. В такой краткий срок он не мог бы коснуться ни до чего другого, кроме вышеприведенных тем, на которые он говорил. Но чтоб заговорить о таком пункте, как перемена правительства, да еще вдаваться в подробности (ибо если он говорил, что не вдруг может измениться правительство, то необходимо должен был сказать хоть несколько слов в объяснение своего мнения уже по самой важности темы; да, к тому же, как изложено в предложенном мне вопросе, он и действительно вдался в подробности, потому что, как приводится в вопросе, предложил меру, то есть сказал «что надо утвердить диктатуру» и необходимо, естественно, должен был сказать хоть два слова о том, какую диктатуру), то, повторяю, заговоря на эту тему и необходимо вдаваясь в подробности, он вдруг перескочил бы от своей прежней темы к совершенно другой; кроме того, заговорил бы о таком пункте, о котором и слова не было до его речи; в третьих, сделал бы это по какому-нибудь поводу, а повода ему дано не было; наконец, должен бы был проговорить гораздо более четверти часа, или, положим, 20-ти минут. (Насчет времени про-

[1]) «Из разговоров» и до конца фразы подчеркнуто карандашом.

должения речи Головинского я надеюсь на точность моих воспоминаний и надеюсь также, что никто не покажет противного.)

Следственно, если даже и было сказано что-нибудь подобное, то оно было сказано, по всем вышеизложенным мною причинам, до того вскользь, мимолетом, между словами, с таким незначительным смыслом, что неудивительно, если я не только позабыл теперь об этих словах, но даже пропустил их и тогда, в минуту самого разговора. Кроме того, и сказаны были, по моему мнению, не эти слова, а только что-нибудь подобное этим словам, например, что так бывает вообще при перемене какого-либо правительства, а не нашего правительства.

Я написал выше: «если даже и было сказано». Этими словами я вовсе не хотел утверждать, что показание на Головинского было сделано неверно. Но я только хотел сказать, что этим словам Головинского (если даже они и были сказаны), очевидно, придан преувеличенный смысл, и желал доказать это уже одной физической невозможностью, недостатком времени для разговора на такую важную, новую тему, не упоминая уже о необходимости перескока с прежней темы на новую, которая, уж неизвестно мне, как и по какому поводу, вышла. Итак, может быть, он и сказал это, хорошо не упомню, но вскользь и вообще, а вовсе не как желание перемены нашего правительства.

В одном из ответов моих на вопрос, предложенный мне о Головинском, я сказал, что знаю Головинского лично, знаю идеи его и никогда не слыхал от него о желании исполнения идей его бунтом и вообще всяким насильственным образом. Подтверждаю и теперь, что о перемене правительства я никогда не слыхал от него ни слова [1]). Головинский всего чаще говорил о положении крестьян, потому что увлекался этим вопросом, и, помнится, даже и не говорил никогда на какую-нибудь другую тему, если только разговор начинался в таком роде. По крайней мере, я не слыхал ничего подобного.

Федор Достоевский.

«Сейчас только я припомнил, что в одном из разговоров моих с Головинским, один на один, у меня на квартире, мы заговорили о крестьянах и о возможности их освобождения. Так как я очень интересовался этим вопросом, то и спросил Головинского, каким образом он полагает возможность освобождения крестьян, не разорив помещиков, то есть при вознаграждении помещиков [2]), представляя ему, что иначе вопроса и нельзя разрешить, ибо нашего времени помещик

[1]) Фраза подчеркнута карандашом.
[2]) Так в подлиннике.

не сам поработил крестьян, а случилось это до него за два столетия, то есть в этом он нисколько не виноват, а теряя право на крестьянина, он теряет работника, следовательно — капитал. Я очень хорошо помню, что Головинский не только согласился с этим, но даже сказал мне, что, по его идее, нет прямой невозможности освободить крестьянина с вознаграждением, что, напротив, вознаграждение возможно, и даже сказал несколько слов о какой-то финансовой мере, по которой бы можно было, рассрочив на несколько лет платеж, выплатить все сполна. Но о мере этой, так как она изложена была очень вскользь, и мы были прерваны, я не упомню. Я привел это воспоминание к тому, чтоб показать, что Головинский не желает революционного и всякого насильственного образа действия [1]), что, по моему окончательному мнению, он только занят сильно крестьянским вопросом, потому что этот вопрос интересен сам по себе и достоин внимания, и останавливается на мерах мирных, возможных, а не сокрушающих. Вот с какой стороны я знаю Головинского.

Федор Достоевский.

Известно, что на собрании у Петрашевского 15 апреля Петрашевский читал речь по поводу отдания первенства вопросу о судопроизводстве и, между прочим, говорил, что переменою судопроизводства откроются и все прочие недостатки, и что восстания нельзя предпринимать без уверенности в совершенном успехе, что перемены судопроизводства можно достигнуть законным образом, требуя от правительства таких вещей, в которых оно не может отказать, сознавая их справедливость, и что, достигнувши перемены в судопроизводстве, можно будет требовать у правительства и других перемен. — Дайте о сем объяснение и покажите, по какому случаю вы читали на этом собрании письмо Белинского к Гоголю?

— Так как это в идее Петрашевского, то оно могло быть сказано. Я же после чтения находился в другой комнате, кажется, с Кайдановым и Пальмом.

Я прочел письмо Белинского Гоголю, вызвавшись сам при свидании с Петрашевским у Дурова. Я дал обещание и уже не мог отказаться от него. Петрашевский напомнил мне об этом обещании уже у себя на вечере. Впрочем, он и не знал и не мог знать содержания письма. Я его прочел, стараясь не выказывать пристрастия ни к тому, ни к другому из переписывавшихся. По прочтении письма я не говорил об нем ни с кем из бывших у Петрашевского. Мнений об этой переписке тоже не слыхал. При чтении слышны были иногда отрывочные восклицания, иногда смех, смотря по впечатлению, но из этого я

[1]) «Революционного... действия» подчеркнуто карандашом.

не мог заметить чего-нибудь целого. К тому же, быв занят чтением, я не могу даже сказать теперь, чьи были восклицания и смех, которые были слышны. Сознаюсь, что я поступил неосторожно.

Ф. Достоевский.

По более зрелом обсуждении вопроса я нахожусь вынужденным дать некоторое объяснение на мой ответ. В вопросе приведена следующая фраза, в которой обвиняется Петрашевский: «...и что восстания нельзя предпринимать без уверенности в совершенном успехе...»

Я отвечал выше, что все, что предлагается в вопросе, в идее Петрашевского. Этими словами я подразумевал только известное желание Петрашевского о переменах и улучшениях в судопроизводстве, — желание, исполнения которого он ожидает прежде всего. Что же касается до слов о восстании, то долгом считаю сказать, что я никогда не слыхал от Петрашевского никаких проектов о восстании ни наедине, ни среди общего разговора, что с этой стороны Петрашевского не знаю и потому не могу сказать, чтоб и эти слова были в его идее. Находясь во время речи в другой комнате, не могу ничего сказать об этих словах положительного, но догадываюсь и предполагаю, что они были сказаны не в виде проекта, насущного и необходимого, а только фактически, как доказательство невозможности всякого восстания вооруженной рукой. Убежден же я потому, что сам заметил неоднократно, что Петрашевскому очень не нравилось, когда кто не удержавшись говорил у него на вечерах слишком резко и неосторожно. Я заметил тоже, что он всегда старался как-нибудь замять подобный промах и чье-нибудь неблагоразумное слово.

Но этим объяснением моим я не могу и отнюдь не желаю ручаться в чем-нибудь за Петрашевского, за его тайные намерения, если они есть у него (которых я никогда не знал), и за его сокровенный образ мыслей. Может быть, мне, действительно, придется сознаться, что я знал его еще менее того, чем предполагал знать. Не хочу тоже и оправдывать словами моими и его уже известный мне образ мыслей. Нет, но я привожу мое объяснение, единственно побуждаемый чувством справедливости. Я должен сказать истину. И потому повторяю, что излишне резкого слова, так, например, о бунте, о восстании вооруженной рукой, Петрашевский не мог сказать в виде желания у себя на вечере, т. е. таким образом, как будто бы эта фраза, взятая отдельно в виде трактата о средствах к восстанию и к бунту, могла, в свою очередь, послужить темою для разговора в другую пятницу. Подтверждаю и повторяю еще, что собрания Петрашевского вовсе не были такого рода, на которых бы толковалось о средствах к бунту [1].

[1]) Фраза подчеркнута карандашом.

В воспоминаниях моих я не нахожу ни одной подобной речи или мысли, изложенной или самим Петрашевским или кем-нибудь из его посетителей на его вечерах. Наконец, я твердо уверен, что, если б Петрашевский и позволил себе такие темы для разговора или допустил бы другого кого-нибудь развивать подобную идею, то в следующую пятницу у него не было бы посетителей [1]). По крайней мере, я могу поручиться за тех, кого я знаю. Не говоря уже о тайных побуждениях и о сокровеннейших планах Петрашевского и каждого из его посетителей (предполагая только возможность существования этих планов), не говоря об них и нисколько не оправдывая отрицанием их вечера Петрашевского, я хочу только сказать, чтобы заключить мое объяснение, что Петрашевский и гости его не могли быть так неблагоразумны, чтобы делать з а г о в о р [2]), если бы даже и хотели того (о чем опять говорю, отнюдь не утверждая, но в виде предположения), таким откровенным, неосторожным и безрассудным образом.

Я должен был дать это объяснение и для того, чтобы сказать истину, и для того, чтобы не бросить предшествовавшим ответом моим опасной и несправедливой тени подозрения на многих из бывавших у Петрашевского, которых мнения я знаю близко и за которых даже могу поручиться.

Федор Достоевский.

(Окончание следует.)

---

[1]) Фраза отчеркнута карандашом.
[2]) Это место отчеркнуто карандашом.

Из записной книжки архивиста.

После первого марта 1881 г.

Еще совершенно почти незатронутою темою является вопрос о том, какой отклик нашло 1 марта как в различных классах западно-европейского общества, так и в различных классово-политических группировках внутри России. Несомненно, что и то и другое могло бы дать немало для понимания самой «Народной воли»; во всяком случае такое изучение было бы одним из вспомогательных средств, которые поставили бы на твердую почву вопрос о той роли, которую сыграла деятельность «Народной воли».

Что отклики Запада представляют немалый интерес — об этом говорит не один документ. Пресса Зап. Европы после 1 марта полна была сообщений из России, о характере которых может дать некоторое представление хотя бы следующая выдержка из одного письма Л. Гартмана В. И. Иохельсону от 1 мая 1881 г. относительно лондонской прессы: «Лондонские газеты «Standart», «Daily Telegraph» и «The Globe»,—пишет Гартман, — просто удивляют меня своими корреспонденциями из России. В них каждый день и по сейчас огромные корреспонденции из России, переданные по телеграфу (в 2—3 тысячи строк), и передовые статьи, выставляющие нигилистов и Исполнительный комитет чем-то всемогущим в России. Последняя корреспонденция в «Standart» говорит: «спросите любого из 80 милл. русских, чего он хочет, и он передаст свои желания, тождественные требованиям, выраженным в недавней прокламации of the famous Executif Comitee нигилистической партии (т. е. ужасного или знаменитого Исполнительного комитета нигилистической партии). «Но это лишь капля среди всей массы восторгов перед Исполнительным комитетом».

Однако интерес не обозначал еще ни в малейшей мере сочувствия, тем паче одобрения. Последнее нашлось, конечно, только у революционеров. Очень хорошо известен эпизод со статьею анархиста Иоганна Моста, который напечатал в своей эмигрантской «Freiheit» торжествующую статью, по поводу 1 марта, начинавшуюся словами: «Триумф, триумф», и поплатился за это тюремным заключением и невозможностью участвовать в анархистском конгрессе 1881 г.[1]). Так, например,

[1]) Rocker, Johann Most, Berlin, 1925. — Из донесений кн. Лобанова и Давыдова, наших лондонских дипломатов, узнаем не лишенные интереса детали этого дела. Инициатором преследования Моста, как немецкого эмигранта, явился германский посол, представивший лорду Гренвилю ноту о том, что подобные «излишества угрожают опасностью государям», и запрашивавший, дают ли возможность английские законы «наложить узду на них». Конфиденциально эта немецкая нота была сообщена и русскому послу

в Женеве, центре международной эмиграции того времени, 18 (6) марта в кафе «Schiess» состоялось собрание с участием русских, французских и итальянских эмигрантов, на котором после речей Кропоткина и др. была принята резолюция, гласившая: «Принимая во внимание, что Александр II, изображаемый мировой буржуазией (la bourgeoisie universelle) в качестве освободителя русского народа, проявил себя за все время своего правления исключительно убийствами, виселицами, высылками (среди них — 70 тысяч поляков) группа швейцарских рабочих заявляет, что Александр-вешатель вполне заслужил смерть, которую ему уготовали русские анархисты». А 21 (9) апреля, за подписью ряда организаций, там же появилось печатное объявление по поводу казней первомартовцев, в котором эти казни рассматриваются как «неслыханное варварство, заслуживающее осуждения и протеста со стороны всего цивилизованного мира» [1]). Во Франции манифестации приобрели значительный характер и завершились двумя судебными процессами. 25 апреля вместо запрещенного собрания в помещении цирка Фернандо состоялось собрание в зале Леви, с 1200 участниками. Как сообщал парижский агент, на этом собрании «Луиза Мишель, среди неистовых аплодисментов публики, сравнивая себя с древними пророчицами, предрекала конец царствования и близкую кончину государя императора, называя его «гатчинским вешателем». Французская полиция во все время этой, по выражению агента, «чудовищной по своему безобразию сцены» «воздерживалась от всякого вмешательства». Второе собрание 10 (22) мая состоялось уже в цирке Фернандо с участием 22 наших эмигрантов (Лаврова, Плеханова, Турского, поляка Лимановского и др.). Повидимому, именно второе собрание послужило поводом к судебному процессу, который превратился опять-таки в демонстрацию сочувствия русской революции. Как сообщает агент, «зала суда была переполнена русскими эмигрантами и амнистированными коммунарами, поведение которых превзошло всякие пределы приличия». Впрочем даже симпатии суда, повидимому, были не на стороне самодержавия: «прокурор не нашел ни одного слова осуждения безобразным апологиям цареубийства, появившимся в радикальной прессе; защитительная речь Сегондинья, редактора «Citoyen de Paris», была переполнена резкими выражениями и площадной возмутительной бранью, причем председатель не счел нужным ни разу прервать его». Из 10 обвиняемых 8 было оправдано.

Второй процесс был процессом пе-

с предложением присоединиться. Однако Александр III счел это преждевременным (его резолюция на телеграмме Давыдова об этом: «Лучше до времени подождать»), что, повидимому, объясняется маловероятным на первый взгляд фактом, что английская полиция «конфиденциально» предоставила для просмотра бумаги Моста русскому посольству, и там «ничего существенного для нас», как пишет кн. Лобанов, не оказалось. Не лишено, конечно, интереса с точки зрения внутриполитической английской и то, что Гренвиль просил сохранить в тайне ноту относительно Моста, чтобы «сохранить за действиями английского правительства самопроизвольный характер — caractère de spontanéité». (Архив Революции и Внешней Политики, фонд мин. иностр. дел, депеши кн. Лобанова от 28 марта и Давыдова от 20 марта и 10 и 15 мая 1881 г.)

[1]) Сообщения Гамбургера из Берна от 29 июля (10 августа) 1881 г. в деле деп. полиции, 3 декабря 1881 г., № 1333. «Сообщения дипломатических агентов о заграничных нигилистах и русских эмигрантах», лл. 33—37.

чати, на котором в виде подсудимых фигурировали «La Révolution sociale», «Le Citoyen de Paris», «Le Juvénal» и рошфоровский «L'Intransigeant». Нам известны, к сожалению, лишь цитаты из статьи Рошфора, где он пишет о том, что «бомба Орсини... сделала для России то, что стрела Вильгельма Телля сделала для Швейцарии, то, что эшафот Карла I сделал для Англии и что эшафот Людовика XVI сделал для нас. Свобода всех народов процвела на крови угнетателей». Процесс кончился осуждением всех четырех редакторов, причем все, кроме Рошфора, были присуждены к 3—6 месяцам ареста и 2000 франкам штрафа, а Рошфор отделался только штрафом. Рошфор приводит в своих воспоминаниях и свою защитительную речь (в которой фантастики столько же, сколько и вообще в его сообщениях о русских делах) и характеризует общую обстановку суда: это был «довольно неловкий шаг в том смысле, что он дал обвиняемым превосходный случай заклеймить деспотизм, который иногда приходится терпеть и выносить, но который ни в коем случае не может быть защищаем» [1]). На другом из связанных с первым марта фактов, который привлек к себе внимание также буржуазной прессы, на вопросе об отмене смертной казни, висевшей над головой Геси Гельфман, мы уже останавливались на страницах «Красного архива» [2]).

[1]) Архив Революции и Внешней Политики. Еженед. записки по департаменту полиции, 1881 г., лл. 4 об. — 22 об.; донесения Орлова от 16 (28) марта 1881; Вера Засулич и народовольцы в воспоминаниях Анри Рошфора, «Голос минувшего», 1920—1921, стр. 91—93.

[2]) «Красный архив» 1930 г., т. XL, стр. 176—184.

Приведенные в печати сообщения о протестах на Западе можно дополнить еще несколькими. Известно, что Рошфор в «L'Intransigeant» призывал к устройству демонстраций протеста. Об одной из таких демонстраций сообщает наш консул в Марсели Гарелли: «3 (15) мая около 100 чел. с красным флагом манифестировали перед консульством с возгласами: «Долой царя, да здравствуют социалисты-революционеры, да здравствует Геся Гельфман!». О размерах, которые приобрела вообще эта агитация во Франции, можно судить по телеграммам Орлова от 9 (21) и 11 (23) мая. В первой он пишет о сообщениях французской радикальной печати относительно смерти Гельфман и о том, что ее пытали (резолюция Александра III: «Можно официально сообщить, что это вздор»), а во второй, не получив еще повидимому, ответа, запрашивает: «могу ли я сообщить, что Геся Гельфман жива и не родила? Это существенно, чтобы прекратить агитацию, вредную для наших финансовых и общественных интересов». Также и в Лондоне, как об этом узнаем из доклада директора департамента полиции, «немецкая социальная колония» собралась для вынесения протеста против содержания под стражей Геси Гельфман (депеша Гарелли от 4 (16) мая и Орлова от 9 (21) и 11 (23) мая; всеподд. записка по департаменту полиции от 1 июня 1881 г.).

Общее отношение западно-европейской прессы и общества было лучше всего характеризовано статьею поль-

Пользуюсь случаем привести обращение по этому поводу Людвига Варынского от имени редакции «Równość». Оно было послано на митинг, состоявшийся в Париже 22 мая 1881 г. по инициативе «Citoyen» и «Ni Dieu, ni maître».

«Граждане и гражданки! Вы собрались, чтобы протестовать против тирании деспота Александра III. Отец его, царствование которого было только рядом тираний и нечеловеческих поступков, пал под ударами революционного правосудия. Граждане Парижа! Вы знаете этого ти-

ского социалистического органа «Równość», органа Варынского, Мендельсона, Дикштейна и др., которые в одинаковой мере хорошо были ориентированы в русских отношениях и в отношениях западно-европейских. «Równość» привела в этой статье ряд конкретных враждебных выпадов буржуазии против русских революционеров и им сочувствующих революционеров Запада со стороны такого учреждения, как английский парламент (по поводу ареста Моста в связи с упомянутой выше его статьею), со стороны бернских студентов и т. п. Задавшись целью объяснить, чем вызвано это столь враждебное отношение западно-европейской буржуазии, еще недавно проделавшей ряд революций, к грядущей русской революции, результатом которой должно быть установление тех же начал буржуазного строя, «Równość» находила решение этого вопроса в изменившихся социальных отношениях Запада: там буржуазия находилась уже на грани новой революции, революции пролетариата, которая грозит ее господству, и всякое революционное потрясение, где бы оно ни произошло, может послужить толчком к началу этой революции. Поэтому-то буржуазия Запада, всецело признающая гнилость русского строя и необходимость его реформы, желающая установления буржуазных порядков в России, приветствует как средство для достижения этой цели только закулисную сделку с самодержавием, но никак не революцию. Единственно только революционеры, — констатирует «Równość», — являются на Западе сторонниками русской революции.

Для изучения вопроса о том, как 1 марта сказалось внутри России, мы обладаем лишь, — правда, довольно значительным, — печатным материалом (периодическая печать того времени и мемуарная литература). На основании этого материала можно с достаточною полнотою изучить настроение господствующих классов, но для изучения настроений рабочих и крестьян в связи с 1 марта он не дает ничего или почти ничего. В нижеследующих замечаниях будет сделана попытка дать некоторый ма-

---

рана, вы помните еще деяния 18 лет тому назад, совершенные вешателем в Польше. Вы собрались перед лицом правосудия. Забывши о тирании, которая над вами тяготела, вы хотя и увлеклись войною во имя человечества, но правительство Наполеона III, устрашившись вашего протеста и дрожа за свое существование, успокаивало вас несбыточными обещаниями. За Польшею Кавказ, а потом народные восстания в России, преследования раскольников, словом — все, что осмеливалось выразить протест против тирании, было облито кровью, не было границ самоуправству и насилию. Сначала казацкая нагайка, пуля, виселица пытались смирить бунт. Затем выступили социалисты и обратили на себя все преследования. Они приняли вызов. Мы видели эту борьбу, начатую горстью героев, посвятивших себя на смерть. Восхитимся же ими. 21 виселица Александра-вешателя не устрашила социалистов-революционеров и не уничтожила их. Царь-палач умер, но тирания забирает новые жертвы. Сын, наследник, превзошел своего отца. 5 виселиц, которые он поставил, вступая на престол, бледнеют перед муками беременной женщины, Геси Гельфман. Граждане Парижа! Соединитесь для протеста против новых варварств и тирании русских деспотов. Пусть будет проклят тиран, который из мести проливает кровь своих подданных! Пусть будет проклят отец, пусть будет проклят и сын! Слава непреклонным борцам, погибшим в этой неравной борьбе! Да сохранится навсегда память о них в нашей среде! Слава тем, кто страдает за народ!

Женева. 20/V. 1881.

За редактора Людвиг Варынский». (Дело департамента полиции, 3 делопр. 1884 г., № 527, «О Людвиге Варынском и др.», лл. 5—6).

териал именно для освещения этого вопроса.

В исторической литературе последних лет появились работы, основанные на материалах местных архивов: воронежского, тверского и киевского, которые задавались целью ответить на поставленный нами вопрос [1]).

Несомненно, что это обследование местных архивов весьма существенно, так как мы можем утверждать, на основании знакомства с соответствующими делами центральных архивов, что значительная часть местных событий до сведения центра не доходила. Однако характер этих дел довольно однообразен: это по большей части «дерзкие» или «неуважительные» отзывы о верховной власти. Не повторяя уже приведенных в печати фактов, укажу на несколько других, имевших место в различных местностях империи в ближайшее время после первого марта. Факты эти укажут, какую разнообразную реакцию вызвало первое марта в различных классово-политических и национальных группах. О крестьянстве будет речь ниже. Но вот примеры из сферы сельского духовенства. Дочь сельского священника, Евгения Васильевна Кочергина, столкнулась 4 или 5 марта в волостном правлении с крестьянами, рассуждавшими о том, будет ли восстановлено крепостное право (см. об этом ниже). Когда Кочергину спросили: «Правда ли это, барышня, что крестьяне опять будут за панами», она ответила, что это неправда и что этого не будет, но кто-то из мужиков сказал, что если этот государь не за панов, то и его убьют, и она возразила ему что это не так легко убить его, т. е. царя, и что он, может быть, даст конституцию, тогда ничего этого, может быть, не будет. Про конституцию Кочергина заговорила потому, что кто-то из толпы сказал: «Чего они хотят?», причем подразумевал социалистов; когда же кто-то из крестьян спросил, что означает это слово, она сказала, что «конституция означает ограниченное правление, т. е. что царь, без общего совета, без представителей народа, не может важный какой-нибудь вопрос сам решить» [1]). Вот другой аналогичный случай. 4 марта 1881 года к старосте села Лычина, Мещовского уезда, после схода крестьян пришел дьячок означенного села Федор Смирнов. Оставшиеся у старосты крестьяне Кузнецов и Ядрвитов, зная, что Смирнов читает газеты, обратились к нему с вопросом: «Кто убил в бозе почившего государя императора?» и «Кто после него будет царем — брат или сын?» На это Смирнов отвечал относительно события 1 марта, что это дело темное, все делали тайком, относительно же второго вопроса — «что царя не будет, так как их не признают за царя, присягать им не будут и не будут подписываться». На вопрос же крестьянина Ядрвитова: «За что убили царя?» Смирнов стал объяснять, что убили за то, что он неправильно делал, отобрал подданных, а сам имел подданных, что господа этого не хотят, а хотят, чтобы было, как во Франции, т. е. республика, а что в республике будут выбираться для управления лица, как это делается в селе при выборе старшины или старосты, и что выбираться не будут непременно из царской фамилии, а кого пожелают и кто достоин, а то это неправильно — пускай сначала заслужит царь, тогда он может быть им, — почему

---

[1]) И. Тарадин. «Отголосок 1 марта 1881 г. в Воронежской губ.», «Известия Воронежского Краеведческого общества», 1926, № 7—12; И. Полосин, «Мужицкий отклик на 1 марта», «Каторга и ссылка» 1926 г., № 3, стр. 157—163; Л. Берман, «После 1 марта 1881 г.», в сборнике «Народовольцы», т. III, М. 1931, стр. 275—286.

[1]) ЛОЦИА, фонд министерства юстиции, 1881 г., № 8173, «О дочери священника Евг. Вас. Кочергиной», лл. 4 об.—5 об.

у нас не делается, чтобы сын занимал без заслуги место отца, между тем по престолонаследию это так и делается: сын, ничем не заслуженный, садится на место отца [1]).

Аналогичные отклики видим и у городского учительства. Екат. Смирнова, учительница Владимирского женского городского училища, говорит, что «народ требовал конституцию, на которую он (Александр II) не соглашался, за то его и убили. Ежели и этот не даст, то и с ним покончат так же» [2]). Учителя арзамасских училищ Михаил Гуляев и Александр Авдиенко 7 марта вели аналогичный разговор. На замечание Гуляева, что «за дело его убили, он — непосредственный палач», Авдиенко ответил обстоятельным рассуждением: «Известная вещь, мы добиваемся, чтобы не было царского рода, и чтобы народ управлялся собою»; при выносе тела Александра II последует-де взрыв и погибнет вся царская семья: «Тогда последует переворот, вся артиллерия будет на нашей стороне, и будет конституция» [3]). Эти примеры можно было бы умножить. Они имеют значение постольку, поскольку указывают, в какие слои в то время проникло требование радикальной политической реформы. Однако в других откликах можно уловить явно и классовый антагонизм дворянства и буржуазии, и национальный мотив. Когда 2 апреля 1881 г. в Ржеве мещанин Семенов толкует о 1 марта, то он видит в этом дело «паршивых дворян», — они накопили недоимки, им только государя убивать» [1]). Национальный момент в связи с руссификаторской политикой в Польше и Литве, в особенности после подавления восстания 1863 г., явственен, например, в нижеследующем инциденте между двумя дворянами, литовским и русским, в Россиенском уезде, бывшей Ковенской губ. Когда 24 апреля 1881 г. землевладелец Осип Ровкевич потребовал от арендатора Адама Легецкого арендной платы, тот возразил: «За что я тебе буду платить аренду, когда это земля не твоя, а моя, так как тот, кто давал русским поселенцам землю, уже убит, а кто будет и теперь давать землю, то и этому будет то же самое, потому что остались люди живые, хотя повесили 6 человек, но еще 1000 есть таких» [2]). В Хотине Мотя Кенигсберг 3 мая, под очевидным воздействием антиеврейских погромов на юге России, рассуждает, что «с евреями нехорошо поступал покойный государь и ныне царствующий поступает так же, убили того, убьют и этого» [3]). Можно было бы привести ряд других примеров того, что первое марта создало впечатление неустойчивости власти и возможности ряда новых потрясений (этот мотив звучит и в только что отмеченном суждении Кенигсберга и, еще выше, у Мих. Гуляева) и что оно порождало самые фантастические слухи. Так например, в Ужвентах, Шавельского уезда, 5 марта 1881 г., когда был собран сход для принесения присяги, рядовой запаса Бонавентура Заврак спрашивал, кому будут присягать — Владимиру Александровичу или наследнику (Александру III), так как «наследник престола Александр Александрович арестован на 3 года за подведение мин на железной дороге близ

[1]) ЛОЦИА, фонд министерства юстиции, 1881 г., № 8235, «О дьячке Федоре Самойловиче Смирнове», лл. 11—12.

[2]) ЛОЦИА, фонд министерства юстиции, 1881 г., № 8363, «Об учительнице Екатерине Смирновой», лл. 4—4 об.

[3]) ЛОЦИА, фонд министерства юстиции, 1881 г., № 8409, «Об учителях Михаиле Гуляеве и Александре Авдиенко».

[1]) Тот же фонд, 1881 г., № 8313, «О мещанине Ал. Семенове».

[2]) Тот же фонд, 1881 г. № 8478, «О дворянине Ад. Легецком».

[3]) Тот же фонд, 1881 г., № 8502, «О мещанине М. Кенигсберге».

Москвы, и сабля его лежит и до настоящего времени в остроге» [1]).

К сожалению, известный нам архивный материал не дает никаких указаний на отношение рабочих к делу 1 марта. Несомненно, что первое марта не прошло здесь бесследно. Стоит привести один провинциальный эпизод, затерянный в старых газетах. Как сообщал «Голос», в Ростове-на-Дону «в ночь на 7 мая были повсюду расклеены прокламации возмутительного содержания», а также разбросаны по фабрикам и заводам. Через несколько дней, со слов «Донского голоса», «Голос» изложил это дело достаточно подробно. Оказалось, что тогда же «некоторые купцы и именитые граждане города Ростова получили письменные приглашения от Исполнительного революционного комитета обратиться к правительству с требованием каких-то реформ и предложение возвратить рабочим на их заводах и фабриках все денежные штрафы, произведенные ими в последние десять лет, в противном случае комитет грозит кровавою расправою». В тот же день состоялось в городской думе экстренное заседание, на котором «все купцы, фабриканты и заводчики были обязаны подпискою о невыдаче рабочим жалованья в праздничные дни, а относительно самих рабочих приняты те же меры, что и в Харькове, т. е. им объявлено, через хозяев, что на случай каких-нибудь беспорядков, они обязаны, для доказательства своей невиновности, немедленно явиться к месту своих работ, под страхом ответственности за беспорядки». Однако 9 мая «какой-то весьма прилично одетый господин» вновь раздавал на Большой Садовой улице «встречным и окружающим его рабочим прокламации возмутительного содержания». Характернее всего то, что «ввиду опасного настроения рабочих, полиция не решалась вмешаться в это дело, так что неизвестный, отдав последний листок, спокойно сел на ехавшего за ним извозчика и неизвестно куда скрылся». Из дальнейшего узнаем, что в этих прокламациях был и мотив, связанный с происходившим антиеврейским движением: в них рекомендовалось: «перенести свой гнев с евреев на русских купцов и собственников» [1]).

Однако почва среди рабочих была вполне подготовлена для волнений, и любопытно, что из всех откликнувшихся на запрос министра внутренних дел о состоянии умов и возможности волнений в связи с 1 марта губернаторов, именно владимирский, за 5 лет до морозовской стачки, очень решительно заявил о возможности в губернии волнений среди рабочих. Настолько, по его словам, маловероятны в губернии аграрные волнения, настолько, — пишет он 3 июня 1881 г., — небезосновательным является опасение возможности движения в среде фабричного населения, если не будет принято деятельных мер к ограждению его от произвола и эксплоатации нанимателей». И губернатор ходатайствует об оставлении в Шуйском уезде пехотного полка [2]).

Гораздо лучше удается проследить за тем, что происходило тогда в деревне. Нижеследующие документы показывают, что правительство более всего было озабочено тогда именно деревней. До сих пор остается совершенно неизученным аграрное движение в пореформенные шестидесятые и семидесятые годы. А между тем богатый архивный материал этого времени показывает, что даже там, где не было открытого аграрного движения, непрерывно распространялись самые разнообразные слухи о предстоящем «черном переделе»,

---

[1]) Тот же фонд, 1881 г. № 8710, «О Бонавентуре Заврак».

[1]) «Голос», 1881 г., № 131, 137.

[2]) ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, деп. общих дел, 1881 г., № 104, «По циркуляру губернаторам о мерах против распространения ложных слухов».

и что крестьянство ни минуты не думало, что сложившиеся аграрные отношения не будут изменены. Когда к началу 1882 г. новый министр внутренних дел Игнатьев составлял обзор деятельности министерства внутренних дел за восемь месяцев своего им управления, он писал, что «нет сомнения, что в массе крестьян сильно ведутся толки о переделе земель и вообще неопределенное ожидание благ, независимых от их усилий и труда». «Нельзя отрицать,— продолжал Игнатьев, — опасности подобного рода ожиданий, но, чтобы не преувеличивать их значения, нужно иметь ввиду, что они уже давно держатся в народе и сами по себе еще не представляют серьезной опасности». Однако это оптимистическое суждение относительно отсутствия «серьезной опасности» Игнатьев сам опровергает в той же записке, где пишет об «опасениях», которые были вызваны «удручающим впечатлением на народные массы злодеяния 1 марта и распространенными со стороны злоумышленников ложными толками». Игнатьев находит объяснение такого положения дела в том, «что к сожалению, истекшее после освобождения крестьян время не только накопило много неразрешенных вопросов, но в известной мере подорвало доверие к состоятельности правительства в их разрешении. Самые настоятельные экономические мероприятия втечение более 10 лет передавались для обсуждения из комиссии в комиссию и, несмотря на многократные обещания, нередко от имени верховной власти, они не осуществлялись. Некоторые вопросы хотя и были разрешаемы, но никого не удовлетворяли и служили таким образом как бы новым доказательством неспособности притти, при существующих средствах, к правильному их разрешению»[1].

Тревожность крестьянских настроений по всей России сказалась тотчас, но толкование, которое крестьяне давали 1 марта, было далеко от действительного положения дел. Первое поступившее в департамент полиции сообщение рязанского губернатора от 9 марта гласило, что смерть Александра II «много вызывает в народе разных толкований, так, напр., простой народ толкует, что государя убили помещики, не желавшие исполнить воли его, чтобы отдали они землю безвозмездно бывшим своим крестьянам». Эти толки должны были оказать свое воздействие и на местное дворянство, и его-то скорее всего имеет в виду рязанский губернатор, когда несколько далее пишет, что «вообще в обществе мрачное и тяжелое настроение, слышится говор со всех сторон: что-то дальше будет и до чего мы еще доживем?» Паническое настроение сказалось и в том, что после прихода в Рязань 8 марта московского поезда быстро стало распространяться известие, что Александр III «ранен в руку и что будто в Аничковом дворце обнаружены взрывчатые снаряды». Точно так же 22 марта новгородский губернатор сообщал о толках, что Александр II убит «по подкупу дворян». Псковский губернатор 30 марта доносил министру, что в Холмском уезде «между крестьянами появились слухи», приписывающие 1 марта «бывшим помещикам, как недовольным за упразднение... крепостного права»[1]. В одном из сел Псковской губ., Великолуцкого уезда, Бологовской вол., в с. Никольском, эта

[1] ЛОЦИА, фонд министерства внутр. дел, по канцелярии, дело 1881 г., № 256, ч. 2, «О доставлении сведений для обзора», л. 102 об.

[1] Архив Революции и Внешней Политики, фонд департамента полиции, 1881 г., № 188, «О распространении в народе ложных слухов и толкований по поводу события первого марта», лл. 1, 10, 35; 1881 г., № 124, «О распространении в г. Опочке рукописного воззвания возмутительного содержания по поводу события первого марта», л. 13.

версия приняла совершенно конкретные очертания: у прежнего царя было-де предположение сделать перепись и наделить крестьян по семи десятин на душу, царь и убит поэтому по найму дворянами и помещиками (сообщение псковского губернатора от 1 мая).

В указанном выше инциденте с Евгенией Кочергиной дело началось с того, что 4 или 5 марта среди собравшихся в волостном правлении крестьянин, Коваленко говорил, что при вступлении нового государя императора Александра Александровича на престол крестьяне могут быть опять подчинены панам и что в смерти, постигшей государя, виноват Лорис-Меликов, на что волостной писарь возразил ему, что Лорис-Меликов — правая рука государя императора, а Коваленко сказал: «Будь они прокляты, эти правые руки, нехай воны будут прокляты с их правыми руками!» [1]). А в Орловской губ., по словам губернатора, «народ по-своему объяснял преступление 1 марта, в разных местах являлись свои объяснения и назывались разные лица, учинившие преступление, приводились разные поводы для совершения невиданного на Руси святотатства. Открылось новое широкое поле для всевозможных предположений: народ не допускал и мысли, что Рысаков и Михайлов — крестьяне. «Коли крестьяне, так подкупленные, — отвечали мужики тем, которые читали им газеты» [2]).

Толки о происшествии 1 марта не могли не связываться с толками о том, что должно теперь произойти в ближайшем будущем, за дворян ли новый царь или против них и т. п. С первых же дней нового царствования среди крестьянства разных губерний идет слух о восстановлении крепостного права: это было, конечно, логическим выводом из предположения, что Александр II убит дворянами и что новый царь, таким образом, дворянский ставленник. Уже 11 марта смоленский губернатор в мягкой форме доносил, что «среди населения распространяется молва, что будто бы ныне царствующий император неблагосклонно относится к интересам крестьянского населения и предполагает вновь восстановить крепостное право». 18 марта аналогичный слух распространяется в Петроковской губ. «будто в скором времени последует новое межевание, вследствие которого у крестьян будут отбирать землю». По донесению ковенского губернатора (от 23 марта), в губернии разнесся слух, что с воцарением Александра III будет снова восстановлено крепостное право, вследствие чего «население пришло в уныние». Херсонский губернатор сообщает 21 марта о слухах среди крестьян, что «их вновь закрепостят». Те же слухи зарегистрированы и витебским губернатором (донесение от 1 апреля). А в Староконстантинове 22 апреля двое мещан убеждали крестьян, что манифест об обращении их в крепостное состояние уже прислан.

Результатом этих слухов не мог не быть взрыв антидворянских настроений. Мы располагаем лишь двумя сообщениями, но они имеют, конечно, гораздо более общее значение. В уже упомянутом выше донесении псковского губернатора от 30 марта в дальнейшей его части передаются циркулировавшие среди крестьян «предположения, что крепостное право может быть восстановлено». И вот на одном из сходов, крестьяне, собравшись для выполнения верноподданнической присяги, вели между собою такой разговор: «Бояре говорят, что мы опять будем принадлежать им, да и царь через волю убит боярами, ну, если что-либо случится и

---

[1]) Фонд министерства юстиции, 1881 г., № 8173, л. 4 об.

[2]) Фонд министерства внутр. дел, по канцелярии, 1881 г., № 273, «По циркуляру 3 июня № 3346, о противодействии к распространению в народе превратных суждений», л. 1 об.

с этим царем, либо опять крестьян сделают крепостными, так уже мы заступимся — так и пойдем всех косить». Так в апреле и в Черниговской губернии разнесся слух о том, что следует умертвить всех помещиков, так как они стараются закрепостить всех крестьян.

Однако, начиная уже с середины мая, эти единодушные толки о грядущем закрепощении замолкают и сменяются прямо противоположными, говорящими о предстоящем земельном переустройстве. В Вятской губернии, где вначале, по сообщению губернатора, «между крестьянами прошел слух о том, что их опять обратят в крепостное состояние, и некоторые даже обращались с вопросами об этом к местным властям», потом в Сарапульском и Елабужском уездах, прошли новые слухи среди удельных крестьян о предстоящей нарезке земли [1]).

12 мая черниговский губернатор сообщает слухи о предстоящем наделении крестьян по 9 десятин на душу; 15 мая пензенский губернатор доносил о слухе, что «землю отнимут от господ и наделят крестьян»; в июне в Воронежской губернии солдат Бабкин спрашивал у родных: «что у них есть нового о господской земле и отобрали ли ее или нет», а другой солдат, Мухин, писал, что Александр III «объяснил, что будто бы будет отбираться земля от господ»; пензенский губернатор 25 июня передает слух, будто в Кузнецком уезде нарезывают по 10 десятин на душу и податей не будет — действуют два генерала: один нарезывает, другой проверяет; 11 июня калужский губернатор доносил, что некий Куликов говорил: «Вот когда пришло наше время, помучились и будет, земля от господ вся отберется и перейдет нам, время очень близко». Слухи о «черном переделе» носились и в Новгородской губернии (донесение от 29 июля). Наконец, в Переяславле, Полтавской губернии, на одном из базаров даже землевладелец Милькевич говорил крестьянину Голяку: «Обождите немного, скоро дастся вам земля на души — по 5 десятин на каждую душу, что тебе, что мне, что и сыну моему, и тогда мы будем все равны» [1]).

В Нижегородской губернии в ряде уездов мы имеем дело с аналогичными слухами и толкованиями в своеобразной форме. В Балахнинском уезде один крестьянин принес слух, что «царь сделает уравнение, отберет от помещиков землю и отдаст крестьянам»; крестьяне послали вестника ходоком в Нижний-Новгород для проверки известия. В Княгининском уезде в трех селениях «явилось убеждение, что из земель крупных землевладельцев будут выделены крестьянам части для увеличения их наделов, и особенно тех, которые получили даровой или, как они называют, сиротский надел». И здесь уверенность крестьян была, повидимому, столь велика, что они явились к исправнику за разъяснениями. При наличии таких настроений неудивительно, что каждое известие истолковывалось как шаг к намеченным реформам. В с. Спасском, Васильевского уезда, после чтения манифеста 29 апреля, столь далекого от крестьянских ожиданий, возникли толки, что «читался будто бы манифест о переделе земли», и пришлось читать манифест вторично, разъясняя его действительную суть крестьянам. В Нижегородском уезде крестьяне узнают об учреждении комиссии относительно понижения выкупных платежей и, как сообщает губернатор, «по мнению крестьян, комиссия будет рассуждать как об уменьшении выкупных платежей, так и об общем переделе земли». В Архан-

[1]) Указанное дело департамента общих дел, № 104, л. 162.

[1]) Указанное дело департ. полиции 1881 г., № 188, лл. 3, 6, 11, 13, 21, 33, 38, 48, 50, 56, 62, 65; № 124, л. 13—14.

гельском уезде среди мордовского населения в с. Карино дело пошло дальше толков и справок у начальства. После того как в селе было одним крестьянином получено письмо от брата из Астрахани, чтобы крестьяне «не боялись отрезки земли за неплатеж оброка, ибо, напротив, возьмут землю от помещиков и всех наделят поровну», этому поверили, как сообщает губернатор, приостановили полевые работы и перестали удобрять землю; потребовались и здесь разъяснения исправника» [1]).

Кое-где дело дошло и до более серьезных волнений. В уже упоминавшейся записке Игнатьева отмечалось, что «за истекшие восемь месяцев нигде не возникало нарушений порядка, и лишь в Воронежской и Тамбовской губерниях нелепые слухи местами временно затруднили уборку полей». Здесь же вкратце передана и история этих волнений. «В народе ходили толки о том, что царь приказал крестьянам не наниматься на уборку помещичьих и купеческих полей дешевле, чем за 50 или 60 руб. с десятины. Так как этот слух совпал с хорошим урожаем и затруднительною уборкою, то он, конечно, вызвал некоторые затруднения и замедление жнитва, но благодаря энергичному образу действий начальников губерний и непосредственным разъяснениям, крестьяне убедились в нелепости ходивших толков, и поля во-время были убраны» [2]). Документы, исходящие от самих губернаторов, дополняют эту сжатую картину. Прежде всего, воронежский губернатор прямо связывает происходившие у него в губернии события с 1 марта: «возбужденное настроение вследствие катастрофы 1 марта породило вначале в населении много несообразных слухов, из которых наиболее вредный и упорный был в отнятии земли у помещиков и переделе ее крестьянами». К сожалению, нам неизвестны текущие донесения воронежского губернатора втечение весны и лета 1881 г., а годичный отчет губернатора, которым мы пользовались, указывает только, что после выездов по предложению министра внутренних дел «в уезды, где этот слух был более распространен, и после того, как губернатор, насколько мог, опроверг эти слухи в умах крестьян..., к концу марта они почти затихли» [1]). Донесение тамбовского губернатора печатается нами ниже полностью.

Мы видели ранее, что в характере слухов, ходивших в крестьянстве, произошел крупный и решительный перелом. Волнения, связанные с этими слухами, охватили затем, когда этот перелом в общем уже был совершившимся фактом, только две губернии. Нам остается теперь ознакомиться с теми мерами, которые предприняло правительство в борьбе с обоими родами слухов, в одинаковой мере для него опасных.

Вскоре по получении первых же сообщений о слухах, которые могли поднять крестьянство на активную борьбу с существующим порядком, министерство внутренних дел издало 27 марта свой первый циркуляр «начальникам губерний». В качестве одиночных здесь квалифицируются «попытки злонамеренных лиц распространять вредные слухи» о возвращении крепостного права и о дворянстве. Однако само прави-

---

[1]) Указанное дело департамента общих дел, 1881 г., № 104, лл. 39—40.

[2]) Указанный отчет Игнатьева, л. 102 об.

[1]) ЛОЦИА, фонд министерства внутр. дел, 1882 г., № 186, всеподданнейший отчет воронежского губернатора за 1881 г., л. 4 об.; отношение воронежского губернатора от 4 августа 1881 г. связывает волнения в Воронежской губ. с тамбовскими волнениями (фонд мин. внутр. дел, 1881 г., № 273, по канцелярии, «По циркуляру 3 июня 1881 г. о противодействии к распространению в народе превратных суждений», л. 82).

тельство озабочено тем, чтобы благонамеренные разъяснения губернаторов, долженствующие опереться «на глубокую, присущую русскому народу веру в царя, как богоданного блюстителя своей земли и блага своих подданных», не возбудили «народного восстания» и не направили его таким образом в ту же сторону, что и «злонамеренные лица». Даже в том случае, когда дело не ограничивалось слухами, мы видим, что циркуляр предписывает «нарушенный порядок» восстановлять «лично и через лиц вполне надежных и понимающих значение переживаемых Россией дней» (см. ниже № 1).

Непрекращавшиеся втечение апреля и начала мая однородные сообщения о крестьянских настроениях вызвали министерство внутренних дел на новый шаг — циркуляр 23 мая 1881 г., гораздо более решительный. Здесь, как мы видим, губернаторам предписывается уже «немедленный объезд не только уездных городов, но и селений, в особенности тех пунктов, где по тем или другим обстоятельствам возможно предполагать возбужденное настроение умов».

Министерство внутренних дел боялось, как бы крестьянство, встревоженное слухами о том, что предстоит возврат крепостного права, не сделало обратного еще более опасного вывода, что царь — на стороне крестьян и — против дворян, и что, таким образом коренные аграрные стремления крестьянства найдут свое удовлетворение. Особенно в этом циркуляре предписано избегать всяких письменных документов в сношении с крестьянами (см. № 2).

Циркуляр 23 мая послужил толчком к тому, что все губернаторы обратили внимание на возможность волнений. Одни в ответ заявляли в весьма приподнятых патриотических тонах о том, что население «твердо предано престолу и отечеству и никакие неблагоприятные и злоумышленные внушения не могут поколебать его доверия к правительству вообще и благим намерениям монарха в частности» (это писал саратовский губернатор, который здесь же далее сообщал о «подметных письмах и записках», появляющихся в Саратове, и в губернии которого, как нам хорошо известно, и хождение в народ, и землевольческие поселения, и народовольческие кружки оставили следы своей деятельности в небезызвестных и губернатору документах). Другие ограничивались указаниями, что «все спокойно». Третьи излагали местные неурядицы, останавливались на возможности аграрных волнений и на необходимости частичных улучшений положения крестьян (напр., архангельский губернатор относительно шенкурских удельных крестьян). Но интересно в данной связи и другое. Это — «разъяснительная» работа губернаторов. Конечно, им нельзя было обращаться к крестьянам с прямою речью, в которой с какой бы то ни было стороны затрагивался бы земельный вопрос. Сам Игнатьев, тотчас после издания циркуляра 23 мая, спохватился, как бы от него не было беды при недогадливости губернаторов, и послал 3 июня разъяснение, в котором было подчеркнуто не только в начале, что это «доверительный циркуляр», но и в тексте была специально разъяснена его «конфиденциальность». Игнатьев предписывал, чтобы объезды губернаторов касались лишь таких мест, где замечены будут происки крамолы и ложные слухи; там же, где все спокойно, толкования крестьянам могли бы возбудить «неосновательные слухи или надежды и тем принести существенный вред делу». И губернаторы объезжали свои владения то под предлогом ревизии (даже волостных правлений), то под иным предлогом, не раскрывая цели своих объездов [1]).

---

[1]) Указ. дело департамента общих дел, № 104, л. 19 об.—20 об., 30—30 об., — 77, 83.

Но, повидимому, и циркуляр 23 мая не внес успокоения в министерские кабинеты и канцелярии, и через несколько дней, 3 июня, последовал новый документ, еще более характерный, но, как увидим, еще более безнадежный. Министр здесь предложил губернаторам привлечь к успокоению крестьянских умов все местные власти и организации, и дворянство, и духовенство и земство.

Несомненно, что гораздо больший интерес, чем сам циркуляр, представляют те документы, которые были им вызваны. К сожалению мы располагаем отчетами только двух губерний: Тамбовской и Орловской. Полное их в основном единодушие позволяет придать им общее значение. В Орловской губернии все присутствующие на созванном губернатором совещании признавали «единогласно и положительно», что «наличных средств для успешной борьбы» с «людьми, враждебными настоящему государственному строю», «недостаточно», что «явившаяся давно в народе мысль о переделе земли есть последствие его тяжелого экономического положения». Дворянство категорически отказывалось от какого бы то ни было соприкосновения с крестьянством в этой своеобразной агитационной кампании, которая могла бы иметь для него результатом лишь новое возбуждение крестьян. Духовенство оказалось частично под подозрением, и ни дворянство, ни высшая церковная иерархия не могли доверить агитации за самодержавие и права дворянства низшему сельскому духовенству. Вот как передает орловский губернатор суждения расписывающихся в своем бедствии представителей заинтересованных в подавлении крестьянских настроений классов:

«Дворянство и вообще землевладельцы, на которых можно было бы в этом случае рассчитывать, такового (т. е. среди крестьян) доверия, как заинтересованные лично в поземельной собственности, иметь не могут; лица, стоящие во главе крестьянского управления, также не могут иметь этого доверия по той же самой причине и по неимению надлежащей личной власти на местах самого управления; представители полицейской власти могли бы пользоваться доверием, если бы на их обязанности не лежало взыскание с крестьян разного рода недоимок и платежей, а так как это составляет в настоящее время прямую обязанность полиции, то и они не могут возбуждать к себе необходимых для успеха в сем деле расположения и доверчивости крестьянского населения; затем остается духовенство, на которое, казалось бы, можно было бы в сем отношении рассчитывать, но, при настоящем положении духовенства и его полной зависимости от прихода в материальных средствах для существования, это представляется не только не надежным средством, но даже опасным, так как невозможно предположить, чтобы духовенство, находящееся, как сказано, в полной зависимости от прихожан, решилось вступить в борьбу с ложными ожиданиями, волнующими крестьян, не рискуя подвергнуться тяжелым лишениям. Для этого необходимо много христианской добродетели, гражданского мужества и самопожертвования, чего едва ли возможно ожидать от целого сословия; конечно, могут быть исключения, но рассчитывать на исключения в столь серьезном деле нельзя и не следует». Епископ орловский Ювеналий подтвердил эти опасения в очень решительной форме. Когда к нему обратился губернатор и «изложив подробности дела и того участия, которое ожидается в оном со стороны местного духовенства, просил высказать его взгляд, достойный наш архипастырь прямо отвечал мне, что он не может дело такой важности доверить каждому из сельских священников, что, с болью в сердце, он должен заявить, что и в среде духовенства, а в особенности их семейников, имеются лица недостойные, что не все иереи заслуживают

доверия и способны выполнить то, к чему их призывает настоящий циркуляр, что в его епархии, например, в настоящий момент находится до 30 священников, состоящих под следствием и запрещением за разные противозаконные деяния. Он обещал мне лично дать соответствующие указания всем тем, на которых надеется и которые сумеют принести пользу и благодатно повлиять на умы прихожан. Этим самым епископ Ювеналий подтвердил, хотя и косвенно, высказанные лицами, бывшими у меня на совещании, опасения касательно привлечения к участию в этом деле духовенства» [1]).

Полтавские отзывы еще интереснее, отчасти потому, что мы имеем их не в сжатом лишь изложении губернатора, а в изложении самих запрошенных лиц, но еще и потому, что они гораздо решительнее повторяют знакомые нам ноты. Председатель полтавской губернской земской управы «позволяет себе отказывать во всякой роли в борьбе как дворянства, так и земства», и, по его мнению, «в смысле расчета на силы в борьбе такой почтенный элемент, как дворянство и земство, должны быть исключены». Мало того, он «исключает» «из состава действующей армии еще одну часть — духовенство». Но что тогда остается, кроме армейских полков и полицейских нагаек? Отзыв полтавского губернского предводителя дворянства П. А. Устимовича интересен именно тем, что на последний вопрос отвечает вполне положительно. Есть только одно средство, по его мнению, это — «если б государь император соблаговолили войти в непосредственное сношение с своим народом по существу основания предложенного нам вопроса». Нужен манифест «за собственноручным подписанием царя, чтобы никто не смел и думать «ни о новых наделах, ни о каком бы то ни было расширении земель иначе как покупкою на общем основании». Устимович смотрит фактам прямо в лицо и наперед заявляет, что подобный манифест «с преданием вечному забвению мечты народа о разделе помещичьей земли... не сделает имени царя популярным в народе в приятном смысле». Только переложив ответственность, а вместе с тем и гнев народа на царя, Устимович может итти в народ, а до того времени дворянам «пора по этому вопросу и помолчать» и «предоставить самой административной власти объясняться с народом именем самодержавного царя по тому предмету, по которому панское или начальническое слово слишком старо и наперед известно народу».

Однако в положении дел, казавшихся столь обостренными в первые послепервомартовские недели и месяцы, к осени произошел перелом. Вместе с тем реакция могла уже увереннее вести свое наступление и в среде традиционных крестьянских стремлений. Она пошла именно по тому пути, который рекомендовал ей боявшийся за себя самого дворянин, и в известном обращении Александра III к волостным старшинам выполнила поставленную ей дворянством задачу.

Публикуемые ниже документы хранятся в фонде министерства внутренних дел, по канцелярии 1881 г., № 82, лл. 6—6 об.; там же, № 273, лл. 1 сл., и деп. общих дел, 1881 г., № 104, л. 6.

С. Валк.

1.

Циркуляр министра внутренних дел губернаторам от 27 марта 1881 г. № 1387.

Горестное событие 1 сего марта повергло в ужас всю Россию. Но поразивший Россию удар вызвал не неизбежные во всякой другой стране беспорядки, а всеобщее рыдание по в

[1]) ЛОЦИА, фонд министерства внутр. дел, по канцелярии 1881 г., № 273, «По циркуляру 3 июня № 3346 о противодействий к распространению в народе превратных суждений», лл. 1—10.

бозе почившем царе и выражения искренних верноподданнических чувств к его царственному преемнику. Такое отношение к ужасному событию доказывает глубокую, присущую русскому народу веру в царя, как богом данного блюстителя своей земли и блага своих подданных.

Понятно, что все стремления зараженных ложными учениями злодеев, стремящихся ниспровергнуть государственный порядок в России, направлены на поколебание этой веры народа в своего государя. Понятно, что священнейшая обязанность верных подданных, а тем более лиц, принадлежащих к составу правительства, поддержать эту спасительную для России народную веру.

Этим объясняются проявляющиеся местами одиночные попытки злонамеренных лиц распространять вредные слухи о том, будто новое царствование принесет с собою возвращение к крепостному праву, о том, что убийцы царя — дворяне, недовольные освобождением крестьян, и тому подобные нелепости. Высказанными же общими мыслями надлежит руководствоваться в принятии мер к успокоению умов. Следует действовать крайне осторожно, чтобы не возбуждать народного воображения, но пользоваться каждым отдельным случаем для объяснения, что благость царева и неиссякаемая любовь его величества к народу всегда присуща русскому государю, и что злодейство совершено преступниками-отщепенцами от всего русского и ничего не имеющими по чувствам общего ни с одним из коренных сословий русского государства. Руководствуясь изложенным, ваше превосходительство имеете обращать самое тщательное внимание на всякий отдельный слух и на всякое отдельное нарушение порядка, восстановляя истину соответствующими объяснениями и нарушенный порядок принятием надлежащих осторожных мер лично и через лиц, вполне надежных и понимающих значение переживаемых Россиею дней. Я уверен, что ваше превосходительство приложите к делам этого рода все необходимое внимание и должные осмотрительность и спокойствие, действуя совокупно с многочисленными благонадежными элементами русского общества.

Министр внутренних дел генерал-адъютант граф Лорис-Меликов.

2.

Циркуляр министерства внутренних дел губернаторам от 23 мая 1881 г. № 13.

Доверительно.
Циркулярно.

Господину губернатору.

Циркуляром моим, от 6 сего мая, указаны те прискорбные явления настоящего времени, на устранение которых должно быть обращено особое внимание представителей правительственной власти. Для верного достижения в этом отношении прямой цели недостаточно иметь дело с тем или другим совершившимся фактом, но необходимо предупреждать самое его возникновение. Лучшим и надежнейшим средством к этому представляется, без сомнения, тщательное — по возможности личное — наблюдение ваше над современным настроением населения губернии. В видах этих покорнейше прошу ваше превосходительство воспользоваться настоящим временем для немедленного объезда не только уездных городов, но и селений, в особенности тех пунктов, где по тем или другим обстоятельствам возможно предполагать возбужденное настроение умов.

Разъяснение правильного, законного порядка, опровержение ложных слухов, уничтожение внушаемых этими слухами, рассеваемыми врагами порядка, несбыточных надежд и ожиданий, без сомнения, предотвратит всякое уклонение народа, крепкого верноподданническою преданностью к верховной власти и поддающегося иногда

неблагоприятным внушениям только по неведению и недостаточному развитию, от прямого исполнения закона.

Независимо находящихся в вашем ведении органов исполнительной власти, вам, без сомнения, окажут полное содействие к достижению указанной выше цели представители сословных и общественных учреждений, с которыми вам и необходимо входить в постоянные личные соглашения. Предводители дворянства, многосторонняя деятельность которых по разным отраслям местного управления дает им полную возможность постоянного общения со всеми классами населения, а также председатели и члены земских управ, близко стоящие к интересам всех сословий вообще и крестьянского в особенности, своим личным влиянием принесут существенную пользу самому делу.

От вас будет зависеть давать личные подробные и определительные разъяснения волостным старшинам и другим должностным лицам крестьянского управления относительно способов и направления их постоянной деятельности. В случаях, если представится вашему превосходительству необходимым командировать в какое-либо место то или другое доверенное лицо, вы не оставите снабжать письменными указаниями, направленными к единообразной, внимательной и осторожной деятельности.

В заключение не излишним считаю сообщить вашему превосходительству, что письменные обращения к крестьянскому населению, при малейшей неосторожности в способах их изложения и обнародования, нередко порождают, как показал опыт, крайне неблагоприятные толкования, а потому казалось бы необходимым избегать по возможности так называемых воззваний, в случаях же действительной по ходу и обстоятельствам дела необходимости прибегнуть к этой мере я просил бы вас проекты самых воззваний представлять на предварительное мое рассмотрение.

При всех действиях вашего превосходительства в исполнение настоящего предложения вам надлежит обратить главное внимание на опасные слухи о разделе земель, дополнительных наделах, «черном переделе» и т. п.

Хотя я вполне уверен, что благоразумным усилиям местной администрации удастся успокоить волнение умов и пресечь ложные слухи, но в случае, если бы сверх ожидания у вашего превосходительства явились основательные сомнения в успешном окончании возложенного на вас поручения, прошу заблаговременно уведомить меня для соответственных с моей стороны распоряжений. Повторение беспорядков, подобно бывшим в южных губерниях при разгроме евреев, не может быть терпимо и должно быть предупреждаемо принятием заблаговременно соответственных мер.

Вообще об исполнении вами настоящего распоряжения я буду ожидать от вас подробных уведомлений.

Министр внутренних дел генерал-адъютант граф Игнатьев.

3.

Донесение тамбовского губернатора министру внутренних дел от 15 июля 1881 г. № 239.

В дополнение к телеграмме моей от 15 сего июля, последовавшей вследствие полученной мною того же числа шифрованной телеграммы вашего сиятельства, имею честь почтительнейше донести, что в некоторых местностях губернии, среди крестьянского населения, хотя и держатся нелепые слухи, между прочим, и о полученном будто бы царском указе хлеб не косить, а жать серпом, и за уборку десятины брать не дешевле 50 руб., но слухи эти не имеют того значения, которое придается им некоторыми землевла-

дельцами на основании донесений неумелых прикащиков и под влиянием опасения, что поля останутся неубранными.

По поводу слухов этих я собирал крестьян нескольких волостей, где разъяснил крестьянам всю их вредность, и смею заверить ваше сиятельство, что разъяснения мои выслушивались крестьянами с полнейшим доверием, и слухи исчезали, не оставляя никаких следов, а на сходе в селе Большой Липовице, Тамбовского уезда, я воспользовался случаем приведения в исполнение утвержденного мною заключения начальника губернского жандармского управления и, по окончании беседы с крестьянами, переходя от слова к делу, приказал немедленно арестовать распространителя слухов сельского учителя Лукина и отправить его в острог, что произвело весьма сильное впечатление на толпу и получило надлежащую огласку. При таком положении дела и — действуя систематически, я не считал нужным, при отсутствии сколько-нибудь серьезного влияния слухов на народ, не вызывающих какихлибо особых мер, утруждать ими внимание вашего сиятельства, но, во всяком случае, в тех местностях, где подобные слухи держатся более упорно, я учредил особое наблюдение за нераспространением таковых, о чем имел честь донести вашему сиятельству 8 июля за № 230.

9 июля я получил от мирового судьи 1 участка усманского мирового округа Охотникова сообщение о том, что ввиду близкой уборки хлеба и хорошего урожая крестьяне заявили при найме на работы такую чрезмерную цену (до 50 руб. за десятину), которой уплатить невозможно, и что он в этом усматривает умышленную стачку, но, по неуказанию г. Охотниковым ни местности, ни того, какие это крестьяне и кем устроена стачка, то мною потребовано от него дополнительное сведение.

Одновременно с этим сообщением мною были получены заявления в том же роде от княгини Дондуковой-Корсаковой и от здешнего губернского предводителя дворянства Кондоиди (землевладельцев Борисоглебского уезда), из коих однако же последний в письме своем, между прочим, объяснил, что собственно у него в имении он ничего не слыхал и до сего времени у него тихо и спокойно, по говорят, что ходят слухи в Полетаевке и на базарах.

Между тем из прилагаемой при сем копии с донесения усманского исправника от 10 июля ваше сиятельство усмотреть изволите, что на базарах в селах Чамлыке, Полетаевке и Мордове крестьяне, действительно, объявляли сначала высокую цену за работы, но это оказалось не более как последствие обильного урожая, затрудняющего полевые работы, и опасение продешевить свой труд, но однако наем состоялся, и крестьяне тут же согласились взять за работы нормальную цену, хотя несколько выше прошлогодней, но это иначе и быть не могло ввиду хорошего урожая и более тяжелой обработки; во все время базаров между крестьянами существовало полнейшее спокойствие, и беспорядков никаких допущено не было, кроме неуместной мужицкой шутки с одним из прикащиков.

Губернатор двора его величества камергер барон Фредерикс.

4.

Предписание министра внутренних дел тамбовскому губернатору от 21 июля 1881 г. № 25.

Из представления вашего превосходительства за № 239 усматривается, что меры ныне приняты и что дело ложных слухов не имеет того значения, какое ему было придано преувеличенными сообщенными мне сведениями.

Я вполне одобряю принятую вами относительно учителя Лукина меру;

если сведения о распространении им ложных слухов подтвердятся, то он непременно должен быть предан суду.

Конечно, во всех делах, подобных настоящему, администрация должна действовать с надлежащею энергиею, одинаково избегая слабости, как и излишней тревоги, которая легко может приводить к результатам, прямо противоположным против тех, которые имеются в виду.

Вследствие сего, если сообщенные вашим превосходительством сведения о том, что нелепые слухи не опасны и не распространены в народе, я ни в каком случае не могу одобрить распоряжения о собрании за 25 верст в с. Мордово для выслушивания внушений вашего превосходительства старшин и старост.

Следует вообще относиться с возможной осторожностью к собиранию крестьян массами, когда требуется рассеять ложные слухи, но тем более неудобно вызывать крестьян в рабочее время для рассеяния слухов, которые признаются вашим превосходительством не опасными. Отвлечение крестьян от полевых работ признается настолько вредным, что государю императору угодно было отклонять прием депутаций в рабочее время. Ввиду сего вашему превосходительству надлежало бы сообщить необходимые разъяснения собравшимся на базаре крестьянам, отнюдь не собирая для этого старшин и старост окрестных деревень; последняя мера может быть настолько же вредна, насколько сделанные при иных условиях разъяснения несомненно полезны.

В заключение не могу не обратить внимания вашего превосходительства на то, что, когда сведения губернаторов основываются на донесениях полиции, а полицейские чиновники находят только «комичным», что толпа крестьян освистала рядчиков и кричала вслед одному из них «держи его», то есть серьезное опасение, что беспорядки возникнут из ложных слухов и не будут своевременно замечены. Покорнейше прошу ваше превосходительство разъяснить помощнику усманского исправника, что это тон — неприличный для официальной бумаги и что вообще полиция должна стараться оберегать тишину и спокойствие, а отнюдь не признавать естественным, что наемки не состоялись потому, что крестьяне, под влиянием ложных слухов, запрашивали несообразные цены.

Министр внутренних дел генерал-адъютант граф Игнатьев.

К истории суда над лейт. П. П. Шмидтом.

Печатаемые ниже документы проливают свет на настроения в армии и флоте во время суда в Очакове над П. П. Шмидтом и матросами, участвовавшими в ноябрьском восстании Черноморского флота. Один из защитников Шмидта прис. пов. Александров пишет в своих воспоминаниях: «Я глубоко уверен, что войска очаковского гарнизона сочувствовали ему, не исключая и донских казаков; этим настроением войск, по моему мнению, объясняется исключительная любезность жандармского ротмистра» [1]). То же отмечает и сестра Шмидта: «Во все время ведения процесса мне много раз приходилось говорить с прокурором Ронжиным по разным обстоятельствам, касающимся брата. Он всегда внимательно выслушивал все мои заявления, был корректно вежлив, хотя, впрочем, с различными оттенками, в зависимости от перемен политических событий того

[1]) Александров, «Каторга и ссылка», № 5, стр. 89.

времени (так, например, во время восстания на Пресне он был чрезвычайно любезен [1]».

Печатаемые здесь «разговоры» между телеграфистом Очакова Лопатиным и телеграфисткой Николаева Максимовой подтверждают факт сочувствия делу Шмидта и судившихся с ним матросов со стороны революционно настроенных солдатских масс Очакова. Из «разговоров» Лопатина и Максимовой видно, что у очаковских артиллеристов существовал план насильственного освобождения Шмидта при содействии матросов Севастополя. Ввиду того, что непосредственной связи между Очаковом и Севастополем тогда не было, так как происходила забастовка почтово-телеграфных чиновников, очаковцы пытались связаться с Севастополем через Николаев.

Однако попытки их связаться с Севастополем были обнаружены жандармами. Один из агентов охранки на ст. Парутино, находящейся между Очаковом и Николаевом, перехватил телеграфные «разговоры» Лопатина и Максимовой и доставил их «по начальству». В военно-морском суде по делу о забастовке почтово-телеграфных служащих, в частности Максимовой и Лопатина, эти «разговоры», перехваченные охранкой, фигурировали в качестве обвинительных материалов. В настоящее время они хранятся в Одесском Краевом Архиве (фонд одесского охранного отделения, 1906 г., дело № 86, «О почтово-телеграфной забастовке»).

Е. Гороховская.

1.

Копия разговоров, списанных с ленты.

«Все равно, не робейте, и время есть. Там вам и помогут и посоветуют, что нужно, и узнаете, что там творится».— «А что, Горского нет?» — «Я его встретил на улице. А что, он вам нужен?»— «Да, он нужен, записку одну надо сбросить». — «Так давайте я приму». — «Нет, он должен был дать». — «Вот в чем дело! Ага, знаю! Но прежде,— простите — скажите, кто вы, могу ли довериться?» — «Я дежурная». — «Ваша фамилия?» — «Давайте представимся: от комитета — Максимова». «Пардон, я — Лопатин. Здесь у нас есть лейтенант Шмидт, и вот его приближенные при посредстве нас хотят передать записку в Севастополь, вообще надо сообщить, чтобы торопились с его освобождением. Ну так вот я с нетерпением и жду этой записки, чтобы передать. Так дело в том, что мы бастуем и в контору не являемся, а эти господа — приближенные Шмидта — были в конторе, и здесь был в конторе подлец, один из наших коллег уничтожил записку и не хочет говорить ни о чем. Назад тому [1]) я передал записку тоже того же содержания от солдат-артиллеристов. Не знаю, достигла ли она цели». — «В том то и дело, что, кажись, и у нас нарвалась записка, что ни духу [2]) ничего не известно. Если бы поскорей принесли ее, я бы приняла. Но ничего, я подожду до тех пор, пока ее не принесут, и уж не уйду с этого аппарата до получения. Но надо торопиться. Как видно, это дело важное и нешуточное, поторопите кого нужно, чтобы скорее передать». — «Ну, нахальство, приняли записку и хотя бы заикнулись». — «Да, да, подлецы». — «Вот сейчас пойду рыскать по городу, пойду искать этих матросов. Пошел бы в казармы, да за мной следят жандармы. И так чуть-чуть не выслали из Очакова. Вот вам и свобода». — «Да по-своему все толкуют, не так, как должно понимать, последние судороги правительства. Да, жаль, что за такими молодцами следят, а то бы плохо для них было бы. Так насчет жалованья пришлите кого-нибудь, кому доверяете,

---

[1]) Избаш, Шмидт, стр. 58.

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Так в подлиннике.

в Одессу с письмом, и ваша просьба удовлетворится». — «А много нужно вам денег?» — «Нет, рублей 80, не больше: нас всего трое забастовало».

2.

Лента вторая.

«Есть большая просьба от массы лиц. Вы слышали, вероятно, про лейтенанта Шмидта. Он арестован и находится в Очакове. Сегодня прибегали солдаты-артиллеристы и умоляли передать в Севастополь, что он сидит в Очакове, арестован на морской батарее».

— «А он у вас где находится под арестом?» — «Да арестован на морской батарее, и носятся слухи, что его хотят расстрелять. Так, вот, партия социал-революционеров солдат приходила — умоляла сообщить в Севастополь, чтобы его спасли». — *«Туда ему дорога»*, [1]) — «Ну, а ничего особенного нет за Севастополь?» — «Да не знаю, что будет. У нас появились агенты и собирали справки о Шмидте. Есть предположение, что сюда придет флот». — «А с какой целью?». — «С целью освободить Шмидта»? — «Мерси. Сообщу своим всем в городе». — «Постарайтесь сообщить Одессе или Симферополю: пусть сообщит Севастополь — ведь жаль такого человека, который борется, борется во имя свободы». — «Ура, да здравствует свобода, ура!» — «Да, душа, вырвите всю ленту, ибо за мной здесь жандармский офицер следит. Был у них на объяснении. Постарайтесь весь разговор вырвать». — «Хорошо. Вы также уничтожьте ленту. До свиданья». — *«Я ленты не вырвал, а сейчас представлю в полицию»* [2]). — «Ладно».

[1]) «Туда ему дорога» сказано, повидимому, Парутино. — Прим. охранки. *Ред.*

[2]) Очевидно, Парутино. — Прим. охранки. *Ред.*

3.

Лента третья.

«Просили убедительно передать в Севастополь морякам, что Шмидт в Очакове, на морской батерее, и просили спасти его, ибо между нами носятся слухи, что его хотят расстрелять. Теперь, если вы примете участие, то я весь ваш, сегодня проберусь в казармы артиллеристов и разнюхаю, в чем дело, и передам, по возможности, знакомому чиновнику». — «Ну, хорошо, так тогда чтобы она не попала, кому не следует, мы установим такой пароль, по которому вы вызовете, т. е. спросите пароль, и вам должны будут дать пароль «В. с.», т. е. «Всероссийский союз». Когда на вашу просьбу пароль дадут «В. с.», то отвечайте, она достигнет своей цели». — «Хорошо. Все сделаю, как сказали, а теперь до свиданья! Желаю вам провести начатое дело до конца, — ведь вы, вероятно, в первых рядах?» — «Ну, это уж слишком смело будет, но не отстаю, конечно. Пожалуйста, простите, а почему вы записки эти не пошлете пароходом в Одесское бюро прямо?» — «Право, здесь мы отрезаны, да я и не знаю, что наше бюро принимает на себя подобные миссии, ведь это уже дело революционеров.» — «Это верно, но все они пункты протокола приняли, так что и это не оставят. Ну, впрочем лучше давайте нам, но осмотрительно, под паролем. Ну, до свиданья! Желаю вам успеха в вашем расследовании, в вашей забастовке, спасибо за то, что нас поддерживаете. А знаете, это в день забастовки я говорила с вашим помощником в качестве старшего. Он сильно восстал против забастовки, но я ему советовала, как с публикой разделываться». — «Вы сами никогда не говорите с Очаковом. С такими делами вызывайте меня или Горского». — «Это когда передавать бюллетени?» — «Это можете всем, а насчет известного субъекта Шмидта». — «Хорошо! Передайте Горскому наш пароль». — «Хорошо».

Письма В. В. Верещагина Николаю Романову в 1904 г.

Автор публикуемых ниже писем к Николаю Романову — художник В. В. Верещагин (1842—1904), широко прославившийся в свое время циклом картин из эпохи туркестанской экспедиции, русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и др. Общепризнанным достоинством этих картин, по сравнению с парадно-батальным жанром предшественников Верещагина, было реалистическое изображение подлинной правды о войне, ее кровавых ужасов и оборотной стороны тех военных «подвигов», за которые прославлялись полководцы типа Тамерлана, Бонапарта, Скобелева и др. Такие картины Верещагина, как «Апофеоз» войны, «Торжествуют» и др., снискали ему даже титул «апостола мира», и сам он одно время искренно считал себя кандидатом на «Нобелевскую премию мира». Однако субъективно он далеко не был пацифистом. Об этом говорит активное участие его в боях и под Самаркандом и в русско-турецкой кампании 1877—1878 гг. — когда была произведена очередная попытка русского военно-феодального империализма захватить Константинополь и проливы. Здесь социальная сущность выходца из дворянско-помещичьего класса брала свое. Особенно ярко она отразилась в публикуемых ниже письмах Верещагина, написанных царю в первые два месяца войны, затеянной российским империализмом на Д. Востоке. Верещагин больше всего боится, как бы царь не вздумал «смиловаться» над Японией и не заключил бы с ней мира, «не наказавши ее полностью». Привести Японию к «смирению», смыть нанесенное ею «оскорбление царю» — этого требует, по его мнению, русский престиж в Азии. Прикрываясь званием всего лишь «мизерабля артиста», он засыпает царя советами о немедленной постройке крейсеров, мостов, присылке в Порт-Артур дальнобойных пушек, отправке войск к границам Индии и т. д. и т. п. Как реагировал царь на военные советы своего штатского корреспондента, неизвестно: на сохранившихся подлинниках писем нет никаких помет. Но, разумеется, не приходится сомневаться в единомыслии их относительно способов выхода из той ситуации, в которую Россия была вовлечена авантюрой феодально-дворянской клики Безобразова и К⁰.

А. С.

1. [1]

3 февраля 1904 г.

Ваше величество.

«Не велите меня казнить, а велите мне говорить». Позвольте заметить вашему величеству, что слух о намерении вашем, наконец, покарать вероломство англичан походом на Индию может вызвать недоразумение в этой стране. Это — великое, мудрое намерение, золотые для России слова, так как пора, действительно, обуздать заносчивость и нахальство англичан, третирующих нас, как отребье человеческого рода. Но, ваше величество, одно дело — известие в Индии о том, что белый царь решился, наконец, освободить ее, а другое дело — оповещение о намерении России покорить ее. Какая нужда князьям и народам Индии менять господ англичан на господ русских? Первое известие вызовет общий энтузиазм, а второе — непременно желание всем соединиться против нашествия. То же и относительно Афганистана: известие о нашем походе на Герат, которого они давно боятся, озлобит всю страну, тогда как известие об освобождении Индии, в союзе с Афганистаном, сделает наш

[1] Ленинградский Центр. Историч. Архив, фонд канцелярии е. и. в. по принятию прошений, 1 стол, 2 отд., дело № 388, 1904 г.

переход через горы легким. Афганистан должен слышать о том, что мы хотим сделать его сильнее, как естественный барьер против ненасытного корыстолюбия и дерзости Англии, и желаем удовлетворить его давнишнее желание подарком Кашмира и Ладока.

Я был в Гималаях до самых соленых Тибетских озер и могу дать вашему величеству много ценных сведений. Я счел бы за большую честь, если бы ваше величество выслушали меня по некоторым другим вопросам, мне вполне хорошо известным.

Позволяю себе сказать вашему величеству, что нам пора, освободивши большую часть братьев-славян совершенно и добившись для остальных реформ и улучшений, откровенно отказаться от посягательства на остатки турецких владений и протянуть руку мусульманам, а затем, как мы долго были борцами против них, так теперь быть их предводителем в будущей борьбе против желтолицых, угрожающих им так же, как и нам.

Позволяю себе также сказать вашему величеству, что я пробыл в последнее время больше года в Америке и, будучи личным другом президента Рузвельта, знаю цену как ему, так и многим американцам, то должен заметить, что поведение их против нас прямо вражеское. Нахальство и дерзость их начинают тоже выходить из пределов дозволенного. Я полагаю, у них намерение под первым предлогом, по почину Англии и под видом расположения к вам, остановить вашу справедливо занесенную руку над японцами — перед открытием выставки в С.-Луи, выставки, в которую заложены миллиарды американских денег и неуспех которой разорит множество американцев. Помимо того, что нам нечего бояться американцев, как и англичан, я думаю, что, имея в руках успех или неуспех их всемирной выставки, ваше величество может говорить с ними коротко, властно и твердо.

Только что воротившись из Японии, я сожалею, что не имел случая лично доложить вашему величеству о полной уверенности в том, что в умах японцев война была неизбежно решена.

Теперь, когда «совершилось» и флот наш так жестоко пострадал, горько думать, что сухопутные силы могут подвергнуться той же участи. Предполагая даже, что японцы дадут нашим войскам спокойно собраться, не прервут железнодорожный путь, не навалятся с превосходными силами на войска, расположенные на Ялу, не предпримут никакой каверзы против Порт-Артура, что сомнительно, так как заряд искусственного газа в них еще силен и не выдохся, — надобно допустить, что они покроют всю Корею сетью фортов, за которыми с 300 000 человек хорошего войска, в дикой бездорожной стране, будут почти непобедимы.

Прикажите, ваше величество, чтобы полумиллионная армия, под командою многоопытного сподвижника и вдохновителя покойного Скобелева, генерала Куропаткина, двинулась против врага, о силе настойчивости и полной подготовленности которого я говорил, возвратившись из той страны.

Одно известие об этом сразу успокоит всех друзей наших и устрашит всех врагов.

Не сломить, не победить Японию или победить ее наполовину — нельзя из опасения потерять наш престиж в Азии.

Вся Россия молит ваше величество пребыть твердым до конца, и по примеру покойного предка вашего, императора Александра I, произнести громко слово его: «Не положу оружия», пока не смирю это государство шуллера...

Простите, ваше величество, мою смелость, если я прибавлю: где же была высшая предусмотрительность накануне объявления войны, в памятную ночь, когда Россия получила такую

обиду от горсти японских храбрецов-плутов? Где были наши многочисленные миноноски со своими храбрыми командирами? Почему они еще не решаются взрывать японских судов? Почему не жгут Цуругу, Иокагаму и другие японские города и тем не отвлекают японские силы, не вызывают в Японии панику, долженствующую привести ее к «смирению»?

Простите, не взыщите и примите уверение в моем глубоком уважении и беспредельной преданности.

В. Верещагин.

Покажите, ваше величество, американцам, что легко потерять дружбу России, как они с легким сердцем сделали, но воротить ее будет трудно.

2.

15 февраля 1904 года.

Ваше величество.

Не взыщите за смелость писать вам: прикажите генералу Куропаткину немедленно собраться и выехать на Восток, где его присутствие будет стоить помощи в 50 000 человек. Суворов — на языке у всех военных, но главное суворовское правило — быстрота сборов — не практикуется.

Не говоря про то, что генерал Линевич не может быть сразу на обоих наиболее угрожаемых пунктах, и начало может быть неумелыми руками испорчено, важно вести отступление, если бы таковое понадобилось, научно и методично, так, как вел его Барклай-де-Толли, ничего не оставляя за собой.

И вашему величеству и всей России будет спокойнее, когда Алексей Николаевич будет там.

С глубоким уважением и бесконечною верноподданническою преданностью остаюсь

В. Верещагин

(мизерабле — артист).

3.

18 февраля 1904 года.

Ваше величество.

Дозвольте вашему верноподданному перед отъездом на Восток, еще раз обратиться к вам: мосты! мосты! мосты! Если мосты останутся целы, японцы пропали; в противном случае, один сорванный мост на Сунгари будет стоить половины кампании. И мост на Шилке должен быть оберегаем, потому что чем отчаяннее будет положение японцев, тем к более отчаянным средствам будут они прибегать. Кроме тройных проволочных канатов на Сунгари нужна маленькая флотилия, чтобы осматривать шаланды, ибо с начала марта со стороны Гирина, конечно, кишащего шпионами, будут попытки и минами и брандерами.

Жаль, что А. Н. Куропаткин собирается не по-суворовски. Если не на самом месте действия, то по дороге — ободрить части, направить именем государя, вдохновить большое дело, на которое «бригадного мало». А что этот бравый «бригадный» может натворить впереди, то и представить себе трудно, особенно теперь, когда от начала будет зависеть разрешение вопроса: добудут японцы денег или нет?

С дозволения генерала Фредерикса, я буду писать ему и почтительно прошу ваше величество дозволить мне прилагать для вас маленькие наброски местности и типов.

Если сабля моя не сильна, то хоть карандаш послужит вам.

Прошу ваше величество принять уверения в глубоком уважении и беспредельной верноподданнической верности.

Художник В. Верещагин.

И другой мост на Сунгари очень важен — мосты! мосты! мосты!

4.

23 марта 1904 года.

Ваше величество.

Простите, что беру смелость еще писать вам.

Не верьте, государь, что Кругобайкальская железная дорога может быть скоро готова — она долго еще не будет в состоянии перевозить войска, и желательно было бы обратить внимание на Амур, на этот кормилец-путь, так обиженный из-за железной дороги. Вместо Шилки, вероятно, можно было бы воспользоваться Аргунью, теперь даже еще не исследованной, и пара мелкосидящих пароходов, присланных в разобранном виде, много помогут движению. Глубоко сидящие пароходы для среднего и нижнего Амура есть, баржи также.

Возможно, что с наступлением таяния снегов будут части полотна, которые поплывут и задержат движение. С наступлением дождей непременно будут промывки пути. Затем, можно думать, что, если японцы не будут еще к теплому времени основательно побиты, китайское население зашевелится, потому что систематически дурное обращение наше с туземцами озлобило их: подзатыльником указывали китайцу место, где он должен взять билет, подзатыльником вталкивали его в вагон. Как выразился один манчжурский купец, «законы русские хороши, лучше китайских, но люди хуже».

Я сам был свидетелем кормления туземцев плюхами, и это — на железной дороге; того же, что делалось по сторонам, пересказать трудно, так что попытки восстаний со стороны жителей весьма вероятны и возможны.

Ввиду всего этого желательно иметь колесный путь параллельно железнодорожному. Я говорил об этом генералу Куропаткину и думаю, что к делу следовало бы приступить самым энергичным образом.

Не знаю, известен ли вашему величеству факт, что чумаки, было, пропавшие вдоль линий наших южных железных дорог, теперь снова завелись и доставляют товары, в общем, вернее и скорее железных дорог.

Ваше величество.

Простите меня за совет на будущее время: быстроходных крейсеров, быстроходных крейсеров, быстроходных крейсеров! С ними ваше величество будете держать в страхе не только Англию, но и Америку. Без них никто не будет бояться наших броненосцев.

С глубоким почтением и бесконечною преданностью вашего величества слуга

В. Верещагин, художник.

Думаю, возможен грандиозный обход японских позиций.

5.[1]

Ваше величество.

Позвольте верноподданному вашему известить вас, что в армии вашей, сытой, довольной, веселой и с нетерпением ждущей случая схватиться с врагом, так оскорбившим вас и Россию, есть серьезная боязнь, как бы вы не смиловались над ним и не заключили мира, не наказавши его полностью. Только этого и боятся.

Порт-Артур поразил меня малостью своей бухты, так как из западной части вычерпано очень мало за все 6 лет. Когда эту западную бухту вычерпают, порт будет хороший, но теперь в него нельзя входить — в него втаскивают; из него нельзя выходить — из него вытаскивают. За все 6 лет не вырыли нового дока и не исправили, до годности к исправлению броненосцев, старого. Вовсе забросили док для починки миноносцев и только сейчас начали исправлять его, когда уже большая часть наших миноносцев попортилась без дока...

---

[1] Без даты.

Орудия на батареях и фортах грозных высот, окружающих гавань и город, плохи, по большей части старого образца, т. е. даже и большие — недальнобойные (78 года). Только Электрическая батарея имеет 5 десятидюймовых орудий дальнего боя, да Суворовская и Крестовая батарея имеют 6-дюймовые пушки Канэ в числе 10—11 штук. Несколько орудий, взятых с одного борта «Ретвизана» на то время, пока он чинится, стреляющих тоже на 8—10 верст, довершают действительную защиту города. Большая же часть пушек, включая и мортиры, принуждены молчать в то время, что неприятель стреляет по нам «на счастливого», разбивает, ранит.

Не будет ли возможности, ваше величество, прислать еще хоть 10-ти, если не 12-дюймовых, дальнобойных орудий?

Не отнимайте, государь, угрозы англичанам войсками к стороне Индии. Закажите побольше быстроходных броненосных крейсеров — все, кому то следует знать, поймут ваше намерение бить их и дубьем и рублем.

Общий голос признает, ваше величество, что 26 и 27 января японцы наверное могли взять Порт-Артур, потому что на батареях не было ни одного орудия, а у небольшого количества защитников даже не имелось патронов с собой. Но «на всякую старуху есть проруха» — японцы упустили случай, и теперь он не представится больше.

В армии боятся, что враги наши не выйдут из Кореи, т. е. хоть теперь проявят, кроме юркости, и благоразумие; но я полагаю, что они не утерпят: направляемые не столько министрами и генералами, сколько нерадивыми крикунами, они поддадутся соблазну и не вытерпят укоров в измене отечеству, в продажности русским; желание доказать перед всем миром, на что они способны, докончит дело, и мы, вероятно, увидим их на равнинах Манчжурии.

Я прошу ваше величество не взыскать на мне за это письмо и принять уверение в искреннем уважении и глубокой верноподданнейшей преданности.

В. Верещагин, художник.

Из истории либеральной общественности шестидесятых годов.

Высылка из Петербурга пользовавшегося значительной популярностью в оппозиционных кругах проф. П. В. Павлова за речь, произнесенную им на литературном вечере 2 марта 1862 г., явилась событием, имевшим большое для своего времени общественное значение. Этот акт правительства был одним из первых по времени проявлений реакции, начавшейся после кратковременной либеральной эры первых лет царствования Александра II.

На вечере, устроенном в пользу Литературного фонда, П. В. Павлов выступил с речью на тему «Тысячелетие России». Текст этой речи предварительно был процензурован и ничего революционного в себе не содержал. Павлов развивал в своей речи мысли, весьма распространенные в то время в либеральных кругах общества. Он говорил о том, что правительство и господствующие классы, оторвавшиеся от народной массы, должны, во избежание гибели страны, преодолеть эту оторванность. Путь реформ, на который вступило правительство Александра II, внушал П. В. Павлову надежду на то, что России удастся избегнуть грозящей ей опасности. Надо только, чтобы правительство продолжало твердо итти по этому пути. Такова вкратце основная мысль, развитая Павловым в его речи. Не заключая в себе ничего «крамольного», его речь тем не менее настолько наэлектризовала присутствовавших на вечере, что они устроили

шумную и продолжительную демонстрацию в честь Павлова.

Этого было достаточно для того, чтобы правительство поспешило убрать Павлова из Петербурга и запрятать его в далекую Ветлугу. Несомненно, что, расправляясь с Павловым, правительство мстило ему не только за одну речь 2 марта. Оно давно косилось на Павлова, как на инициатора и организатора воскресных школ в Киеве, где Павлов первоначально был профессором, и в Петербурге, а также как на человека, пользовавшегося большой популярностью среди студенчества.

Некоторые подробности об инциденте 2 марта можно найти в статье М. К. Лемке, помещенной в его книге «Очерки освободительного движения шестидесятых годов» (СПБ, 1908 г.). Однако архивные материалы, относящиеся к этому инциденту, остались неизвестными автору названной статьи. Ввиду этого печатаемые ниже документы, извлеченные из дела III отделения (Архив Революции и Внешней Политики, фонд III отд., дело 1 эксп., 1862 г., № 133, «О проф. С.-Петербургского университета Платоне Павлове»), представляют несомненный интерес.

Любопытны прежде всего агентурные донесения, относящиеся к вечеру 2 марта [1]. В них интересно не только то, что относится непосредственно к речи проф. Павлова, но и оценка, данная осведомителем III отделения выступлениям других литераторов на вечере 2 марта: Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского и др. Имеются основания предполагать, что автором этих донесений был профессор всеобщей истории Петербургского университета М. И. Касторский, близость которого к III отделению известна, между прочим, по делу Н. Г. Чернышевского [1].

За этими донесениями в деле следуют 2 письма министра нар. просвещения А. В. Головнина к шефу жандармов кн. В. А. Долгорукову, показывающие, что министерство народного просвещения находило в отношении Павлова достаточным ограничиться запрещением ему чтения публичных лекций, и петиция товарищей Павлова по Петербургскому университету и по чтению публичных лекций в здании городской думы, заявивших в ней протест против того, что правительство расправилось с Павловым без суда и следствия.

За недостатком места мы опускаем здесь эту петицию, а также два письма самого П. В. Павлова: одно — к управляющему III отд. Н. В. Мезенцову, другое — к Александру II. Эти письма характеризуют душевное настроение Павлова во время ссылки. Письмо к Мезенцову любопытно в том отношении, что автор его пытается охарактеризовать в нем свою предшествовавшую ссылке деятельность. Несомненно, что при этом Павлов не был вполне искренен. Мы сделали бы ошибку, если бы поверили ему, когда он объясняет свое участие в учреждении киевских воскресных школ исключительно желанием бороться с польско-иезуитской пропагандой. Нет сомнений в том, что в данном случае автор письма считал нужным подлаживаться к взглядам и мнениям управляющего III отделением. Все, что мы знем о Павлове и о киевских воскресных школах, опровергает его рассказ о них в письме к Мезен-

---

[1] III отделение интересовалось этим вечером, между прочим, потому, что, по его сведениям, доход от вечера предназначался в пользу М. И. Михайлова, незадолго до этого осужденного на каторгу за распространение прокламации «К молодому поколению».

[1] См. в книге Ю. М. Стеклова, Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность, 1928 г., т. II, стр. 381—383, 435—437 и др.

пову. Конечно, Павлов никогда революционером не был. Это был типичный для своего времени буржуазный либерал, веривший в то, что распространение знания обновит русскую жизнь и перестроит ее по образцам западной цивилизации. Для выражения этой своей любимой мысли Павлов нашел даже особую формулу, которую он любил повторять: «La revolution par l'école». С этой точки зрения деятельное участие его в организации воскресных школ в Киеве (и в Петербурге, где, конечно, ни о каком польско-иезуитском влиянии речи быть не могло) вполне понятно. Все остальное придумано Павловым со специальной целью воздействовать на Мезенцова и расположить его к себе.

Б. Козьмин.

Агентурное донесение 3 марта 1862 г.

Данный вечер (2-го марта) в зале Руадзе — «Литературный и музыкальный вечер» в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым — был чрезвычайно шумный насчет слишком уже громких аплодисментов и вызовов, в особенности же довольно неделикатных требований повторений почти каждой музыкальной пьесы, через что вечер продлился до полуночи и сделался весьма тягостным для публики вообще (как слышно было при выходе), особенно же для дам, принужденных семь часов в жару высидеть на одном месте. Музыкальные части доставили истинное и общее удовольствие, в рассуждении же чтений были различных мнений, — например, о читанных Достоевским во второй уже раз отрывках из его «Мертвого дома», в которых он (как уже говорили об них и в первый раз) неизвестно для какой цели угощал слушателей отвратительными рассказами преступников в каторжной работе, арестантских ротах, острогах и проч., за что тот или другой из них был сослан или заключен после кнута, плетей или пройдения сквозь строй. Некоторые из слушателей говорили: чтение это может быть приятно для палачей, но никак для хорошей петербургской публики, и есть ли подобная вещь какая-нибудь избранная литературная статья для литературного вечера? Достоевский (говорили) чтением оной явно доказывает невнимание к слушателям, наполовину состоящим из дам, с приметным неудовольствием принужденных выслушивать такие отвратительные рассказы. Удивлялись, как распорядители литературных вечеров допускают подобные чтения, имеющие как бы целью приготовить будущих таковых же преступников к мужественному перенесению уголовных наказаний. Ясно видно, — сказал один из слушателей, — что у Достоевского при выборе таковой статьи есть какая-нибудь orriere pensee, — иначе быть не может.

Павлова «Тысячелетие России» произвело сильнейшее впечатление; он (как многие нашли) уже слишком вольно говорил, и едва ли все сказанное им было пропущено цензурою. Касаясь царствования нынешнего императора, он сказал, что манифест его 19 февраля 1861 г. открыл бездонную пропасть между простым народом и совершенно отдельным от него высшим классом: то-есть администраторами, дворянами и достаточными людьми, которые очень легко могут быть низвергнуты в эту пропасть, если не будут свободно сообщаться с простым народом. Чрезвычайно резкими найдены выражения: «Не увлекайтесь минутным блеском, не ослепляйтесь славою побед и ложным величием: никогда, никогда любезное наше отечество не бы-

ло в таком плачевном положении, как ныне». После бесконечных этим словам рукоплесканий, доходивших совершенно до беснования, Павлов, дав утихнуть произведенному им восторгу, поднял руку и указательный палец и кончил свою речь словами: «Имеющие уши да слушают!» Вообще вся статья была читана им каким-то особенным, восторженным, пророческим, громогласным голосом. Мало того, что он после того был вызван четыре раза, но и спустя уже несколько других чтений был опять вызван, и даже при окончании уже вечера при выходе публики были снова слышны вызовы его, но он не явился. Павлов (как многие нашли) был совершенный héros de la soirée и своим «Тысячелетием России» совсем уничтожил таковую же статью, весьма скромную в сравнении с этой, которую Костомаров с месяц тому назад читал на подобном же литературном вечере.

Некрасов своих два безыменных стихотворения прочел так тихо и невнятно, что решительно ничего нельзя было понять ясного. Из нескольких уловленных с трудом слов можно было только догадаться, что он говорил о казни какого-то молодого человека в глазах его матери, которая, зная, что сын ее казнен за какое-то правое дело, мужественно выдержала это зрелище с балкона.

С появлением Чернышевского, когда он не успел еще произнести ни слова, поднялись опять ужасные аплодисменты, но «Знакомство его с Добролюбовым», от которого ожидали сильного интереса, было найдено чрезвычайно вялым, бесцветным и решительно ничего не значущим, словом — каким то школьническим рассказом. Видно было, что статья Чернышевского очень наскучила всем (натурально, только не его благоприятелям), ибо по уходе его с кафедры, хотя сии последние и пытались его вызывать, но ужасное шикание благоразумной публики превозмогло число беснующихся, и Чернышевский остался без вызова. Этот affront (как полагали) должен быть для него тем чувствительнее, что он вчера в первый раз еще явился перед публикою и первый еще чтец из всех бывших литературных вечеров, который был публично ошикан. Многим не понравилась высокомерная выходка Чернышевского, между прочим, сказавшего: «Я себя по уму ставлю высоко, но Добролюбова ставлю еще выше себя!»

Вообще заметили там, что все эти неистовые крикуны, стоявшие вчера, так сказать, грудью за своих героев — Павлова и Чернышевского, были студенты их партий, так как и вообще на всех таковых вечерах замечено, что всегда одни и те же лица (т. е. студенты в частной одежде) руками и горлом работают в пользу своих избранных.

Курочкин во второй раз читал свое стихотворение из Беранже «Безумец», где он, между прочим, дозволяет себе говорить: «Безумец открыл новый свет, безумец дал нам новый завет, а этот безумец был бог». Неужели (говорили) цензура могла это позволить?

После Курочкина явился Горбунов (который вовсе не был означен в программе) и опять смешил публику своею сценою из быта квартального надзирателя.

Народу на сем вечере была толпа, так что разъезд продолжался до второго часу. В числе слушателей было много генералов.

Агентурное донесение 4 марта 1862 г.

Вчера вечером в разных местах были разговоры и суждения о Павлова «Тысячелетии России». Одни рассказывали о слышанном ими самими на том вечере, другие — о слышанном, наверное,

от знакомых, бывших там третьего дня. Все благомыслящие люди были согласны, что речь его была чрезвычайно вольна и дерзка и выходила уже из всех границ литературных чтений, хотя почти все, что говорится ныне на этих вечерах, само по себе уже в слишком либеральном духе. Твердо были уверены, что статья Павлова не могла быть пропущена цензурою в таком виде, как он сам ее говорил, а что он непременно вмешал в оную многое из собственной своей импровизации, но, что статья пропущена цензурою, доказывается (как полагали многие) тем, что заглавие оной дозволено было к напечатанию на программе сего вечера. Иные говорили, что, может быть, цензура не обратила должного внимания на то, что эта важная в нынешнее время статья для России будет читана известным в своем роде Павловым, а то ни один цензор или кто позволил программу, не взял бы на себя огромную ответственность за слова Павлова, произнесенные им таким торжественным, пророческим тоном, как он, чего не только не дозволяют себе ни одно частное лицо на подобных вечерах, но даже и сами проповедники в наших церквах.

Так как после слов, сказанных Павловым громогласным образом, по окончании его речи, с поднятою наверх рукою: «Имеющие уши да слышат», поднялся в зале такой ужаснейший шум, стук, рукоплескания, и множество слушателей от восторга встали со своих мест и двинулись к кафедре, совершенно заслонив оную, то после четырех вызовов Павлова, в этом шуме (говорили многие) неясно было слышно, повторил ли он при выходе те же слова: «Имеющие уши да слышат» или хотел сказать еще другое что, но что совершенное беснование в зале его партии, при неимоверных криках и возгласах, заглушили его слова. Также и в том вчера многие не были согласны, были ли действительно слышны в зале вызовы Михайлова или только так послышалось некоторым.

Все прочие неопровергаемые факты речи Павлова [1]), сказанные им во всеуслышание, может быть, трех тысяч или более лиц лучшей петербургской публики, всеми были вчера подтверждаемы.

О Костомарове (бывшем также там) вчера же слышно было, что по окончании речи Павлова он, пожимая плечами, весьма скромно сказал некоторым своим соседям: «После этого я не удивляюсь, что моя статья «Тысячелетие» показалась вялою и сухою». Костомаров (говорят) после Павлова речи тотчас же ушел, не дождавшись окончания вечера.

Письма А. В. Головнина кн. В. А. Долгорукову.

Нужное.

1.

Имею честь уведомить ваше сиятельство, что я ныне же поручил г. попечителю здешнего округа объявить профессору Павлову, что я не могу дозволить ему продолжение публичных лекций после всего, что происходило в зале Руадзе 2 марта, и сообщил о том г. генерал-губернатору.

Статс-секретарь Головнин.

2.

Профессор Павлов был у меня сегодня и представил читанную им 2 марта статью, пропущенную цензурой. Ваше сиятельство увидите, что цензура не могла не пропустить статью. Г. Павлов объясняет, что шум, эффект и пр. произошли оттого, что он читал очень громко, с жаром, жестами, и что публика вовсе не поняла его, а что он

---

[1]) В подробности изложенные в представленной вчера записке.

прямо выставлял огромную заслугу правительства, освободившего крестьян и начавшего тем самым новую историю России. Я объявил ему, что, во избежание подобных недоразумений со стороны слушателей его лекций, оные мною прекращены. Затем мне кажется, что следует оставить его без дальнейшего взыскания.

Покор. слуга Головнин.

Ответственная редакция: **В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.**